ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 52 ДЕКАБРЬ 1978

СВОБОДНОЙ КУБЕ — ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

ТЫСЯЧАМИ КИЛОМЕТРОВ ОТДЕЛЕНА КУБА ОТ СВОИХ ДРУЗЕЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ И АЗИИ. НО ТАКОВА УЖ ПРИРОДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА, ЧТО РЕВОЛЮЦИОННАЯ КУБА НИКОГДА НЕ БЫЛА И НИКОГДА НЕ БУДЕТ ОДИНОКОЙ. КУБА — АКТИВНЫЙ И УВАЖАЕМЫЙ УЧАСТНИК КИПУЧЕЙ ЖИЗНИ БОЛЬШОЙ СЕМЬИ ГОСУДАРСТВ, СПАЯННОЙ УЗАМИ БРАТСТВА, ТОВАРИЩЕСТВА И БЕСКОРЫСТНОЙ ВЗАИМНОЙ ПОДДЕРЖКИ.

Л. И. БРЕЖНЕВ

НАШ НАРОД ВНЕС В ДЕЛО СОЦИАЛИЗМА СВОЙ ВКЛАД — НЕСГИБАЕМОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СПРАВЕДЛИВОСТИ И СВОБОДЕ, ПОТ И КРОВЬ, ВЕРНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ИДЕАЛАМ. НО ВСЕ ЭТО БЫЛО БЫ НЕМЫСЛИМО БЕЗ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, БЕЗ ВАШЕЙ БРАТСКОЙ ПОДДЕРЖКИ И СОЛИДАРНОСТИ, БЕЗ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОСНОВАННОГО ЛЕНИНЫМ ГОСУДАРСТВА...

Фидель КАСТРО

1 января — День освобождения Кубы, день победы кубинской революции. Сегодня это особый праздник: первое в западном полушарии государство рабочих и крестьян отмечает двадцатилетие своей новой истории. Материалы, посвященные этой дате, читайте на **стр. 4—7.**

Фото В. МУСАЭЛЬЯНА и В. СОБОЛЕВА (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 52 (2685)

23 ДЕКАБРЯ 1978

ВРУЧЕНИЕ ТОВАРИЩУ Л. И. БРЕЖНЕВУ

Во время вручения награды.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАЗНАЧЕНИИ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР ДЕСЯТОГО СОЗЫВА

В соответствии со статьей 90 Конституции (Основного Закона) СССР и статьей 12 Закона СССР «О выборах в Верховный Совет СССР» Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

назначить выборы в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик десятого созыва на воскресенье, 4 марта 1979 года.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 13 декабря 1978 г.

В печати опубликованы Указы Президиума Верховного Совета СССР об избирательных округах по выборам в Совет Союза и Совет Национальностей Верховного Совета СССР.

ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ РОДИНЫ

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

В Кремле в торжественной обстановке 19 декабря состоялось вручение Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу высшей награды Родины — ордена Ленина и третьей медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

Награду товарищу Л. И. Брежневу по поручению Президиума Верховного Совета СССР вручил член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов.

При вручении награды были товарищи Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Н. А. Тихонов, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, Я. П. Рябов, К. В. Русаков, М. С. Горбачев, а также заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. Холов, Председатели палат Верховного Совета СССР А. П. Шитиков, В. П. Рубен, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, помощники Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, А. И. Блатов, референт Генерального секретаря ЦК КПСС Е. М. Самотейкин.

Вручая высшие награды Родины, тов. М. А. Суслов выступил с речью. Он сказал:

«Дорогой Леонид Ильич!

Дорогие товарищи!

Сегодня мы вместе со всей нашей партией, всем советским народом чествуем Вас, Леонид Ильич, в день Вашего рождения.

Президиум Верховного Совета СССР в ознаменование выдающихся заслуг перед Коммунистической партией и Советским государством в укреплении экономического и оборонного могущества Советского Союза в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, за неутомимый труд в борьбе за мир и в связи с днем рождения наградил Вас высшей наградой нашего Отечества — орденом Ленина и третьей медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза...

Коммунисты, весь советский народ вверили Вам высшие посты в партии и государстве — Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, руководителя Совета обороны страны, выразив тем самым высочайшее доверие и уважение Вам, дорогой Леонид Ильич. Вот уже 14 лет, возглавляя ленинский Центральный Комитет нашей партии, Политбюро ЦК, Вы с честью оправдываете это доверие, проявляете глубокую мудрость, выдающийся талант руководителя и организатора в борьбе нашей партии и народа за экономический и социальный прогресс нашей Родины, за дело коммунизма и мир...»

Под бурные аплодисменты тов. М. А. Суслов вручил Леониду Ильичу Брежневу орден Ленина и третью медаль «Золотая Звезда».

С ответной речью выступил тов. Л. И. Брежнев. Он сказал:

«Дорогие товарищи и друзья!

С глубокой благодарностью и волнением я воспринимаю решение руководящих органов нашей партии и государства о награждении меня сегодня, в день моего рождения, орденом Ленина и третьей медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Я тронут этой высокой оценкой моих трудов на благо Родины, на благо советского народа и теплыми словами, которые здесь сказал Михаил Андреевич.

Если учесть, что не так давно я имел возможность отметить в своем календаре 40-летие пребывания на руководящей партийной и советской работе, то материал для кое-каких обобщений и оценок пройденного пути сегодня, пожалуй, имеется.

Недавно в беседе с одним иностранным товарищем я откровенно сказал, что есть две вещи, которые всегда были и будут наиболее близки моему сердцу, всегда были и будут предметом моих главных забот. Это — хлеб для народа и безопасность страны...

И сегодня я делаю и впредь буду делать все от меня зависящее, чтобы советские люди жили спокойно и все более благополучно, чтобы надежной и несокрушимой была оборона Советского Союза, главная цель которой — не допустить новой войны, чтобы одерживала новые успехи внешняя политика Советского государства — политика мира и прогресса, политика сотрудничества всех государств, политика дружбы между народами...»

* * *

Члены Политбюро ЦК КПСС, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС, другие партийные и государственные деятели горячо и сердечно поздравили Леонида Ильича Брежнева с высокой наградой Родины и днем рождения. Они пожелали ему дальнейшей плодотворной деятельности во имя процветания социалистической Родины, построения коммунистического общества в нашей стране, торжества идей марксизма-ленинизма, во имя прочного мира на земле.

Товарищ Л. И. Брежнев выразил сердечную благодарность за поздравления.

ШИРОКИЙ ШАГ РОССИИ

14 декабря в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылась девятая сессия Верховного Совета РСФСР девятого созыва.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили депутаты и гости товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, А. Я. Пельше, Г. В. Романова, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, Я. П. Рябова, К. В. Русакова, М. С. Горбачева.

На сессии, работавшей два дня, были заслушаны и обсуждены доклады о Государственном плане экономического и социального развития РСФСР на 1979 год и о ходе выполнения Государственного плана экономического и социального развития РСФСР в 1978 году; о Государственном бюджете РСФСР на 1979 год и об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1977 год; о проекте Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». По всем этим вопросам приняты соответствующие законы.

В зале заседания сессии Верховного Совета РСФСР.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

Вот она, красавица Гавана.

Фото Т. Мартин

ПОДВИГ

Н. ХРАБРОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

Душные, жаркие декабрьские дни. Воздух до отказа напитан влажностью и солнцем. Синева Мексиканского залива течет за горизонт — в еще более голубую синеву Карибского моря и океана. С двадцать пятого этажа гостиницы «Гавана Либре» виден весь каменно-пальмовый мир Гаваны: восьмикилометровая подкова набережной Малекон; высотные дома; купола дворца бывших диктаторов, ныне Музея Революции; церковь со статуей Марии дель Кармело; улицы, стиснутые лепными фасадами в стиле колониального барокко, выбегающие прямо к волне; старая крепость Кастильо дель Морро с белой свечой маяка в каменных жестких ладонях. Ночью маяк проводит по лагуне и по Гаване прозрачным лучом, и кажется, будто город легко висит над освещенной водой. К утру маяк засыпает, а Гавана медленно, как Венера из пены морской, выступает из розовой дымки—встает тропическое солнце. Постепенно высвечиваются загородные рощи пальм и бананов, серебристо-серые стволы пальм сливаются с воздухом, и султаны их будто плывут в небе зелеными перистыми облачками.

Куба. О ее красоте можно писать много и пылко... Если бы с первых шагов по кубинской земле не захватывала другая красота — яркого народного характера, неостывающей революционной мысли, приподнятости чувств от ощущения долгожданной, трудно отвоеванной свободы.

ЗИНАИДА ГАРСИА

— Здравствуйте, с приездом, я буду вам переводить, меня зовут Зинаида,— молодая женщина, приветливо улыбаясь, протягивает руку.

— Где вы выучили русский?

— Здесь, в институте иностранных языков.

— Вы хоть немножко помните время до революции?

— Конечно, ведь мне было уже больше десяти лет. Жила в городе Санта-Клара. Мне-то еще повезло — мой отец работал шофером на грузовой машине, и я была у родителей одна, они только и мечтали о том, чтобы я училась. Еще помню изобилие товаров в магазинах и на улицах, только их почти не покупали, у людей не было работы, не было денег. Бедность помню, или, как это по-русски, если ходят и просят? Вот-вот, нищету. Еще помню специальные скамейки для черных,— чтобы белым не сидеть с нами, специальные аллеи в парке,— чтобы белым не гулять с нами. Так что, если бы в то время вас увидели со мной, тогдашние здешние белые посмотрели бы на вас косо. Я правильно сказала — посмотрели бы косо? После революции все изменилось, мы приехали в Гавану, я закончила институт и опять учусь — теперь в университете, на факультете гуманитарных наук. Готовлюсь к вступлению в партию, занимаюсь общественной работой. Теперь у нас в стране люди не делятся на темнокожих и светлокожих, мы все кубинцы, граждане Республики Куба. Я благодарна тем, кто избавил мою родину от расового неравенства, и хочу, чтобы так было на всей земле.

— Меня зовут Зинаида Гарсиа.
Фото Х. Анте

ГЕНЕРАЛЫ СВОБОДЫ

...морской тюремщик, запомни
высоких копий сверканье,
валов нарастающий грохот,
язык языков пожара...
Н. ГИЛЬЕН

Провинция Камагуэй знаменита многим — и новостройками, и животноводством, и тем, что ее называют «сахарницей страны». Еще знаменит Камагуэй своими тинахонами — громадными кувшинами из плотной красной глины. Когда-то в них хранили воду. Теперь они украшают улицы, парки, перекрестки, подъезды.

Камагуэй — город дружбы. Здесь и в провинции работают представители стран СЭВ — СССР, Болгарии, ГДР, Венгрии и Чехословакии.

И живет в Камагуэе, как его почетная гражданка, слава борьбы за независимость Кубы. В центре города стоит большой старинный дом, в нем музей Игнасио Аграмонте. Он был старшим из пяти братьев. Родился Игнасио в 1841 году, получил хорошее образование, учился в Испании и преклонялся перед идеями французской революции. Он мучительно страдал оттого, что Куба задавлена колониализмом. История Камагуэя, как и всей страны, написана кровью. Здесь в 1812 году были казнены восставшие негры, в 1826-м повешен поборник независимости Фраскито Агуэро Веласко, в 1851-м — расстреляны Хоакин де Агуеро и его соратники... В 1868 году, когда Карлос Мануэль де Сеспедес начал восстание на Кубе, в Камагуэе поддержали его, и вся территория провинции до конца века была театром вооруженных действий. Игнасио Аграмонте собрал под свои знамена четыре тысячи борцов за независимость. 4 ноября 1868 года он вышел в бой против испанской колониальной армии. Когда его спросили, во имя чего он начал войну, Игнасио Аграмонте ответил:

— Потому что мне стыдно за то, что я богат, а мой народ нищ, за то, что я свободен, а народ порабощен.

Игнасио Аграмонте погиб; но и мертвый он был страшен колонизаторам, они сожгли его и прах развеяли по ветру.

Командовать повстанческой армией стал Максимо Гомес — воин, скупой на похвалы. Но о том, как была организована и выучена армия Аграмонте, он отозвался с восхищением и записал в дневнике: «Мне будет трудно после генерала Аграмонте». ...Войска колонизаторов черпали пополнение из метрополии. При населении в три миллиона на Кубе в конце прошлого века было полтора миллиона колониальных солдат. В таких условиях боролись Максимо Гомес, Антонио Масео, Хосе Марти...

У путешественника, которого мы на русский лад зовем Христофором Колумбом, имя по-испански звучало так: Кристобаль Колон. Незадачливый счастливец Колумб! Прогреметь величайшим географическим открытием — и своим именем окрестить эру колониализма.

Аламар и те, кто его строит.

Фото Х. Анте

На Кубе она длилась четыреста восемь лет. В последнем десятилетии XIX века Хосе Марти создал Кубинскую революционную партию, возглавившую освободительную борьбу. В начале двадцатого века Куба стала республикой. И сразу же сюда вторглись американцы. Плантациями сахарного тростника и фруктовыми садами завладела компания «Юнайтед фрут». Как грибы, росли сахарные заводы, обогащались акционеры «Юнайтед фрут», а рубщики тростника жили, как аборигены пять веков назад. Кубинцы не были бы кубинцами, если бы смирились с интервенцией. В 1925 году Хулио Антонио Мелья и Карлос Балиньо создали Коммунистическую партию Кубы. Ее знаменем стал марксизм-ленинизм, Октябрь.

НУЭВИТАС СМОТРИТ НА ЗВЕЗДЫ

...Наша страна с населением в 5,5 миллиона человек насчитывает больше безработных, чем Франция и Италия с населением более чем 40 миллионов каждая...

Из речи Фиделя КАСТРО «История меня оправдает», 1953 год.

От Камагуэя в Нуэвитас дорога идет среди сплошных пастбищ. Серо-коричневые коровы бродят в тропических травах по грудь, словно плавают в густой зеленой воде. У дороги бегают маленькие белые цапли. Луга разделены цементными столбиками на участки, ограждены проволокой. Спрашиваю свою спутницу, корреспондента журнала «Боэмия» Сусанну Тэсоро, давно ли Куба завела у себя такую систему пастьбы.

Сусанна отрицательно качает головой:

— Раньше пастух на лошадь, стадо плохое, и туда-сюда...

Словом, культурные пастбища были созданы несколько лет назад, когда в Нуэвитасе закончилось строительство цементного завода, завода электродов и проволоки и когда завод азотно-туковых удобрений стал давать продукцию.

В Нуэвитасе мы познакомились с Карлосом Бланко. Высокий и худощавый, он предстал перед нами в группе молодых светловолосых людей, и все они говорили то по-русски, то по-испански. В конце концов слово решили дать Карлосу, и он произнес целую речь:

— Знакомьтесь, это советские специалисты Владимир Морозов, Валерий Савченко, Иван Костыря, они помогли нам построить этот совершенно необходимый Кубе завод удобрений. Они считают, что о Нуэвитасе должен говорить я, и я скажу. Вы видели — он красивый, да? Большая часть его построена после революции. Прошу обратить внимание — впервые в истории кубинцы строят для себя. До революции здесь жили рыбаки и портовые рабочие, отсюда сахар вывозили в Америку. Сафра длится 3—4 месяца, с мая по декабрь Нуэвитас не работал. Хотите знать, что он делал? Здесь пьянствовали и играли в азартные игры, а потом голодали. Деньги добывали женщины с помощью той профессии, которую называют древнейшей... Революция спасла Нуэвитас от позорной жизни. Страны СЭВ помогли нашему городу стать индустриальным. Специалисты ГДР руководили строительством завода электродов и проволоки. На новостройки всей Кубы идет цемент с нашего завода, он тоже создан с помощью инженеров из ГДР. Сооружением теплоэлектростанции руководили чехословацкие специалисты. Болгары помогают возводить большой холодильник для фруктов и овощей. И вот — наш завод азотно-туковых удобрений. 1800 рабочих трудятся здесь. Компаньеро Владимир, скажи теперь ты, как идет у нас работа?

— Хорошо! Кубинцы очень способные, они прекрасно усвоили автоматическое управление,— отвечает советский инженер Владимир Андреевич Морозов.

Милые мои соотечественники... Сколько раз за эти дни на Кубе я слышала добрые слова о вас, мелиораторах, инженерах, учителях. Кубинцы восхищаются бескорыстной дружеской помощью советских людей.

— Преданность ваших специалистов своему делу — вот о чем надо сказать,— продолжает Карлос.— И второе — их образ жизни. Книги, фильмы, спорт, дружба русских, чехов, венгров, болгар, уважительное отношение к кубинцам — все вместе неузнаваемо изменило психологию жителей Нуэвитаса. Я прошу вас со страниц «Огонька» передать нашу благодарность советскому народу, вашей стране, которая дорога мне так же, как и Куба.

В теплой влажной вечерней темноте Нуэвитаса зажигаются сигнальные огоньки: на трубах ТЭЦ, азотно-тукового, цементного, на строительных лесах огромного холодильника. Вечерняя смена на знакомых автобусах советских марок подъезжает к заводу. Рабочие привычно взглядывают вверх — огни Нуэвитаса похожи на звезды.

ЧТО ТАКОЕ «ЭСКУЕЛА ЭН ЭЛЬ КАМПО»?

Едем к подножию гор Каймито дель Гуаябаль. Аллея торжественных королевских пальм ведет в чье-то бывшее поместье. Теперь здесь школа — «Эскуела эн эль кампо» имени Юрия Гагарина. Если перевести дословно — школа в поле. Светлое здание построено десять лет назад по проекту кубинских архитекторов и приспособлено к тропической жаре. В длинном открытом коридоре-холле гуляет спасительный ветерок, яркоглазые смуглокожие ребята отдыхают здесь в перерывах между занятиями и работой в поле. Обучение идет по принципу: уроки + работа. Школьный день начинается рано, ребята встают в шесть утра. Умывание, гимнастика, завтрак, после чего все ученики разделяются на две группы: одна идет в классы, другая — в поле. В 11 часов перерыв, ребята принимают душ и обедают. После обеда отдых, потом группы меняются и снова идут учиться и работать. Подсчитываю: ребята заняты не меньше восьми часов в день.

— Не устают ли они?

— Устают, — отвечает директор Армандо Эррера Пачеко. — Точнее, устают в первые дни, потом привыкают. Но нам надо готовить людей, которым предстоит в будущем решать все более сложные задачи строительства социалистического общества, значит, мы должны не только дать им образование, но и научить трудиться.

— Наши ученики успевают еще и общественной работой заниматься, — рассказывает секретарь комсомольской организации Серхио Родригес. — Комсомольцы, как ученики, так и молодые преподаватели, состоят в отряде имени Мануэло Аскусе Доменича, молодого коммуниста, убитого врагами революции во время ликвидации неграмотности в ноябре 1961 года. Нас называют «ребельдес» — продолжателями дела повстанцев революционных лет. Мы — участники революции созидающей.

— Таких школ на Кубе сейчас более трехсот, — продолжает нашу беседу заместитель директора Люсио Перес. — Ребята живут в интернате с понедельника до второй половины пятницы, на субботу и воскресенье разъезжаются по домам. По окончании школ нашего типа выпускники поступают на подготовительный курс университета и становятся хорошо подготовленными специалистами.

Школу имени Гагарина окружают сады мандаринов, гуайяво, бананов, поля, на которых растут овощи. Все, как и яркий декоративный сад, посажено школьниками и молодыми учителями. Все ярко и молодо, как сама республика.

ЭКТОР МОИНЕЛО ИЗ АЛАМАРА

— Знаете, что такое микробригады? — спрашивают журналисты из «Боэмии» и везут меня в город-спутник Гаваны Аламар. Здесь на строительстве домов для себя работают корреспонденты и другие сотрудники изданий агентства «Пренса Латина» и журнала «Боэмия». Жилищная проблема в Гаване и в других городах Кубы достаточно сложна: революции надо было улучшить жилищные условия миллионов людей. Население Кубы быстро увеличивается, потребность в квартирах растет. Для ускоренного строительства и создаются микробригады из работников различных учреждений и предприятий. Начальником строительного участка «Боэмии» и «Пренса Латины» работает Эктор Моинело — автомеханик из редакционного гаража.

— У меня в бригаде сейчас 31 человек, это журналисты, водители, механики, линотиписты, — рассказывает он.— Работа у нас трудная, но и красивая — она приносит людям счастье. В Аламаре сорок тысяч человек уже получили квартиры, и я рад, что частица моего труда останется здесь. Когда началась революция, я был уже юношей, но не умел ни читать, ни писать. Только в 1967 году я обучился грамоте и приобрел профессию механика. Четыре года руковожу здесь строительным участком и чувствую: мне трудно было бы расстаться с ним. К тому же я знаю, что партия считает сейчас жилищное строительство одной из важнейших задач, и я хочу быть там, где мои руки и знания нужны больше всего.

ГОСУДАРСТВО — ЭТО И Я

...Самая существенная черта возникшего в тот день революционного движения является теперь и самой существенной чертой нашей революции, а именно — вера народа в себя, вера народа в свое дело...

Из речи Фиделя КАСТРО по случаю XV годовщины штурма Монкады. 1968 год.

— Я поступил на медицинский факультет Гаванского университета еще при капитализме, меня тогда, как и сейчас, интересовала

Орландо Замора, депутат Национальной ассамблеи Кубы.
Фото М. Сабало

хирургия, — так начал рассказ о себе Орландо Замора Альмейда, депутат Национальной ассамблеи Кубы, руководитель партийного комитета университета в Камагуэе.— Но наша профессиональная ориентация всего лишь часть нашей жизненной ориентации... Весь мир знает, что представлял из себя режим Батисты — отвратительная смесь узурпации, эксплуатации, расизма, политических убийств.

Орландо Замора воспротивился этому режиму и стал участвовать в студенческих забастовках. С 1953 года они участились — студенты поддержали Фиделя Кастро. В 1956 году из-за массовых студенческих манифестаций Батиста приказал закрыть Гаванский университет. Орландо Замора окончил его уже после революции. Затем он — декан медицинского факультета и заместитель ректора Камагуэйского университета.

Член Коммунистической партии Кубы с 1967 года, Орландо Замора стал известен среди коллег, среди студентов, среди жителей Камагуэя как человек с большим чувством ответственности и стойкой общественной позицией. В 1973 году он был избран членом районного и муниципального комитета партии. Был участником I съезда Компартии Кубы. События этих лет и дней еще полнее раскрыли перед ним горизонты Кубы и значение труда каждого человека в общегосударственном деле: кто же, если не я?

В ноябре 1976 года его избрали депутатом Национальной ассамблеи — верховного органа народной власти. Он возглавил комиссию по охране окружающей среды и природных ресурсов. Орландо Замора почувствовал себя на посту президента этой комиссии как рыба в воде и не устрашился ни трудностей, ни меры ответственности. Для него, врача, было очевидно: здоровье людей зависит от здоровья окружающей среды.

В первую очередь комиссия начала борьбу с шумом на предприятиях и улицах Гаваны. Было предложено установить на всех сигнализирующих приборах специальные глушители, а там, где это невозможно, завести защитные наушники для рабочих. Исследования показали, что на многих предприятиях нарушается режим рабочих часов, есть случаи плохой вентиляции, недостаточного освещения. Орландо Замора сделал обо всем этом доклад на очередном заседании Национальной ассамблеи и был поддержан. Теперь комиссия проверяет, как устраняются неполадки.

23 депутата работают в комиссии — врачи, инженеры, техники, администраторы, учителя. Они живут в разных частях Кубы и собирают сведения о состоянии окружающей среды — каждый по своему избирательному участку.

— У меня надежные, все понимающие помощники — это врач Либертад Карраско и медсестра Глория Куэто,— рассказывает доктор Замора.— Обе они живут в Гаване и имеют возможность непосредственно обращаться в государственный комитет охраны окружающей среды при Академии наук Кубы, где работают ученые-экологи.

Недавно мы решили один важный вопрос. Речь идет о Нуэвитасе. Здесь теперь много заводов, и это представляет известную опасность для атмосферы. Чтобы избежать загрязнения воздуха, на трубах цементного завода будут установлены новые электрофильтры, уже заказанные в ГДР и в Японии.

— А завод азотно-туковых удобрений? — спросила я.

— Тут опасности нет, советские специалисты, которые его строили, все предусмотрели... Сейчас на повестке дня — борьба за чистоту речной и морской воды.

— А как обстоят дела с охраной вашего собственного здоровья, ведь у вас так много работы?

— Поразмыслив, я понял, что из трех моих обязанностей — руководителя партийной организации университета, депутата Национальной ассамблеи и заместителя ректора — я могу справиться только с двумя. Я решил отказаться от работы в ректорате. Этот выбор я сделал исходя из интересов революции.

* * *

Исходя из интересов революции... Так живет вот уже двадцать лет кубинский народ. Исходя из интересов революции он избрал себе суровую судьбу воина. В горах Сьерра-Маэстра и на баррикадах Сантьяго-де-Куба кубинцы выиграли решающее сражение за свободу. Теперь, исходя из интересов революции, они строят заводы и города, распахивают целину, занимаются в университетских аудиториях.

Революция открыла перед Кубой горизонты новой жизни, дала всем гражданам республики право на труд, на отдых, на образование. Это записано в конституции, за которую в феврале 1976 года проголосовала вся страна. И еще революция дала кубинцам великое право — право на подвиг.

— План 1978 года выполнен, — сообщает директор хозяйства «Триумвирато» Хосе Льяноса.
Фото Х. Ойеро

БАЛЛАДА МАТАНСАСА

Начинается сафра.

Перестройка сельского хозяйства — одна из главных задач Кубы сегодня. Сотни новых аграрных комплексов, которые организуются в республике в последнее десятилетие на принципах социалистической экономики, открывают новую страницу в жизни кубинской деревни. Этот рассказ — об одном из таких хозяйств.

В провинции Матансас — совершенно гогеновский пейзаж. Синева Мексиканского залива разбавлена у берега бирюзовыми и лазоревыми разводьями и белой пеной прибоя. Пальмы растут здесь не в гордом одиночестве, а клубятся густыми лесами — пальмерами. Ветер относит лиловатые волны воздуха к дальней горной гряде.

Много веков стояли в долинах Матансаса вигвамы из пальмовых листьев. В них жили индейцы одного из племен кариби. Вместо них, загубленных колонизаторами, были привезены из Африки черные рабы — сильные, выносливые люди. Негров истязали, мучили, убивали. Особенно свирепствовал плантатор Эстебан Санта де Круз Овиеда... 5 ноября 1848 года черные рабы восстали и с призывом «Смерть, огонь и свобода» пошли жечь сахарные заводы: они думали, что именно заводы — источник их страданий. Восстание было подавлено. Сколько безвестных рабов — «гладиаторов XIX века», как назвал их Фидель Кастро, погибло, кто знает!

На развалинах бывшего поместья Триумвирато, принадлежавшего когда-то трем братьям-сахарозаводчикам, будет сооружен монумент погибшим в том давнем восстании. А пока памяти их посвящен новый аграрный поселок Триумвирато...

Дома все, как один, новые. Двери и окна распахнуты — жара. Вся жизнь на виду: женщины готовят, стирают, шьют, моют полы. Мужчины работают в поле, рубят тростник по краям плантаций — начинается сафра.

...Хосе Льяноса встретил революцию в Гаване, в подполье. Он ждал ее и хотел, чтобы она вошла

в столицу триумфально, — все годы после Монкады он организовывал забастовки, митинги, выполнял поручения партии.

Когда в 1971 году партия прислала его в эти края, здесь жили крестьяне-единоличники, обрабатывали полученную после революции землю, пасли захудалый скот местной породы «сегу», продавали мясо и молоко. Хосе Льяноса подсчитал: земля здесь используется лишь на одну треть. Он собрал крестьян и рассказал, что коллективно легче работать и жить. Постепенно все они, кроме одного — он и поныне живет на своем участке, сером и невзрачном среди ухоженных полей и домов поселка, — объединили землю и скот в одно хозяйство. Хосе Льяноса стал его директором. Теперь Триумвирато принадлежит 30 гектаров земли и 60 тысяч голов скота, из них 15 тысяч дойных коров. «Сегу» скрестили с чистопородными «голштинцами» и получили высокопродуктивное стадо. Количество молока, полученного на 165 фермах хозяйства, за 4 года выросло вдвое и в этом году достигло 42 тысяч килограммов. Небольшие фермы, где скот стоит беспривязно под навесом в самое жаркое время дня, впечатляют абсолютной чистотой. Открытые помещения проветриваются бризом с Мексиканского залива, здесь нет никаких запахов, присущих закрытым скотным дворам. Только телятники, если бывает ветер, завешивают со стороны залива брезентом, чтобы малыши не простудились. Фермы оснащены автоматическими доильными установками. Вокруг бесчисленное количество цветов.

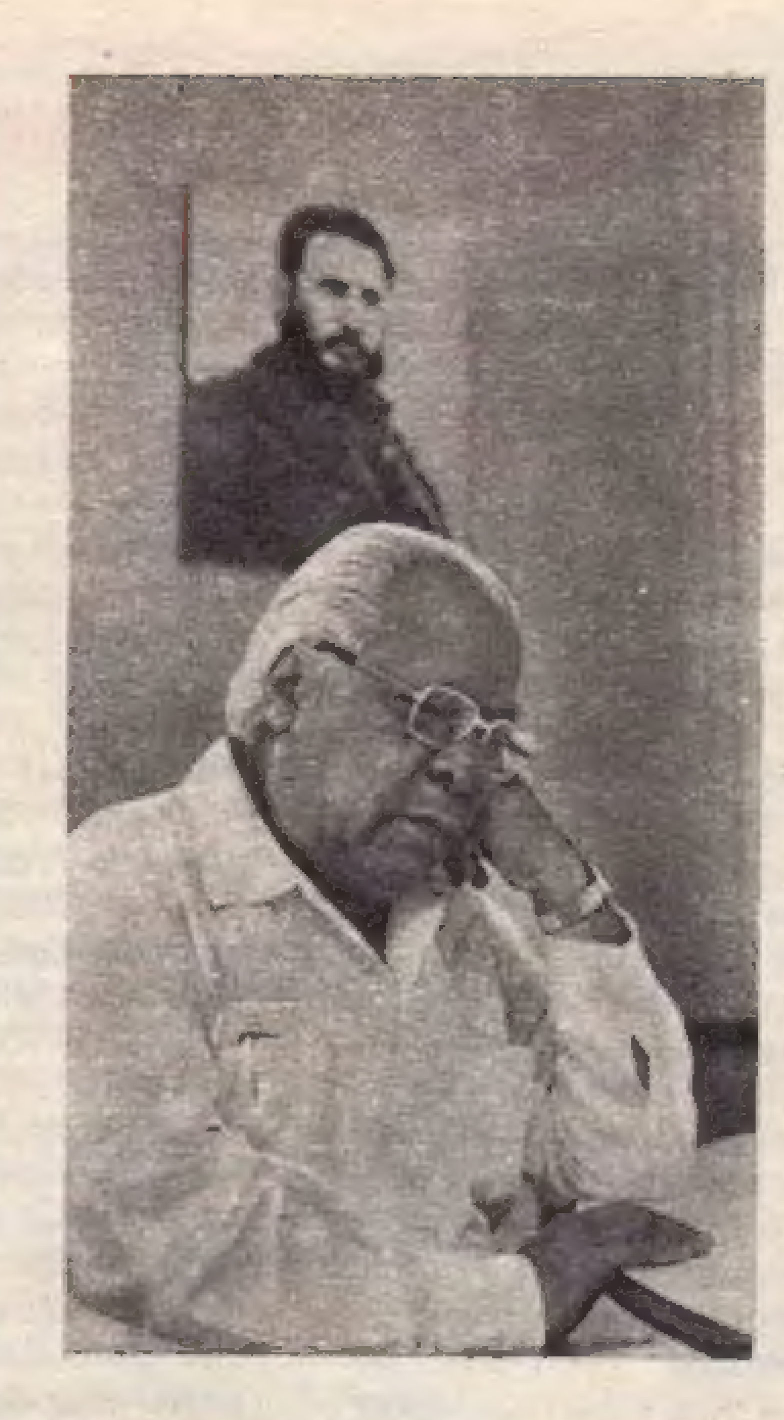
— Цветы — очень важный психологический фактор, — сказал нам экономист хозяйства компаньеро Рикардо Вакес. — Раньше на Кубе, если говорилось «скотоводство», подразумевалось «грязь». Теперь здесь все механизировано, люди в чистоте работают с удовольствием, зарабатывают хорошо. Знаете, Хосе Марти писал об одном животноводе, который пел, когда доил коров, и они давали больше молока.

Хозяйство производит продукции на 16 миллионов песо в год. Здесь построен чистый, красивый, весь в цветах поселок, где живут шесть тысяч человек. Магазин, парикмахерская, медпункт — все, как в городе. И прекрасная школа имени восстания Триумвирато.

Новый поселок, новые орудия труда, новая школа. Новая жизнь — новые люди. В школе преподают молодые учителя, дети местных крестьян, они получили дипломы уже после революции. Самое юное поколение Триумвирато будет знать о старой жизни по рассказам дедов да по учебникам истории. Уже не погонщиками скота, а операторами машинного доения начнут они свою трудовую жизнь. Они станут ветеринарными врачами, агрономами, мелиораторами — специалистами нового села. Чтобы ускорить наступление этой нови, в Триумвирато сейчас учатся жители всех поколений.

— Можете и меня поздравить,— сказал, прощаясь, Хосе Льяноса,— недавно я получил диплом Гаванского университета, закончил образование, которое прервал двадцать лет назад ради того, чтобы все силы отдать революции. Теперь она требует знаний, и я учился вместе с моими детьми, тоже студентами.

Н. СЕРГЕЕВА

Desde las páginas de la revista "Ogoniok" envío un caluroso saludo al pueblo soviético, tan cercano siempre del pueblo de Cuba, con mis votos bien sinceros por sus éxitos en el nuevo año.

La Habana, dic 5-78

Этот автограф подарил «Огоньку» выдающийся кубинский поэт Николас ГИЛЬЕН.

«Со страниц журнала «Огонек»,— написал он,— посылаю теплое приветствие советскому народу, неизменно близкому народу Кубы, вместе с искренним пожеланием успехов в новом году. Гавана, 5 декабря 1978 года».

Гильен нарисовал и этого забавного «папалоте» — бумажного змея: «Чтобы он донес в «Огонек» мои слова привета».

СЕРДЦЕ НА ГОРИЗОНТЕ

Карлос Марти БРЕНЕС

СТИХИ О ЖЕНЩИНАХ

Эта женщина говорит о политике
И успевает растить детей
И мыть кастрюли.
Эта женщина разрушает старые бутовые тюрьмы,
И ее винтовка гремит во влажном воздухе ночи.

Эта женщина не надышится ароматом борозд
И понимает язык распаханных полей,
В то время как ее незабываемая юная улыбка
Украшает волшебный профиль саванны.

Можно ли было представить,
Что этой женщиной... станет девочка,
Которой бабушка не разрешала
Высовывать носа за порог своего дома.

Стихотворенье,
Лишь одно настоящее стихотворенье
О любви, что давно прошла.

Перевел с испанского Арсений СТРУК.

ДИАЛЕКТИКА

Ты говоришь —
Без хлеба
Нет и жизни.
Но хлеба нет
Без хлебороба.
Ты говоришь —
Лишь человек
Взлелеет поле.
А без труда
Нет человека.

Перевел с испанского Евгений АНТОШКИН.

Рауль РИВЕРО

ШТРИХИ БИОГРАФИИ

В моем возрасте он таскал камни,
Валил деревья,
Выжигая уголь на побережье Камагуэя.
По ночам
Дым керосиновой лампы ему разъедал глаза,
Путал строки стихов Иларио Кабрисаса,
Неопровержимые параграфы Варгаса Вила
И загадочный мир Аллана Кардека.

У него хорошо сказано о тех временах:
«Жизнь моя начиналась».

Этой ночью прислушаемся к тишине.
Промелькнули годы, сейчас он начнет
Свой сольный первый концерт
И станет искать безнадежно в памяти

Хесус Кос КАУСЕ

РЫБАК

Рыбак забирает сети, воспоминания, сновидения
и отправляется на свидание с морем.
В открытом море ночь кажется огромным и покинутым портом.
Рыбак сидит на палубе и поет;
свет луны и маяка сливаются,
а рыбак сидит и думает о любимой.
Он знает, он, конечно же, знает, что такое грусть сумерек:
это вечерний огонь,
влюбленный в море.
Рано утром усталый рыбак возвращается домой,
оставляя
свое сердце на горизонте для того,
чтобы ночью
снова отправиться в море.

Давид ЧЕРИСЬЯН

●

Я сегодня хочу говорить
обо всех,
кто строит жилище
себе и другому,
о людях,
живущих со мной
на одном перекрестии
параллелей и меридианов,
о каждом из тех,
кто сажает тростник,
и рубит,
и грузит его,
и развозит,
и делает сахар,
и мелет зерно,
и смазывает колеса,
и в печи бросает дрова,
и месит известку,
и варит похлебку,
и зерна просеивает осторожно.
Я говорю,
а зерно все бежит в закрома,
словно желтый песок,
отмеряющий время.

Перевел с испанского Владимир КАРПЕЦ.

ОЧЕНЬ Я ЛЮБЛЮ СВОЮ МАМУ...

Анна Тимофеевна Гагарина.

Эти слова Юрия Гагарина взяты из его книги «Дорога в космос». Там же и продолжение их: «...и всем, чего достиг, обязан ей». 23 декабря Анне Тимофеевне Гагариной исполняется 75 лет.

* * *

Я запомнил на всю жизнь один из рассказов Юрия Гагарина о своей матери. Было это в Звездном, еще на старой гагаринской квартире, куда я приехал брать у него интервью. У Гагарина гостила тогда его сестра Зоя, и он, прощаясь, попросил подвезти ее до Белорусского вокзала.

— С удовольствием, — ответил я.

В доме началась обычная в этих случаях суета. Больше всех хлопотали Валентина Ивановна и сам Юрий, собирая гостинцы. Когда все было готово, Гагарин передал сверток сестре.

— А это, Зоя, ма-ме! И скажи, чтобы не болела.— В голосе было столько сердечной теплоты. И, повернувшись к нам, не скрывая сыновних чувств, заговорил о матери: — Мать у меня необыкновенная. Трудная жизнь выдалась на ее долю, но невзгоды не сделали ее черствой, замкнутой. Природа одарила ее умом и добрым сердцем. Душа у матери всегда открыта всем, последний кусок в доме — тоже всем. Ее улыбка с лукавинкой в глазах располагает, манит. Вот и идут к ней посоветоваться, а то и так просто облегчить душу. Каждому она находит нужное слово.

Гагарин на какое-то время умолк. Подумалось, что Юрий Алексеевич в эти секунды мысленно у себя в Гжатске, в небольшом домике, где, как всегда, хлопочет по хозяйству Анна Тимофеевна, мать четверых детей, бабушка многочисленных внуков и внучек.

— Самые счастливые минуты для меня и сейчас, когда мать, выслушав меня, положит свою руку на плечо и взглянет в глаза. Я знаю, она скажет то, без чего мне не обойтись: «Я помогу тебе, Юрок». Эти слова я слышал при поступлении в ремесленное училище, потом, когда решил учиться в индустриальном техникуме. Эти слова услышал я от матери в день, позвавший меня в небо.

— Расскажи, Юра, что тебе сказала мама после полета, — напомнила Зоя.

— На аэродроме во Внукове? После того, как я доложил руководителям партии и правительства об успешном полете, я увидел на трибуне счастливую Валю, отца с матерью, братьев, сестру. Отец в слезах. Он молча крепко обнял меня. Мама же, поцеловав, и чтобы никто не слышал, шепнула: «Ты, Юра, теперь у всего света на виду. Спрос-то с тебя какой!» «Я все понял, мама»,— так же тихо ответил я. «Ну вот и хорошо,— сказала она. — Иди, тебя ждут!».

* * *

Я не раз встречался с Анной Тимофеевной. Чудесная русская женщина, давшая жизнь славному сыну Родины Юрию Гагарину, родилась в 1903 году в семье питерского пролетария Тимофея Матвеева. За годы предреволюционного лихолетья сполна хлебнула она горя горького. Отец ее после тяжкого увечья, «милостию» хозяина Путиловского завода пошел в сторожа, а семья огромная... Перебивались с хлеба на квас. И поехали Матвеевы искать счастья на Смоленщину, в деревню...

Здесь-то Анна Тимофеевна встретила и полюбила Алексея Гагарина — мастера плотницких дел. Вместе со всем народом стали Гагарины поднимать целину новой жизни. Одними из первых вступили в сельхозартель: Алексей плотничал, Анне доверили ухаживать за коровами. Окончив курсы, она стала хозяйкой всего «молочного цеха». А только стали жить лучше—война, годы фашистской оккупации.

Выстоял советский народ. Нелегким трудом возрождалась, набирая сил и творчества, жизнь на Смоленщине, по всей стране. И в этом непреодолимом движении вперед есть частица энергии, внесенная семьей Гагариных, Анной Тимофеевной, чей труд Родина отметила орденом Трудового Красного Знамени.

...Вспоминая памятную встречу с Юрием Гагариным и рассматривая недавно сделанный фотоснимок Анны Тимофеевны, невольно думаю: какой удивительно точный портрет матери нарисовал тогда, много лет назад, ее сын. И еще: мать, кажется, передала своему сыну все — ум, доброту, широту русской души, трудолюбие, любовь к людям и эту веселую лукавинку в серых глазах.

А. РОМАНОВ
Фото автора

ТРУД И ХЛЕБ

С. Ф. Медунов. Хлебная нива Кубани. М., издательство «Колос», 1978, 160 стр.

«Наиболее актуальная задача — рост зернового производства. Это — ударный участок работы сельских коммунистов, всех колхозников и работников совхозов». Эти слова, сказанные Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым в Отчетном докладе XXV съезду партии, стали программными для всех хлеборобов страны, в том числе и для кубанских земледельцев. Они определили и высокую тональность недавно вышедшей книги «Хлебная нива Кубани» — волнующего рассказа о том, как труженики Краснодарского края уверенно воплощают в жизнь исторические решения XXV съезда КПСС.

Народ неспроста называет Кубань житницей России. На Кубани высокими урожаями никого не удивишь: намолот более 200 пудов с гектара — тут обычное явление. Залог отличных урожаев — прежде всего в высоком уровне организации сельского хозяйства, передовой культуре земледелия, специализации производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. Новые формы борьбы за высокую культуру земледелия, повсеместный переход на производство сильных и ценных пшениц, контрольные обмолоты, совершенствование управления, неуклонный подъем народной инициативы — десятки кубанских починов и начинаний стали достоянием всего сельского хозяйства страны. Об этих и других «секретах» высокой урожайности, о том, как край шел к сегодняшним успехам, и рассказывает в своей книге первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, Герой Социалистического Труда С. Ф. Медунов.

Написанные простым, емким языком строки повествуют о богатой истории Краснодарского края, об этапах большого пути Советской Кубани. Предстают перед читателем славные кубанские революционеры: командир «Стальной дивизии» легендарный Дмитрий Жлоба, вожак «Железного потока» Епифан Ковтюх, первый депутат Екатеринодарского Совета Глеб Седин... Особенно тепло пишет автор о героическом подвиге легендарных защитников огненной Малой земли, среди которых был и начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев. Символична такая деталь: коммунисты-малоземельцы даже в самые тяжелые дни обороны думали о хлебе и убирали его под бомбами и пулями врага.

И невольно начинаешь по-новому смотреть на обыкновенный, до обыденности привычный нам кусок хлеба, одушевленный добрыми, искусными руками земледельцев,— трудного хлеба, своеобразным гимном которому является эта книга.

«Символом жизни, вечного возрождения и обновления ее искони у всех народов считается образ сеятеля, бросающего зерно в благодатную почву, чтобы вырастить урожай и дать людям хлеб,— пишет С. Ф. Медунов.— И вечно неразлучными братьями шли с человеком труд и хлеб».

Знаменательно, что книга о кубанской ниве стала достоянием читателя в горячую пору хлебной страды, когда природа словно не хотела отдавать выращенное, настолько сложны были погодные условия в дни уборки. Кубанские хлеборобы добились в 1978 году рекордного урожая в самом настоящем сражении со стихией.

С. Ф. Медунов пишет о мире и хлебе, о величии нивы и земледельца. Эпиграф, предваряющий книгу — замечательные строки великого поэта Н. А. Некрасова,— хорошо раскрывает суть этого взволнованного публицистического повествования о Кубани: «Велик сеятель. Никогда не забывал о нем мир, никогда не позабудет — ни в радости, ни в беде. И никакая глыба золота не перевесит крошку хлеба».

Борис ПРИВАЛОВ

ПУСК!

В преддверии Новогодья мы всегда оглядываемся на год уходящий. Прощаясь с ним, стараемся запечатлеть в памяти его черты, благодарно перебираем все хорошее, что он принес — тебе, мне, всему советскому народу. Сколько нового, доброго вошло в жизнь страны за минувшие двенадцать месяцев! Когда думаешь об этом, прежде всего приходит на ум слово «пуск». Слово, объединяющее в нашем представлении заводской цех, к станкам которого впервые стали рабочие, и детский сад, который так весело обживают малыши, шахту, сооруженную по последнему слову техники, и современный уют квартиры, куда только что вошли новоселы. Таких новоселов было великое множество. Вот цифра, прозвучавшая недавно на десятой сессии Верховного Совета СССР: за 1978 год введены в эксплуатацию жилые дома общей площадью 109 миллионов квадратных метров...

В нынешнем номере «Огонька» собраны вести о пуске, поступившие из разных точек страны — из Ленинграда и Тбилиси, Днепропетровска и Липецка, с Оренбуржья, БАМа, с Саяно-Шушенской ГЭС. И это только за последние месяцы года.

БАМ

Поезд идет к Давану

Этого дня на Байкало-Амурской магистрали ждали все. И вот он наступил, октябрьский день, когда рельсы БАМа пересекли границу Иркутской области и вышли на землю Бурятской АССР — к разъезду Даван. Обогнув скалистый мыс, в долине реки Гоуджекит показался первый поезд. Еще совсем недавно по этим местам проходили только геологи и охотники. А сейчас здесь пролегли новехонькие рельсы и движется по ним первый состав с тремя сотнями пассажиров — лучших строителей магистрали. Это их самоотверженный труд позволил поезду выйти в путь на 14 месяцев ранее намеченного срока... Теперь рельсы продвигаются вперед. А по уже готовому стальному пути доставляется с каждым днем все больше грузов, необходимых строителям. На запад спешат эшелоны с древесиной, которую заготовляют новые леспромхозы, возникшие в зоне БАМа.

Фото Э. Брюханенко (ТАСС)

ОРЕНБУРГ

Экзамен выдержан!

По вечерам из окон многоэтажных домов Оренбурга видна пылающая на горизонте цепочка газовых факелов. Зарево до утра продолжает вечернюю зарю. В ночь с 24 на 25 сентября к этим огням прибавились еще четыре колоссальные свечи. Не многие из тех, чьими руками поднималась третья очередь газоперерабатывающего завода, спали в ту ночь. Строители, монтажники и эксплуатационники смотрели на рвущееся из горелок пламя, как на праздничную иллюминацию. С промыслов на технологические установки завода пришел сырой газ. Вступила в строй третья очередь газового гиганта.

На квадрате со стороной в триста метров расположился сложнейший технологический организм. Его «сердце» — машинные залы с насосами и компрессорами, «артерии и вены» — тысячи трубопроводов разных диаметров, «органы» — сотни газохимических аппаратов. А «мозг» смонтирован в операторной, куда сошлись все «нервные окончания» — от сотен датчиков и регуляторов. В те минуты вся жизнь завода сосредоточилась в светлом, просторном зале операторной. 29 сентября в 22.00 взят первый анализ содержания сероводорода в очищенном газе. В 23.04 очищенный газ был направлен в магистральный газопровод. Не по дням — по часам третья очередь набирала силы.

Вахтовый журнал отметил стремительные этапы пуска. 4 октября в час ночи смена старшего оператора В. Смирнова подняла нагрузку до 720 тысяч кубометров газа. 5 октября бригада старшего оператора, участника пуска первой и второй очереди В. Мотура увеличила нагрузку на 20 тысяч кубометров. А 6 октября во время смены старшего оператора М. Инкарева датчики показали расход 800 тысяч кубометров — на 80 тысяч выше проектной производительности. Это была победа, намного опередившая нормативные сроки!

Прошло три месяца. Четко работают промыслы и газоперерабатывающий завод. Сегодня Оренбуржье каждые сутки дает стране топлива на треть больше по сравнению с этим же периодом 1977 года.

Контрольный пост «Огонька» — В. КУЗНЕЦОВ, корреспондент газеты «Южный Урал»
Фото Б. Кузьмина

ЛЕНИНГРАД

Шаг к морю

В канун Нового года в Ленинграде на Васильевском острове, на побережье Финского залива, вводится в строй новая гостиница «Прибалтийская». Спроектировали ее ленинградские архитекторы, строила шведская фирма «АБ Скanска Цементгьютернет». Гостиница стала внушительным примером экономического сотрудничества СССР с одним из соседей на Балтике.

Генеральный директор Ленинградского отделения «Интуриста» Б. С. Ванюшин рассказывает:

— При сооружении гостиницы использовались отечественные строительные материалы. Фундамент здания выполнен из свай, изготовленных на ленинградских предприятиях. Одна из крупнейших в Ленинграде гостиниц, она рассчитана на прием 2400 гостей в 1200 комфортабельных номерах. В ресторанах, банкетных залах, дневных и ночных барах, буфетах на этажах можно одновременно обслужить 3200 человек!

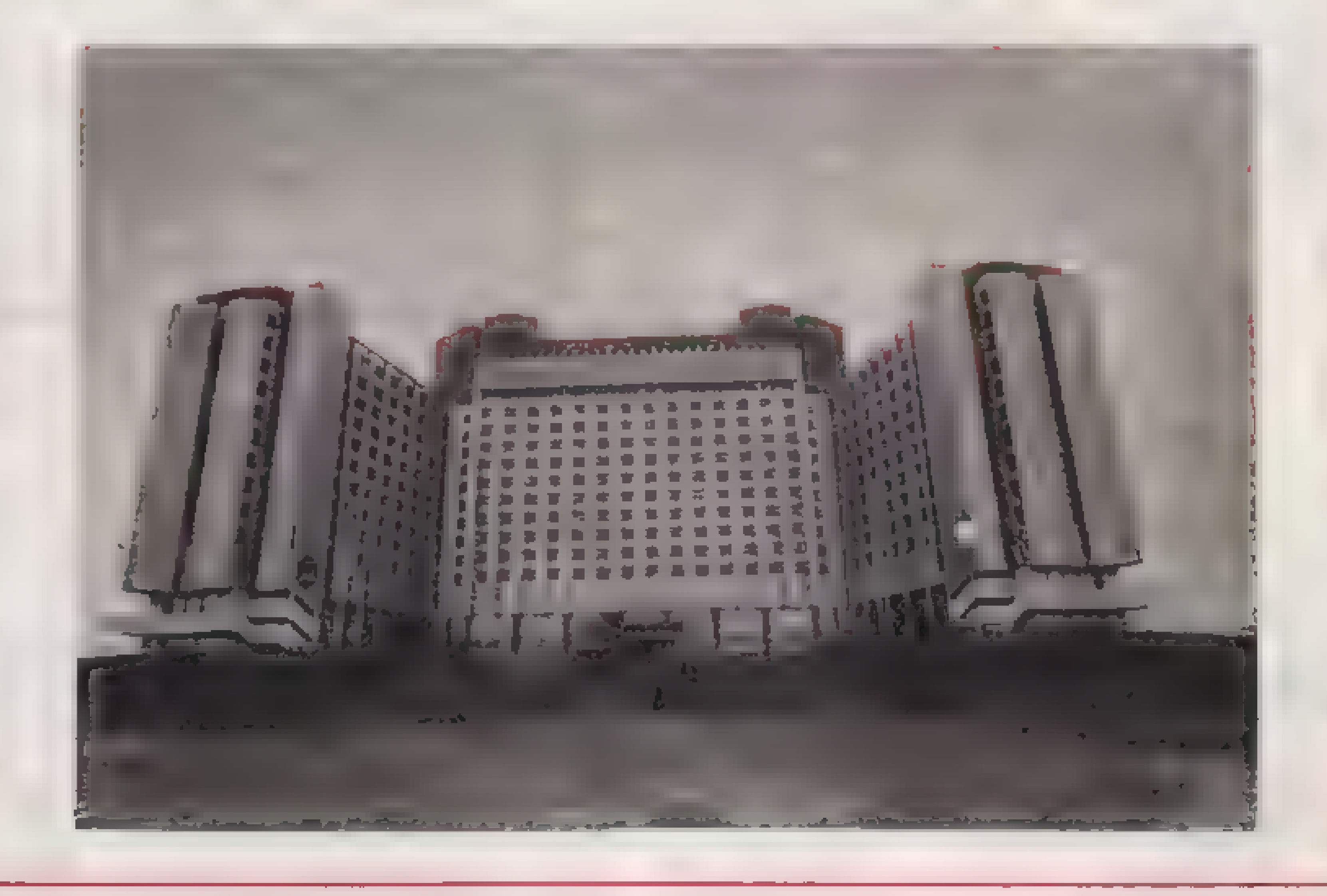
Три сауны с бассейном, спортзал, кегельбан, гараж-стоянка, большой салон красоты — все это к услугам туристов.

Банкетные залы названы именами ленинградских городов: Павловск, Пушкин, Петродворец, Кронштадт — и украшены видами этих городов.

Со временем гостиница станет главенствовать в архитектурном решении красивого Приморского бульвара вдоль побережья Финского залива.

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото В. Самойлова

К 60-ЛЕТИЮ БЕЛОРУССКОЙ ССР И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БЕЛОРУССИИ

А. ЩЕРБАКОВ

Фото М. САВИНА

Секретарь минского подпольного обкома КП Белоруссии, Герой Советского Союза Роман Наумович Мачульский в музее истории Великой Отечественной войны.

Новые дома в микрорайоне «Зеленый луг».

Гомсельмаш. Сборка кормоуборочных машин.

«Старый строй, как прежняя власть, опиравшаяся на произвол и насилие, исчезает по всей стране, и на ее месте возникает новая, сильная народным единством и доверием.

Городская милиция уже разоружила полицию и стражников и заняла городское полицейское управление и полицейские участки. Жандармское управление упразднено.

Идет дружная работа по организации общественных сил.

Временный начальник городской милиции М. Михайлов».

Михайлов — это Михаил Васильевич Фрунзе. А документ, подписанный им, относится к событиям в Минске в марте 1917 года. Появление его связано со свержением самодержавия в России.

...Идет дружная работа по организации общественных сил для строительства новой жизни. Минск давно готовился к ней. Революционеры, передовые рабочие, прогрессивная интеллигенция уже вели работу по всей Белоруссии. Первый съезд РСДРП в Минске стал искрой, из которой неудержимо и призывно разгоралось пламя, освещавшее все ярче и надежнее путь к Октябрю 1917 года.

Пролетарская революция победила в Минске одновременно с победой в Петрограде. В штурме Зимнего дворца принимала участие боевая дружина, созданная в Минске и прибывшая на помощь революционному Питеру 22 октября 1917 года.

30—31 декабря 1918 года VI Северо-Западная областная конференция большевиков приняла решение об образовании Белорусской Советской Социалистической Республики, а поскольку делегаты конференции представляли все партийные организации республики, объявила себя I съездом Коммунистической партии Белоруссии. 1 января 1919 года был опубликован манифест о провозглашении Белорусской ССР.

С тех пор прошло 60 лет. Эти годы вместили в себя героический труд, бессмертные подвиги в Великой Отечественной войне, неутомимое созидание новой жизни. Любой завод, колхоз, любая стройка отражают поступь республики, ее социалистическую новь. Наш рассказ об одном из старейших производственных коллективов Белоруссии — Минском станкостроительном заводе имени Сергея Мироновича Кирова.

РАБОЧИЙ

В его устах и сейчас это слово звучит гордо и необыкновенно возвышенно.

— Металлист... В конце двадцатых, в начале тридцатых годов металлистов в городе считали людьми знаменитыми... Бывало, на демонстрации объявят: «Металлисты идут!» — и праздник сразу будто звончее становится. Поэтому, когда с биржи труда (безработица тогда еще мучила) меня направили на этот завод, я почувствовал себя счастливым человеком... Подумать только: металлист!

А было тогда Саше Веремонько всего 15 лет. Выучился на слесаря. Сам не заметил, как прилежностью и усердием добился того, что металл податливым сделался и, что б ни поручили, руки выполняли чисто и точно. Только бригадир Крестоносов — старой закваски мастеровой — терпеть не мог, когда рядовой слесарь, да еще совсем мальчишка, перешагивал его бригадирское поручение и

МЕТАЛЛИСТЫ

проявлял инициативу. Но времена быстро менялись. Новое брало верх.

На пасху Крестоносов гулял и выполнить работу, которую он обычно делал сам — разметку заготовок,— поручил Веремонько. Тот разметил не хуже бригадира, а на другой день Крестоносов на него чуть не с кулаками: как посмел не за свое дело взяться?! Конфликт дошел до директора, тот пригласил к себе Александра. И с порога ошеломил предложением: «Бери-ка ты, парень, ребят из крестоносовской бригады и становись с ними на сборку крахмальных насосов. А его отстраним — хватит вчерашним днем жить. Будешь вожаком первой на заводе молодежной бригады».

— Чудаки мы были, еще ж пацаны почти... Думали-думали, как-то надо ведь и по виду от других отличаться — все-таки первая молодежная... Наконец, придумали: из моего кашне восемь галстуков нарезали. Многие тогда смеялись, глядя на нас...

Но брали-то, конечно, не внешними приметами. Учились много. Больше других. Иначе бы в первой шеренге не шагать. Уж очень круто все менялось на заводе.

...Завод Якобсона возник в 1881 году из маленькой кузницы. Назвал его хозяин громко: «Кошарский машиностроительный и чугуномедный металлургический завод». А делали оборудование для мельниц, винокуренных предприятий, для железной дороги...

В 1933 году все изменилось. Страна поручила заводу делать станки. Задание диктовало новый подход ко всему. Ребята из бригады Веремонько почувствовали это раньше других.

— Приходилось учиться читать чертежи, осваивать новое оборудование, которое поступало в основном из-за границы и представлялось сначала непостижимо сложным. На заводе создали общество ЗОТ — «За овладение техникой». По вечерам пропадали в кружках. Слушали опытных людей. Читали, постигали с азов премудрости техники. А сроки Москва поставила жесткие: в тридцать четвертом собрать первые протяжные станки.

Коллектив сделал невозможное. Через четыре месяца один станок уже был собран. Александр Владимирович Веремонько, рассказывая о тех праздничных, победных днях, старается не упоминать о заслугах своей бригады, все время он подчеркивает, что первая пятилетка обновила, сплотила и подняла весь коллектив — от директора до рядового рабочего. Потому-то совершали то, что казалось невозможным.

— Работала у нас Бронислава Сидоровна Леонас. Комсомолка, сама в металлисты попросилась. Она стала первой на заводе многостаночницей — сначала два станка взяла, потом три. Чтобы окончательно утвердиться в рабочих, ходила в техникум. Тридцать лет отдала заводу. Не подвиг ли?

Да, подвиг. И самоотверженность в работе самого Веремонько — тоже подвиг. А ведь так трудились на заводе не только они. Поистине золотыми руками прикасались к металлу кировцы, и станки их завоевывали все большую популярность в стране. И сила коллектива умножалась тем, что на заводе сложилась боевая партийная организация.

Довоенное поколение помнит и передает следующим имя секретаря партийной ячейки завода — Сергея Андреевича Гулиса, имя, с которым связаны стахановский почин, и укрепление традиций, и ударные взлеты, сделавшие завод имени Кирова правофланговым довоенной белорусской индустрии.

...1941 год. Прошло двое суток, как началась война. Завод работал, а к концу дня перестал существовать.

Немецкие самолеты бомбили Минск беспощадно. Волна за волной. До самого захода солнца. Рухнувшие корпуса, искореженные станки — вот все, что осталось от завода.

Большинство кировцев ушло воевать с фашистами. Командиром стрелкового полка стал секретарь партийной организации Сергей Гулис, в действующей армии сражался Александр Веремонько, многие вступили в партизанские отряды.

...Июль 1944 года. Минск свободен. На заводское пепелище возвращаются старые рабочие, инженеры, сотрудники заводоуправления. Восстановление идет с неимоверными трудностями: нет техники, жестко ограничены все ресурсы — кирпич, стекло, кровля. Руки — основное орудие труда. Но на помощь приходят Россия, другие республики, принимающие боль Белоруссии, как свою собственную боль.

В апреле 45-го завод объявил о своем возрождении. Потом литейка выплавила первый металл. Его было мало — действовала пока всего одна вагранка. Но это уже было дыхание индустриальной жизни города и республики, а в ноябре 1946 года страна снова получила кировские станки.

НАЧАЛЬНИК ЦЕХА

Он отпустил итээровцев и остался в кабинете один. Мысль, которая и вчера тревожила его, сегодня сверлила мозг еще назойливее и больнее: вот выйду завтра на собрание и заговорю о культуре в цехе... Как отнесутся? Не поднимут ли на смех? Не скажут ли, что новый начальник собрание в цирк превращает: у цеха двухмесячное отставание с планом, текучесть кадров — 52 процента, прогулов навалом, а он про культуру толкует!..

Директор Минского станкозавода имени Кирова Вячеслав Францевич Кебич (справа) и старейший рабочий Александр Владимирович Веремонько.

На собрании он, как и решил, заговорил о культуре, о том, что надо расчистить проходы и детали класть только на стеллажи, о том, что запрещает передавать сменщикам рабочее место неубранным, и о том, что в ближайшее время в цехе покрасят пол, оборудуют комнату отдыха и поставят цветы... Его никто не перебил. Но по реакции людей он видел, что верят ему не все.

И тогда Владимир Иванович стал советоваться со старыми рабочими: как добиться, чтобы поверили.

— Вы знаете, что кузнечно-заготовительный цех у нас худший на заводе. Меня послали его вытягивать. Я отказывался, объяснял, что молод, что опыта руководителя механосборочного цеха мало для того, чтобы взять и вывести из прорыва кузнечно-заготовительный, говорил, что кончаю институт и сажусь за диплом. Но меня утвердили. Значит, надо делать. Путь вижу один: поднять культуру в цехе, поднять культуру производства, и новички уже не будут шарахаться от наших дверей, культура подтянет, дисциплинирует рабочих, только тогда выйдем из прорыва.

Владимир Алексеевич Зибаров первым поддержал нового начальника цеха.

— Давайте-ка так: наведем идеальный порядок на своих рабочих местах, пускай другие посмотрят, убедятся, что лёд тронулся. Пример не может не найти последователей...

Утром, как обычно, Владимир Иванович Ярмолик прошел по цеху. У Зибарова и у Храпова порядок — хоть фотографируй. Он обратил внимание всей смены: посмотрите, как можно жить в цехе!

С этого началось. Но этим не кончилось. Ярмолик ходил к специалистам, к руководителям, доказывал, что надо ломать утвердившуюся практику, когда лелеют лишь финишные цеха, которые выдают «товар лицом», а стартовые — заготовительные — вспоминают в последнюю очередь. Убедил. Цеху дали несколько новых станков. Уговорил технологов и конструкторов взяться за разработку оборудования для механизации участка по резке металлов. Взялись. Когда это оборудование появилось, резко сократилось количество ручного труда в цехе. Скоро цех выровнялся с производственным планом, стал работать ритмично, меньше чем через год после прихода Ярмолика уже заслужил звание цеха высокой культуры.

Владимир Иванович любит оставаться в кабинете наедине с самим собой. Подвести итоги, что-то вспомнить, мысленно прочертить путь в завтрашний день. Многое удалось сделать за короткое время: цех занимает призовые места в социалистическом соревновании; исчезает текучесть; ребята, демобилизованные из армии, заглядывают в цех и говорят себе: «Зачем искать лучшего?» Больше чем вдвое выросла комсомольская организация... Да, но надо заменить еще несколько станков, переоборудовать гардеробы и непременно поставить холодильник — ведь некоторые приносят еду с собой... Много забот. Но не уходить от них надо, а искать их... Так заведено на заводе. Так и по сей день.

ДИРЕКТОР

Вячеслав Францевич Кебич не злоупотребляет совещаниями. Считает, что собирать людей по любому поводу значит не укреплять а подрывать директорский авторитет. Директор должен встречаться с подчиненными тогда, когда ему есть что сказать им, сказать то, что, кроме него, на заводе никто не скажет. Когда директор возвращается из поездки, не бывает случая, чтобы он не привез новинок, не подсмотрел каких-либо «секретов», которые наверняка пригодятся на заводе.

Вот и сейчас Вячеслав Францевич побывал в ГДР. А надо заметить, что с городом Рула кировцы дружат с 1928 года,— тогда немецкие рабочие подарили им красное знамя, а кировцы в ответ свое. Причем знамя белорусских металлистов германские коммунисты сохраняли все годы нацистского режима... Вернувшись из поездки, директор пригласил в кабинет группу заводских руководителей. Рассказал о том, что видел, в частности, отметил, что у друзей более совершенные станки и более прогрессивная технология обработки пластмассовых изделий. Надо намотать на ус, подумать, как догнать тех, кто в чем-то преуспел больше, чем они.

...С приходом Кебича на заводе многое изменилось. Несколько лет перед тем предприятие было в прорыве. Прежнее руководство оказалось не в состоянии вернуть потерянные позиции. Пришлось заменить директора. Назначили Вячеслава Францевича.

В 1958 году он окончил Белорусский политехнический институт, и его направили на

ЗЕМНАЯ ПЕСНЬ

Максим ТАНК

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Чтоб увидеть я мог,
Как отец мой с весеннего сева
Несет на плечах
Налитый усталостью сумрак
И полоску зари, как надежду
На дружные всходы,
На хлеб наш насущный,—
Мать меня
На руках поднимала.

Чтоб увидеть,
Куда же уводит дорога,
По которой с базаров
Привозят гостинцы
И тех провожают,
Кто честно свой век отработал,—
За старым сараем
На серый валун влезал я.

Чтоб увидеть,
Куда улетают печальные птицы
И откуда опять
Возвращаются празднично весны,
Пробуждая и чувства,
И мысли мои,—
Я взбирался
На самый высокий пригорок.

Чтоб лучше увидеть
Свершений размах,
И грядущего дали,
И верных друзей
На всей необъятной планете,—
Я всегда прихожу
На высокую
Красную площадь.

**Перевел с белорусского
Бронислав СПРИНЧАН.**

Петрусь БРОВКА

ЧЕТЫРЕ ШТЫКА ПОД МИНСКОМ

Славы курган,
На нем на века
Сияют вдали
Одним обелиском —
Четыре штыка,
Четыре штыка,
Четыре штыка под Минском.
Помнит народ,
Помнит про то,
Он дарит любовь
И ласку:
Четыре штыка
Четырех фронтов —
Был острым и штык
партизанский.
В победном году
Разжали тиски —
Кровавый гнет
Оккупантский —
Четыре штыка —
Четыре руки
Обняли Минск по-братски.
Славит наш Минск
Поэтов строка,—
Песнями славим своими
Четыре штыка,
Четыре штыка —
И синее небо над ними!

**Перевел с белорусского
Бронислав КЕЖУН.**

Пимен ПАНЧЕНКО

●

Рвались мы с детства на учебу
в город,
Шли на завод...
Крестьянские сыны,
Мы становились Родине опорой,
Нас труд ковал,
Калил огонь войны.

Восстав из пепла, жили бедновато,
А села просто захлестнула ночь...
Мы перед ними в чем-то виноваты,
Хоть мало чем тогда могли помочь.

Как небо связано с землею ливнем,
Так мы с деревней — памятью навек,
Не потому ли потянуло к нивам,
В разливы трав, к излукам тихих рек!..

Иду я не на щедрый медосбор,
Не с ностальгии и не покаянно...
Как моряка просторы океана,
Меня зовут моя земля и бор.

Апрельский ветер, слышишь, не скули
И не свищи так резко и тревожно!
Когда ударит в душу дух земли,
Преодолеть и бездорожье можно.

Я по весне, как прежде, с земляками,
Не в стороне от их забот больших...
На пашне
Даже в сапогах чужих
Я ощущаю почву под ногами.

Не трактористы тут —
Чаровники...
Не пашут —
Пишут, глубоко и живо...
Поля, поля — крестьян черновики,
Где нету ни одной строки фальшивой.

Пусть борозды хлебами прорастут,
Пусть будут дни страды от солнца
ярки!
Люблю весенний гуд, и перестук,
И реактивный голос циркулярки.

Во всем —
Неповторимая повторность!
Я молодею.
Не погас огонь...
Мир обновлен —
Свежо,
Светло,
Просторно.
На нивах — солнца теплая ладонь.

Петрусь МАКАЛЬ

КОЛОСЬЯ

От колоса до колоска
Мы — капли в житном море.
Мы — вечной жизни голосà
В необычайном хоре.
Мы так спешили все доспеть,
Мы так тянулись в небо,
Чтоб на высокой ноте спеть
Земную песню хлеба!
Нас обжигала боль утрат,
Нас в сутолоке тесной
Хотел скосить до срока град
Немилости небесной.
Ах, знал ли кто, когда дождей
У туч просили трубно,
Как зерна зрелости своей
Нести легко и трудно!
Короче век или длинней —
Судьба одна... Не завтра,
Так все равно в один из дней
Сверкнет косою жатва,
Но радостно, когда сквозь зной
И грозовые версты
В итоге в этот мир земной
Хоть зернышко принес ты.

**Перевел с белорусского
Бронислав СПРИНЧАН.**

Станислав ШУШКЕВИЧ

●

На могиле Неизвестного солдата,
На плите из серого гранита
Все венки — немая скорбь утраты —
Траурными лентами повиты.

Тишина стоит. И молчаливо
Надпись говорит про бой жестокий...
Над землей, свободной и счастливой,
Облака несутся в край далекий.

Дети подошли к могиле близко,
Голоса ребят звенят, как пташки...
Каждый хочет поклониться низко,
Возлагает васильки, ромашки.

Так живет солдат в душе народа,
В памяти спасенных поколений,
Хоть летят, сменяясь, год за годом,
Чтоб стереть следы былых сражений.

Над землей в лазури солнце светит
Васильки цветут, цветут ромашки —
И в садах поют-играют дети,
Голоса ребят звенят, как пташки.

**Перевел с белорусского
Бронислав КЕЖУН.**

Минский завод автоматических линий, Кебич попросился в цех — мастером. И прошел все ступени — до заместителя главного инженера завода.

Здесь с 1973 года. Теперь завод снова в передовых...

Во время нашей беседы Вячеслав Францевич сказал:

— Может быть, удивитесь, но перед вашим приходом я читал еженедельник «За рубежом» — статьи о положении рабочих в капиталистических странах—и думал: а что можно еще сделать на нашем заводе, чтобы улучшить условия труда, быта... Решили мы, например, в каждом цехе оборудовать сауну. Кое-кто ухмыльнулся: «К чему она? Излишества». А я настоял на своем. Это не роскошь. Это нынче насущное.

Я стараюсь,— продолжает директор,— не заниматься текущими делами, исполнителей хватает. Жизнь убедила: директор, потерявший перспективу — техническую, экономическую, социальную, рано или поздно «посадит» предприятие. Причем ошибка директора неизбежно становится ошибкой коллектива.

И еще. Сейчас нельзя пользоваться властью так, как пользовались ею даже десять—пятнадцать лет назад. Неизмеримо возросли авторитет общественных организаций, активность, грамотность тех, кто работает у станков, у печей, кто отвечает за малые участки производства. И руководитель добьется успеха лишь тогда, когда сумеет сделать свою идею идеей общей, идеей коллектива, способного воплотить ее в действительность.

Мы у себя на заводе сейчас уделяем максимум внимания социальным запросам рабочих. При таком подходе успешнее решаются проблемы технического прогресса, повышаются экономические показатели. Наш рывок в девятой и в первые годы десятой пятилетки — зримое и убедительное тому подтверждение.

Юбилей республики совпадает с началом нового года. В канун всегда подводятся итоги, намечаются задачи на будущее. И сверяются они с выступлением Леонида Ильича Брежнева на ноябрьском (1978 года) Пленуме ЦК КПСС, с постановлением Пленума. Товарищ Л. И. Брежнев подчеркнул, что машиностроители ответственны за дальнейший прогресс всей нашей индустрии. И это заставило кировцев еще раз внимательно приглядеться к своим трудовым показателям. Несомненно, есть и достижения: в нынешнем году завод удостоен звания предприятия высокой культуры производства; 65 процентов продукции выпускается со Знаком качества; начато производство уникальных протяжных станков для КамАЗа; идет борьба за умелое использование материальных ресурсов и повышение качества продукции—металлоемкость отдельных станков снижена на 500 килограммов, а производительность их увеличена в три раза по сравнению с однотипными прежними. Идет подготовка к освоению станков с программным управлением. А главное, ни на день, ни на час не прекращается поиск. Он все настойчивее и глубже.

* * *

Заводы, колхозы, стройки Белоруссии... Шестьдесят лет «идет дружная работа», как сказал в 1917 году Михаил Васильевич Фрунзе, общая в масштабе Советской страны работа на коммунизм.

Минск

ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Конкурс читателей «Строка в биографию страны» за 1978 год завершен.

Редколлегия журнала «Огонек» выражает большую благодарность всем его участникам.

Представляем победителей:

Первая премия — подписка на журнал «Огонек» с приложением — присуждается П. Чучулашвили («Слово о Карамове», № 25), Е. Зазимко («Большое счастье Тенти», № 29);

Вторая премия — подписка на журнал «Огонек» — присуждается А. Эйнману («65 лет в партии большевиков», № 3), С. Давыдову, Г. Ячменеву («Письма солдатские», № 26), З. Милютиной («Один из легенды», № 20), Р. Хайруллину («Первый башкирский пионерский отряд», № 45).

Поощрительная премия — подписка на «Библиотеку «Огонек» — присуждается Ю. Макунину («Со столетием, Иван Семенович!», № 14), И. Марученкову («Отставки быть не может», № 12), А. Троицкому («Песковский детский дом», № 33), И. Смирнову («Комсомольский экправ», № 44), А. Журавлеву («Трам», № 1), П. Гуськову («Учились крестьянские дети», № 46), А. Орлу («Бригада», № 48), В. Тюпину («Есть женщины в русских селеньях», № 35), М. Маяцкой («Комбат Бузин», № 30), В. Воронкову («Комсомольская юность», № 52).

Все участники конкурса получат памятные дипломы. Присланные в редакцию фотографии и документы возвращаются.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

Мне хочется рассказать современной молодежи, в каких невыносимо трудных условиях, особенно в сельской местности, зарождались комсомольские организации в первые годы Советской власти.

...Красная Армия с боями вступила на территорию Донской области и начала разгром белой армии. Я жил тогда в станице Краснокутской бывшего Усть-Медведицкого округа, куда мы прибыли с отцом, сельским учителем.

Время было тревожное. Зажиточные казаки станицы приняли Советскую власть враждебно, середняки занимали «выжидательную позицию». В 1919 году появились различные контрреволюционные банды.

Вот в такой обстановке была организована наша комсомольская ячейка.

В феврале 1920 года в станице дислоцировался 12-й советский продовольственный полк. Комиссаром его был молодой, энергичный коммунист Валентин Карманов. Именно он и помог нам создать комсомольскую ячейку.

Мы, первые комсомольцы, сразу взялись за дело. В здании школы организовали «Народный дом», открыли избу-читальню, собрали небольшую библиотеку, создали драматический кружок. По воскресеньям ставили спектакли. Молодежь потянулась к нам. Постепенно наша комсомольская организация росла и крепла. Хотя поначалу, учитывая враждебность некоторой части казачества, работали полулегально, как участники культурно-просветительного кружка. Позже, когда наши станичники на деле убедились, что Советская власть действительно является властью трудящихся, мы стали работать смелее.

В том же 1920 году мы открыто доказали свою преданность Советской власти, помогая в проведении продразверстки. Для организации этого жизненно важного мероприятия к нам прислали продовольственного комиссара Артемьева. Никакого рабочего аппарата у него не было. В сельском совете работал один-единственный коммунист. Вот тогда и обратились за помощью к нам, комсомольцам.

Мы приблизительно знали, у кого есть излишки хлеба, и вместе с продкомиссаром ходили по домам. Уговаривали, разъясняли положение, но тем не менее бывали случаи вооруженного сопротивления сдаче хлеба государству, налеты мелких банд на продармейцев. Среди продармейцев были немалые жертвы.

Секретарем нашей комсомольской ячейки некоторое время был я. Но в конце лета 1920 года Чернышевский райком комсомола прислал нам опытного, бывалого парня, местного жителя Андрея Хорошева. Он появился в матросской тельняшке, черных широких брюках клеш, в серой кепке с большим козырьком и заломом назад, с пистолетом и красным шнуром поверх кобуры, сразу же расположил нас к себе. Его плотная коренастая фигура в этом полуморском одеянии вселяла в нас какую-то особую уверенность в наших силах. И мы не ошиблись.

Работа у него, что называется, закипела. Ему, местному жителю, сыну бедняка-казака, погибшего на фронте в первую мировую войну, хорошо знавшему население, легко было вести беседы на самые острые темы классовой борьбы. Он черпал примеры прямо из жизни, открыто называя кулацкие семьи, державшие у себя батраков, проявлявшие озлобленность к новой власти. Его активная пропагандистская деятельность не осталась незамеченной: богатеи стали угрожать ему расправой. Однажды в станицу поздно вечером нагрянули бандиты. Подъехав к «Народному дому», где Хорошев обычно собирал комсомольцев и молодежь, банда хотела учинить расправу. К счастью, в это время там никого не оказалось.

Однако нападения бандитов не прекращались. На одном из хуторов, захватив пятерых продармейцев, они зверски расправились с ними. После этого случая всем комсомольцам выдали огнестрельное оружие.

Вспоминая комсомольскую работу тех лет, можно поражаться разнообразию ее форм. Мы помогали советским органам в проведении различных мероприятий: «Недели помощи голодающим Поволжья», «Недели по сбору теплых вещей для Красной Армии», «Месяца борьбы с самогоноварением» и др.

Председатель сельсовета Кирилл Суслов был единственным коммунистом в станице. Прибыл он к нам после демобилизации из Красной Армии и долгое время еще

В. И. Воронков, 1928 год.

носил буденовку. Он горячо поддерживал молодежь во всех начи-[illegible]

Осенью 1920 года по комсомольской мобилизации я был призван в Миллеровский батальон особого назначения (ЧОН). Рота, в которую я был зачислен бойцом, состояла из комсомольцев, за исключением кадровых командиров Красной Армии. Командиром нашего взвода был Чумаков Петр Архипович. Ему было примерно 25 лет, но он уже успел пройти суровую школу гражданской войны. Опытный, внимательный и душевный был командир. После месячного обучения военному делу наша рота была направлена на борьбу с остатками различных антисоветских банд и для оказания помощи местным органам власти в проведении продразверстки. Мы контролировали три района области: Морозовский, Обливский и Чернышевский. Здесь борьба с бандитизмом была особенно острой.

В перестрелках с бандитами погибло много наших товарищей-комсомольцев.

Ранней весной двадцать первого года, совершая со своим взводом 30-километровый переход под непрерывным холодным дождем в разорванных, скрепленных проволокой ботинках, я простудился, заболел и из батальона был отчислен.

В январе 1925 года, в первую годовщину смерти В. И. Ленина, двадцатилетним юношей я был принят кандидатом в члены Российской коммунистической партии (большевиков).

Теперь, вспоминая те далекие годы, думаешь, как много пришлось пережить молодой Советской республике и нам, молодежи тех лет. Каких только врагов — внутренних и внешних — не встречала на своем пути наша страна! Но под руководством ленинской партии сумела всех победить, сумела все невзгоды и трудности одол[illegible]

И я, рядовой ленинской партии и комсомола, прошел вместе с моей великой Родиной весь ее нелегкий, героический путь.

Годы Великой Отечественной войны провел в блокадном Ленинграде, защищал город революции от фашистов.

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «Знак Почета» и многими медалями.

В. ВОРОНКОВ,
ветеран партии и комсомола

Ленинград

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Конкурс «Строка в биографию страны» будет продолжен в 1979 году. Победители будут отмечены премиями:

две первые премии — подписка на журнал «Огонек» с приложением;

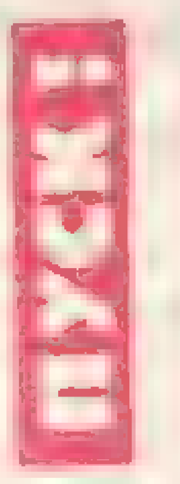
пять вторых премий — подписка на журнал «Огонек»;

десять поощрительных премий — подписка на «Библиотеку «Огонек».

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Ждем новых интересных материалов.

На конверте просьба указывать: на конкурс «Строка в биографию страны».

Вот какая домна!

Новолипецкий ордена Ленина металлургический завод пополнился еще одной домной: в строй действующих вступила гигантская печь № 6, ее полезный объем 3200 кубометров.

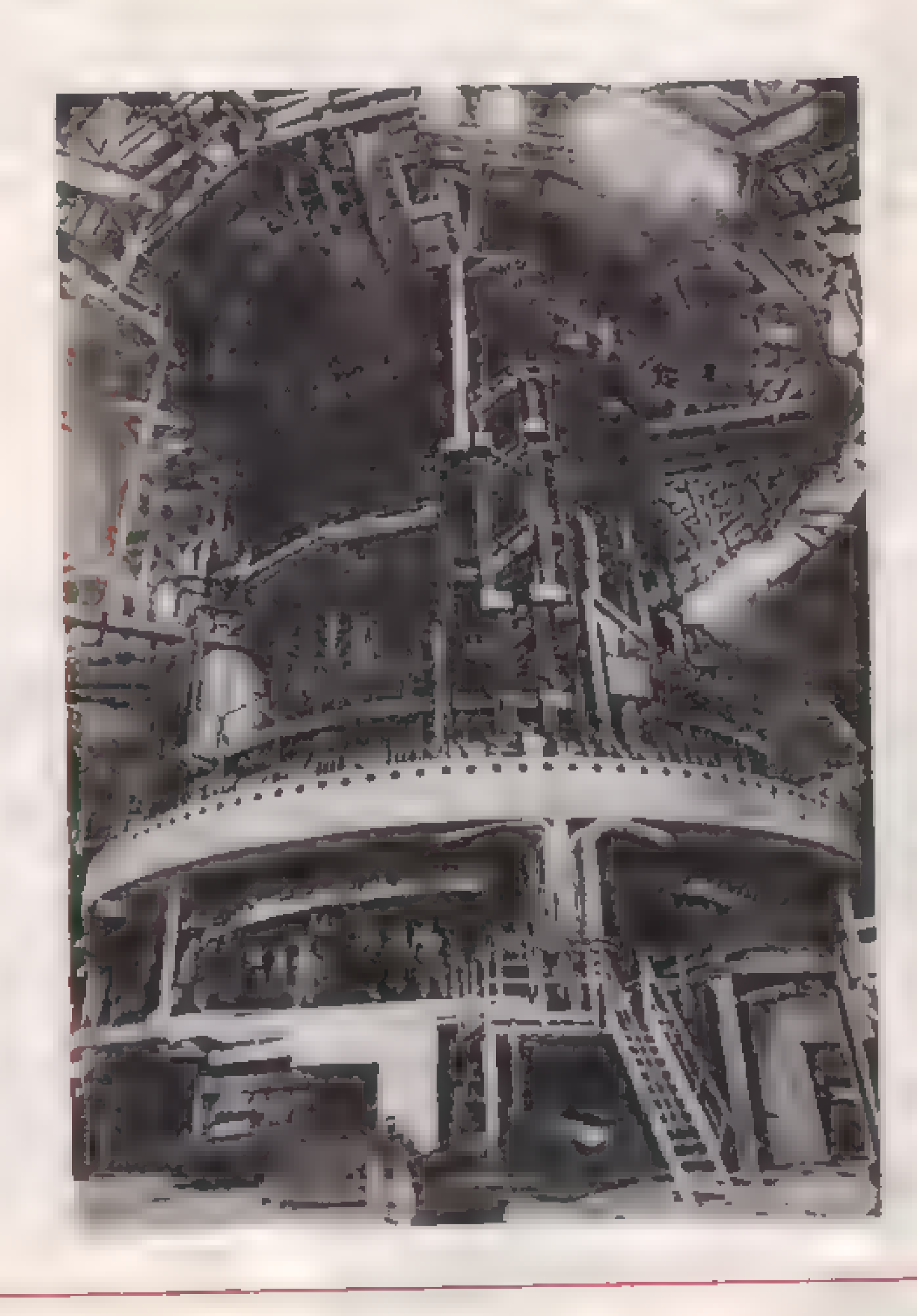
Проект мощного агрегата разрабатывали 35 институтов страны во главе с генеральным проектировщиком — московским «Гипромезом». В стране уже есть домны и такой мощности. Однако стоит отметить: при создании липецкой были применены последние достижения советской науки и техники.

Новая домна построена почти на два месяца раньше срока и стала хорошим подарком к 61-й годовщине Октября. Ежегодно она будет выплавлять 2 миллиона 200 тысяч тонн чугуна, выдавать 1 миллион тонн гранулированного шлака.

Поздравляя участников сооружения домны с трудовой победой, Леонид Ильич Брежнев писал: «Вы на деле показали, какие имеются у нас большие возможности для ускорения строительства и ввода в действие производственных мощностей».

Металлурги завода взяли обязательство выплавить до конца нынешнего года не менее 200 тысяч тонн чугуна.

Фото В. Кожевникова (ТАСС).

ДНЕПРОПЕТРОВСК

Его имя — «Металлург»

Яркими огнями сверкает по вечерам в Индустриальном районе Днепропетровска новый Дворец культуры. Его хозяева — металлурги старейшего на Украине орденоносного трубопрокатного завода имени К. Либкнехта. Потому новому очагу культуры и дали имя «Металлург».

Дворец соорудили строители треста «Днепротяжстрой». В его оформлении участвовали лучшие художники города и конструкторы-технологи объединения «Днепропетровскдрев», заводские инженеры-умельцы, владеющие искусством чеканки. Они использовали дерево, нержавеющую сталь, мрамор, цветное стекло, хрусталь. Все это украшает и зрительный зал на 1200 мест, и гардеробную, и другие помещения дворца.

В новом дворце уже состоялся фестиваль художественной самодеятельности заводских цехов, в котором участвовало 960 металлургов. Сейчас проходят семейные вечера, на которых рабочие чествуют победителей социалистического соревнования. Перед металлургами выступают популярные артисты кино и эстрады.

— В нашем дворце,— говорит его директор Валентин Петрович Пелих,— работает 20 кружков художественной самодеятельности. Сценическим искусством в различных жанрах овладевают более 1100 металлургов и членов их семей. Недавно у нас был создан ансамбль «Счастливое детство», в котором 360 одаренных мальчиков и девочек.

Н. Сальков
Фото В. Ефремова

И КЛЯТВУ ВЕРНОСТИ СДЕРЖАЛИ

«Близ Москвы, между Можайской и Калужской дорогой, небольшая возвышенность царит над всем городом. Это те Воробьевы горы, о которых я упоминал в первых воспоминаниях юности. Весь город стелется у их подошвы, с их высот один из самых изящных видов на Москву. Здесь стоял плачущий Иоанн Грозный... Эту гору обогнул Наполеон с своей армией, тут переломилась его сила, от подошвы Воробьевых гор началось отступление»,— писал Герцен в «Былом и думах».

Летом 1827 года старый, тяжелый экипаж, запряженный четверкой разномастных лошадей, почти полтора часа тащился по Москве до заставы. У Лужников на лодке переправились через реку, и двое юношей, почти мальчиков,— Александр Герцен и Николай Огарев, далеко опередив спутников, взбежали на гору, туда, где был заложен А. Л. Витбергом грандиозный, так и не воздвигнутый храм-памятник в честь победы русских войск над наполеоновской армией в 1812 году.

«Запыхавшись и раскрасневшись, стояли мы там, обтирая пот,— вспоминает Герцен.— Садилось солнце, купола блестели, город стлался на необозримое пространство под горой, свежий ветерок подувал на нас, постояли мы, постояли, оперлись друг на друга и, вдруг обнявшись, присягнули, в виду всей Москвы, пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу». А Огарев в одном из писем Герцену позже заметил: «...в этом месте (на Воробьевых горах) развилась история нашей жизни, то есть моей и твоей».

Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов —
Могучих деятелей племя.
И сеяло благое семя
На почву юную умов.
. . . .
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.

(Н. Огарев. Памяти Рылеева).

Великие русские революционные демократы А. И. Герцен и Н. П. Огарев свято хранили верность юношеской клятве. «Мы не знали всей силы того, с чем вступали в бой, но бой приняли»,— писал Герцен.

...Прошло полтора века. Стыл над столицей воздух, зима бросила инеи на деревья, и редкий нынче лед сковал подкову Москвы-реки у подножия Ленинских гор. На заснеженном склоне, на той самой площадке, где неумолимое время уничтожило следы фундамента Витбергова храма, благодарные потомки воздвигли мемориальный знак в память клятвы двух друзей. Взметнулся в морозное небо десятиметровый гранитный факел — символ нерушимости союза двух борцов, здесь рожденного.

В. ПЕТРОВ

Памятный знак на Ленинских горах. Архитекторы Ю. Ильин-Адаев, Р. Кананин. Скульптор М. Шмаков.

Фото Г. Розова

ПОСМОТРИТЕ, И ВЫ СТАНЕТЕ ЛУЧШЕ!

В КЛУБЕ «НА ОГОНЕК» ОГОНЕК В КЛУБЕ «НА ОГОНЕК»

Михайловское зимой.

Фото А. Гостева

Очередное заседание клуба «На Огонек» было посвящено встрече с директором всемирно известного Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина, крупным ученым-пушкинистом, писателем Семеном Степановичем Гейченко.

В далеком 1945 году начинал он поднимать из страшных руин дорогие всем нам Михайловское, Тригорское, Святогорье, Петровское. Возглавляя десятки своих сотрудников-учеников и сотни друзей-добровольцев, он и сегодня продолжает вдохновенный труд в Стране Поэзии.

«Это видел Пушкин. Посмотрите, и вы станете лучше!» — часто повторяет Семен Степанович. Эти слова можно поставить девизом всей его жизни.

М. БАРИНОВ

— Все были в Михайловском?— спрашивает Гейченко и после небольшой паузы продолжает: — Не были — побывайте! А кто был уже, побывайте снова!

Потом задумчиво, негромко, приглашая поразмышлять вместе, говорит о том, что Пушкин родился дважды. Первый раз — в Москве, в 1799 году. Второй раз в Михайловском.

Поразительны по красоте, силе, проникновенности стихи, написанные Пушкиным в Михайловском, но поразительно и другое.

Были после этого годы жизни, высокого творчества, было Болдино, были созданы бессмертные шедевры, но к какому бы произведению тех, последующих лет мы ни обратились, в каждом из них, исследуя корни, начало начал, мы придем к Михайловскому! Оказывается, все самое лучшее, самое значительное он задумал именно там, в те «два года незаметных».

— А как прекрасна природа Михайловского! — говорит Семен Степанович.— Ее никак не назовешь постоянной, вечной, застывшей в своей красоте и величии. Белое зимнее безмолвие, подлинная пустыня и буйный весенний, бескрайний как море разлив рек и озер. Бешеные летние ураганы с грозами, с проливными дождями и холодное ясное солнце северными белыми ночами. А осень... Любимейшее Пушкиным время года!

Здесь, в Михайловском, он впервые получил возможность остановиться среди бега и суеты жизни, отбросить все лишнее, что мешало. Пушкин не сразу понял, почувствовал это, — продолжает Семен Степанович. — Первое время он метался, горевал, жаловался в письмах к друзьям на то, что вырван из живой, кипучей жизни. Однако очень скоро пришло понимание, успокоение, изумление перед величием окружающей вселенной. Пришло радостное ощущение гармонического слияния с ней, пришло высокое творческое состояние.

Вот почему михайловская природа, ландшафт в целом и в каждой своей мельчайшей детали, в каждой травинке летом, в каждой снежинке зимой, для нас, хранителей памяти Пушкина, священны. Ведь Михайловское — это живой, действующий источник творческого вдохновения и сегодня.

Михайловское не только обогатило Пушкина тесным общением с русской природой. Рядом, буквально в двух шагах, в Тригорском, он нашел искреннюю дружбу, любовь, родные души. Здесь его всегда с радостью встречали дорогие сердцу люди, и потому Тригорское — это естественное продолжение Михайловского.

Мы работаем в Тригорском много лет. Начав с «нуля», с пепелища, оставленного фашистами в сорок пятом году, мы продолжаем реставрационную и научную работу, и нет этому конца.

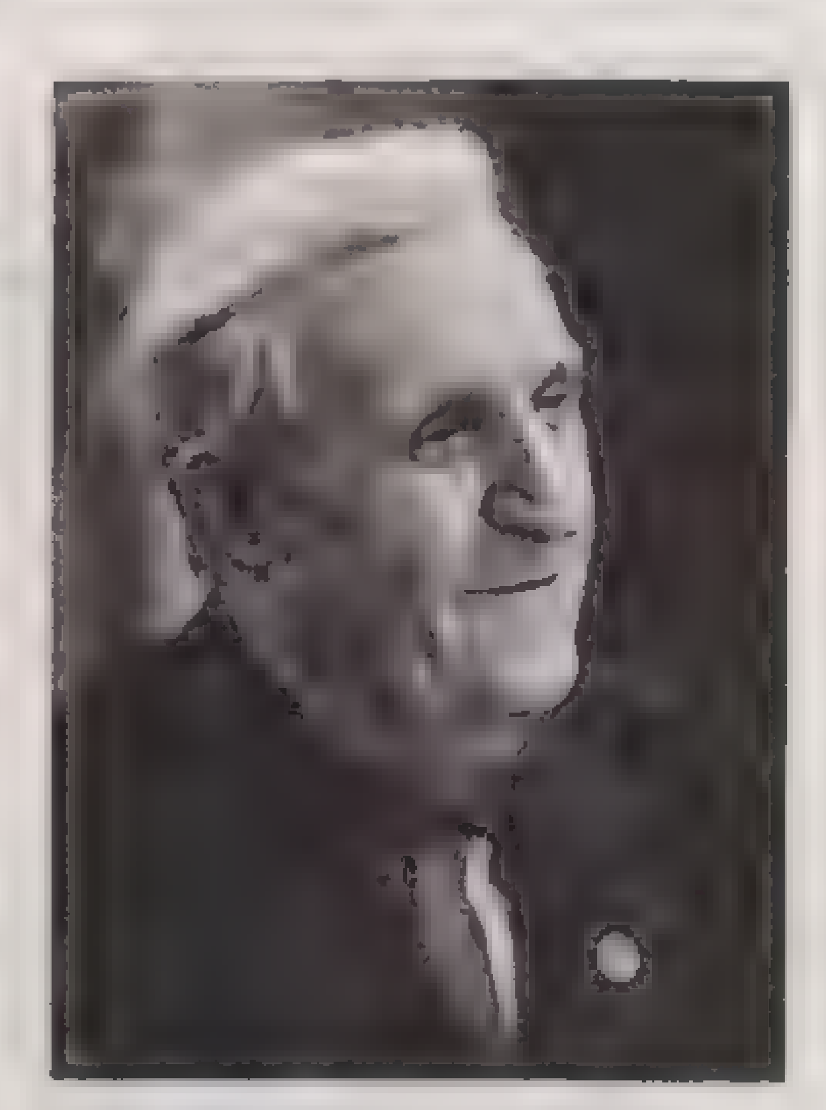
Совсем недавно мы завершили многолетний труд — комплектацию тригорской библиотеки. Это, так сказать, последняя новость из Страны Поэзии. У Осиповых была превосходная библиотека, в которой находились и новинки художественной литературы тех лет и книги по истории, естествознанию и другим наукам. Было в библиотеке и немало авторских книжек, подаренных поэтами и писателями — друзьями Пушкина и через него узнавшими и полюбившими обитателей «Тригорского замка». Пушкин не только отдыхал, развлекался, принимал участие во всех затеях, играх, шутках друзей в Тригорском. Он много и плодотворно работал в библиотеке. Ведь своей у него еще не было. В тригорской библиотеке находились и сочинения Пушкина. Например, первое издание «деревенских» — 4-й и 5-й — глав «Онегина», подаренное поэтом Евпраксии Николаевне Вульф, томик «Стихотворений Пушкина», изданный в Петербурге в 1826 году, номера издаваемого им журнала «Современник».

На торжественном открытии тригорской библиотеки академик Д. С. Лихачев отметил, что воссоздание ее — знаменательное событие в истории нашей культуры.

Если Тригорское было для Пушкина домом дружбы, «приют, сияньем муз одетый», то Петровское, родовое гнездо Ганнибалов, имение «арапа Петра Великого», было для него и музеем истории славы российской и творческой лабораторией его замыслов произведений о петровской эпохе, о своем знаменитом прадеде. Поэтому открытие в прошлом году музея в Петровском явилось для нас и завершением огромного необходимейшего труда и началом нового нескончаемого периода поисково-собирательской работы.

Воспользовавшись паузой в рассказе нашего гостя, кто-то спросил, не трудно ли Семену Степановичу столько лет вести такую огромную работу. Ведь, строго говоря, он инвалид Великой Отечественной войны, давно уже и пенсионер и ветеран. Гейченко, лукаво прищурившись, ответил: «Пушкин помогает». А потом, став серьезным, стал говорить о том, как на самом деле поддерживает, придает сил эта великая цель — воссоздать михайловский мир Пушкина не мертвым, музейным, а живым, «работающим» на наших современников, обогащающим и преображающим души людей.

— Принято решение о строительстве в музее-заповеднике музейно-научного комплекса,— продолжает рассказ С. С. Гейченко. — Уже создается проект большого и красивого здания. Думаю, пройдет немного времени, и проект воплотится в жизнь. Между прочим, иной раз раздаются голоса: «Какой еще комплекс в Михайловском! Какое строительство! Допустимо ли это в пушкинских местах!» Так вот хочу сказать, что за десятки лет послевоенного существования Пушкинского музея-заповедника мы

В клубе «На Огонек» выступает С. С. Гейченко.

Фото И. Гаврилова

собрали десятки тысяч экспонатов, десятки тысяч книг, документов, предметов различных размеров и назначений. Весь этот вещественный пушкинский мир требует к себе всестороннего внимания. Лаборатории, хранилища, специальные кабинеты для хранения, изучения, «лечения» жизненно необходимы. Ведь мы работаем не только для современников. Впереди сотни поколений, века и века! Так что комплекс органично, естественно необходим. И расположен он будет, конечно же, не в Михайловском, а там, где люди, где сегодняшняя деловая жизнь, райком партии и исполком, гостиница и жилые дома,— в районном центре края, в Пушкинских Горах. А совсем неподалеку высится холм, на котором еще Иван Грозный воздвиг Святогорский монастырь. Где могила Пушкина.

А потом Семену Степановичу задали вопрос, какая из его последних работ в музее-заповеднике, по его мнению, самая интересная.

— Говорить «последняя работа» — не совсем точно. Потому что у нас, музейных работников, каждый поиск длится годами. Определим иначе: последнее свершение. В таком случае надо рассказать о том, как Святогорский монастырь, могила Пушкина, обрел голос.

Колокола, звон которых так любил слушать Александр Сергеевич, плач которых возвестил о его гибели, висели вплоть до Великой Отечественной войны. Фашисты взорвали колокольню, часть колоколов похитили, часть уничтожили. Больше тридцати лет я собирал колокола по всему окрестному району. Мысль при этом была одна: надо найти такие колокола, которые наверняка мог слушать Пушкин. Не говорю уже о том, что комплектовать их надо как музыкальный инструмент, подбирая по звучанию. И вот, наконец, эта долгая, сложная работа подошла к завершению.

Собранные на временной звоннице, колокола были торжественно перевезены в монастырь-музей и повешены на своем месте.

Когда Семен Степанович рассказывал об этом, вспомнился завершающий эпизод, в котором мне выпало счастье принять участие. Рано утром 2 мая 1978 года мы закончили укрепление на его штатном месте, на колокольне, двухтонного «флагмана». Здесь, на самом верху холма, на высшей точке колокольни, дул сильный, по-весеннему холодный ветер. Небо было чистым, синим-синим. А вокруг расстилались на необъятную ширь леса, поля, деревни, все затянутые утренней сизой дымкой. Я посмотрел вниз и увидел Семена Степановича, который стоял, прислонившись к каменному ограждению площадки собора. Он смотрел вверх. «А ну, давай! Потихоньку. Один раз!» — сказал он. Я осторожно раскачал тяжелый язык и слегка прикоснулся к толстому бронзовому боку. И густой, поразительно певучий, едва слышный и в то же время все наполняющий звук поплыл над спящим городком, над лесами, над полями. Голос пушкинского Святогорья...

— В этом году их было семьсот тысяч,— говорил Гейченко.— Нет, не туристов, не экскурсантов — паломников! Пушкин щедро дарит им то, что сам в свое время получил от михайловской земли: душевный покой, радость общения с природой, углубленные размышления о жизни и, наконец, встречу с бессмертной поэзией.

МОЛОДОЕ МОРЕ

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

То смыкаются перед нами, то расходятся в стороны горы, открывая низкое ложе застывшего во льдах Енисея, то вдруг непроницаемой зубчатой стеной встает лес. Расступись, тайга! А она и впрямь убегает за поворотом у скалистого прижима, и тогда над кряжами ближних хребтов показывается пятиглавый Борус, важный и неприступный в своей атласно-белой зимней мантии... Это значит, что Саяно-Шушенская ГЭС совсем близко. Работающая ГЭС. Первый агрегат дает, говоря протокольным языком, промышленный ток...

А у меня из головы не выходит один вечер в Черемушках, поселке строителей, кстати, ничем не похожем на московские Черемушки и не в подражание им так названном. Просто была здесь неподалеку деревенька, утопавшая в черемухе, на месте которой построили мост. И уж от нее перешло имя к этому удивительно красивому, на редкость удачно и любовно вписанному в обширное ущелье поселку. Иностранцы приходят в восторг от него, называя то сибирской Ривьерой, то сибирской Швейцарией: улицы-аллеи среди сосен, сбегающих к Енисею, площадь, выложенная каменными плитами, и невысокие дома с современными удобствами...

В уютной квартире одного из таких домов, что рядом с детским садом «Чебурашка», мы и собрались. Было это примерно за месяц до главного события — пуска, и, естественно, разговор шел вокруг него.

— Я знаю, как все произойдет,— очень просто.— Сергей Коленков, самый старший среди собравшихся, ему тридцать три года, положил на стол свои руки, не привыкшие к такому нерабочему, на холостом ходу состоянию.— Начальник строительства отрапортует председателю государственной приемочной комиссии о полной готовности, председатель отдаст распоряжение включить агрегат, дежурный инженер на временном пульте повернет ключ... Очень тихо. Очень спокойно. Раз — и солнце готово. Потом будет митинг, потом... шампанское...

Все рассмеялись.

Сергею верили. Сергей строил Красноярскую ГЭС. А наш гостеприимный хозяин Валерий Смыслов и его задушевные, еще со школьных лет, друзья, братья Григорий и Владимир Казаченко, этого еще никогда не видели. Саяно-Шушенская ГЭС — первая в их жизни, и агрегат № 1, который вот-вот раскрутится и выбросит лавину энергии — целый довоенный Днепрогэс,— тоже первый. Быть может, потом придут другие ГЭС и другие агрегаты, но этот будет зарубкой в памяти навсегда, как в сердце юношеская любовь... И еще потому, что первый труднее всего достается. Ради него они усердно трудились целый год, да и предыдущие тоже, не досыпая по утрам, не договорив, не доиграв с сыновьями по вечерам.

— А помнишь, как в январе мы все стояли на площадке у здания ГЭС и Садовский (начальник строительства — Г. К.) отдал команду приступить к монтажу первой турбины?— спросил кто-то.— Кажется, совсем недавно было. А уж скоро снова январь, и новые турбины.

— Еще бы не помнить! Хиус дул с Енисея. Все косточки перебрал, пока длилась церемония!

— Демиденко еще выступал. Он лидер, его бригада ведет монтаж турбины.

— Не будем излишне скромными, друзья,— заметил Валерий.— Наташа, ты не видела, где у нас старые газеты?— спросил он жену.— Вот смотрите, что писали «Огни Саян» 31 января 1978 года: «Установлен первый сектор статора. Это событие приближено трудом бригад плотников-бетонщиков Позднякова и Коленкова, монтажников Демиденко и Дутченко». В архив пойдет, для потомков берегу!

Так сама собой, непроизвольно потекла беседа о том, что было в этом году. Сидели за столом, уставленным дымящимся картофелем, пельменями, рыбой, пирогами. «Наши жены, знаете, как готовят? Ни в одном ресторане так не сделают...» И вспоминали...

...Валерий находчив и боек в разговоре. На это я обратила внимание еще при первой встрече с ним на плотине.

— Смыслов Валерий, до отчества еще не дожил,— назвался он.— Играю ли в шахматы? Несомненно,— имя обязывает, но не так, как мой однофамилец. Что кончал? Учился в институте, погорел на английском и химии. Зачем поступал? Школьная блажь. Лишь бы вуз. В армии протрезвел. Теперь знаю, что мне надо. Недоволен Министерством высшего и среднего специального образования. Вечерние техникумы по гидростроительству есть, а вечерних или заочных институтов или факультетов нет. Ни одного. Практики мне хватает. Теория нужна, очень нужна теория!..

Говорят, что Смыслов прекрасно выступает. Может даже с ходу, долго не готовясь, и получается у него очень толково. Головастый. Строители посылали его на Всесоюзный съезд общества «Знание» в Москву. Ораторские качества помогают и в депутатской работе — два года назад его избрали депутатом краевого Совета. В. П. Толюпа, первый секретарь Саяногорского горкома партии, рассказывал мне, как хорошо была встречена речь Валерия на последней сессии краевого Совета народных депутатов в Красноярске. Она возымела действие, наказы избирателей выполняются — к пуску агрегата вступит в строй Дворец культуры в Черемушках, открыты дополнительные авиарейсы Саяногорск — Красноярск.

В ту пору Смыслов и старший из братьев Казаченко работали в бригаде Коленкова, Валера — звеньевым, Гриша — бетонщиком, и никто из них не предполагал, что все может измениться.

— Стоп! Про тройственный союз забыли!— напомнил нам Володя Казаченко.

Он имел в виду договор о содружестве и социалистическом соревновании, заключенный между бригадами монтажников Демиденко и бетонщиками Коленкова и Познякова. У них была общая задача: сделать все от них зависящее для пуска агрегата наилучшим образом и досрочно.

— Как же! Такое не забудется. Здорово у нас все получалось, дружно. Бетон шел бесперебойно, принимали все с колес!— Коленков, довольный, потирал руки.— Жаль, что потом пришлось разойтись с Демиденко, мы пошли на другие турбины, а Позняков остался с ним. У Славы Демиденко, между прочим, еще один договор — с ленинградцами, с бригадой слесарей-сборщиков Валентина Антонова. Демиденко ездил к ним, на ЛМЗ, Антонов приезжал сюда. На Красноярской ГЭС такой прямой связи, именно творческого содружества со смежниками и изготовителями, не было. Это родилось у нас, в Саянах.

— Мы еще с Сережей к Олегу на день рождения ходили,— невозмутимо вторглась вдруг в серьезный производственный разговор Лена Смыслова, как только дожевала пирожок с брусникой.

— Правильно говоришь! — дружно поддержали Лену взрослые.— А то мы и забыли про вас, детишек.

Лена и Олег, сын Владимира Казаченко, родились еще на Украине, а Сережа Смыслов и все остальные представители младшего поколения наших друзей — стопроцентные сибиряки, «саянята», как здесь называют малышей.

— Олегу, конечно, крупно повезло с днем рождения. А вот мне пришлось свой встречать в этом году... в больнице,— удрученно вздохнул Коленков.— Помню, Демиденко завершил монтаж статора. Большой бетон пошел, пустили первую очередь завода непрерывного действия. Гидростроители на пуск с других строек понаехали — с Нарына, Зеи, Чирчика, Чарвака... А тут случилось так, что мне подошло время в отпуск пойти. Оставил вместо себя Валерия и полетел к теплому морю. Вдруг в Иркутске снимают меня с самолета: воспаление легких.

— Мы твой день рождения и все остальные дни, между прочим, отмечали бригадой в мае,— улыбнулся Смыслов.

— Было дело. Но не случайно, так ведь?— парировал Коленков.

Ясность внес Гриша Казаченко, человек очень тихий и с виду робкий, с добрыми, ласковыми глазами:

— По итогам работы наша бригада получила премию и переходящий приз газеты «Огни Саян» за пусковой агрегат, даже бригаду Демиденко потеснили. Но повторить такое не удалось: ушли с зоны первого агрегата на другие. Это во-первых,— загнул Гриша мизинец.— Во-вторых, 15 апреля бригаде исполнилось четыре года, начальство к нам по этому поводу приходило, поздравляло. Присвоению бригаде имени известного гидростроителя Андрея Ефимовича Бочкина — тоже круглая дата — три года. У нас с Андреем Ефимовичем большая дружба. Он на комсомольской свадьбе у нас был, мы на его юбилей своих представителей посылали—Коленкова, Смыслова и Писанского. В-четвертых, праздник Первого мая. Ну и, в-пятых,—персональные дни рождения... Все объединили.

— Вопросов нет? Переходим к следующему пункту нашей программы...

Следующий пункт раскрывает хронику других месяцев года. Недалеко от смотровой площадки, куда возят гостей для обозрения панорамы Карловского створа, поднялась невероятной красоты серебристо-алая, как в фольге, опора пятисоткиловольтной ЛЭП. Великанша. Высота 83 метра. Смонтировали ее и воздвигли монтажники за сорок дней вместо девяноста. От нее пойдет энергия, выработанная первым агрегатом, в Саяногорск и Абакан.

Далее. Бригада Демиденко завершила монтаж спиральной камеры турбины. Бригада Коленкова вышла на двенадцатый ярус — последнюю проектную отметку, необходимую для первого пуска агрегата. И еще. После смены ребята работали на строительстве «Щелкунчика» — детского садика, который готовился к открытию. Трехлетнего Андрюшу, сына Григория, старшего Казаченко, в этот детский садик не приняли, но на очередь поставили. Он — 212-й. Впрочем, Андрюшу не обнадеживают — и осенью 79-го вряд ли попадет: в Саяногорске дети рождаются немного быстрее, чем строятся сады. Не сочли ли бы

Саяно-Шушенская ГЭС. Монтаж водовода к пусковому агрегату. ✻ Сергей Коленков (третий слева) и его бригада.
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В Карловском створе и ночью — как днем. ✻ А. Л. Чечик, начальник управления основных сооружений. ✻ Идет сборка статора. ✻ Г. Н. Лебедев, руководитель участка сборки ленинградского завода «Электросила».

здесь такое положение в порядке вещей...

В середине мая в Черемушках и в Майне зацвели таволга и черемуха, а потом вдруг повалил снег. Крупными хлопьями, на цветы и березы в робкой, нежной зелени.

Лена Смыслова принесла домой из школы за первый класс пятерки и благодарность. Володя Казаченко стал готовиться к зачетам, кончает третий курс гидростроительного техникума. Родители Светланы, жены Володи, тоже готовятся, только к весенним огородным работам. Поменял старый шахтер-пенсионер Приднепровье на Красноярский край. Обосновался здесь насовсем. Купил в Сизой, поселке на противоположном берегу Енисея, домик, «викторию», яблони и помидоры выращивает. И урожай снимает на диво: посадил четыре ведра картофеля, а собрал семьдесят. Пример весьма поучительный. Сибирь велика, места хватит для всех желающих!

И настал июнь, месяц больших испытаний...

В июне ожидался паводок, он должен был положить начало образованию Саянского моря. Постоянно, как у тяжелобольного, прощупывался «пульс» Енисея — расход воды в кубических метрах в секунду.

В июне держала экзамен многолетняя дружба Сергея Коленкова и Валеры Смыслова.

...В один из прекрасных дней Алексей Антонович Кузменко, начальник участка № 2 управления основных сооружений, предложил Смыслову перейти к нему бригадиром. Объем работ на плотине ширился, нарастал с каждым днем, и надо было создавать новые коллективы. Вот-вот к тому же должны были приехать студенческие строительные отряды.

Самого Кузменко Смыслов в какой-то степени знал, но еще больше был наслышан о нем и не переставал удивляться его огромному опыту и инженерной эрудиции. Залезет, не стесняясь, в любую дыру на плотине, разберется в самом сложном вопросе. В этом отношении начальник участка был для Валерия классическим примером, но, увы, кажется ему, неповторимым: «Таким вряд ли мне стать!..»

Что и говорить, предложение Кузменко весьма заманчивое и лестное. Это с одной стороны. С другой — как-то на это посмотрит Коленков? Тяжело, конечно, от него уходить. Так сработались! Первым замом у него. Да и коллектив прекрасный, прославленный, не зря ведь Коленков лауреат премии Ленинского комсомола и член Красноярского крайкома партии. А в звене своем Валерий как в родной семье.

Смыслов еще ничего не успел сообщить бригадиру, но чувствовал, что тот обо всем знает. Ходит мрачнее грозовой тучи, костит, вероятно, его на чем свет стоит, вдоль и поперек... Пусть отругается, пусть схлынет первая горечь, решил Валерий.

Выбрав момент, подошел, но разговор еще не получился. Послал его Сергей на все четыре стороны. Сильно переживал. Вспоминал.

Как тогда, в прошлом году, было? Руководство стройки решило перебросить бригаду Коленкова на прорыв, на передовую позицию — на сооружение здания ГЭС, низовой стены, ограждающей машинный зал от Енисея. Работа трудоемкая и неудобная, только для мужчин, большей частью на стене, на поясах. Все поняли, что заработки упадут. Кто посознательнее, готов был пойти на такие потери: раз надо — так надо. Кто-то же должен поступиться своим, личным?..

Однако несколько бетонщиков отказались наотрез. Ушли из бригады. Одно звено пришлось долго и упорно убеждать. На кого же оперся бригадир в такой трудной ситуации? Кто оказал ему самую активную поддержку и стоял насмерть с ним рядом? Смыслов! Валера! Звено молодого коммуниста Смыслова согласно было на эту работу в полном своем составе. Разве такое забудется?

...Разговор, конечно, между ними состоялся. Не мог не состояться. Тут же, в их бригадной будке, когда разошлась смена.

Сели на скамью под стендом с красным знаменем и почетными грамотами, напротив фотовитрины о Бочкине. Помолчали, как перед большой дорогой.

— Скажешь «не уходи» — не уйду,— совсем тихо полуспросил-полупредложил Валерий.

Сергей поднял голову, посмотрел на Валерия. Двадцати восьми никак не дашь, длинный, тонкий. Глаза, ждущие ответа. Кривятся губы. Схватил сигарету, закурил. Расти ему надо!

— Иди! — подтолкнул его плечом, а сам подумал: «Звена бы не увел. Сильное звено! Дружное, отличное!»

Валера так же тихо спросил:

— С Гришей Казаченко можно? И еще бы Писанского, комсорга...

...Паводок прошел нормально. Уровень воды за плотиной поднялся. А внизу, с другой стороны плотины, на скальном дне котлована, только что рожденная бригада Валерия Смыслова совершала свои первые шаги. Собирали в нее народ с бору по сосенке. Шесть человек. Десять. Восемнадцать. Гришу сразу избрали профоргом. Валера Писанский остался все тем же бессменным групкомсоргом. А потом в бригаде сразу стало 150 человек. Чечик, начальник управления, подкинул студентов Ленинградского политехнического — с гидротехнического факультета. Самых что ни на есть специалистов.

«Вот размах!» — схватился Смыслов за голову. И задание поставлено соответственное: закрыть скалу. Это значит выбрать породу, дойти до монолитных твердых темно-серых орто- и парасланцев, так очистить их, чтобы на белых перчатках пылинки не оставалось, чтоб батистовый платочек, если им провести, был чистеньким,— словом, чтоб бетон на таком основании, как говорят, звенел!

Три тысячи квадратных метров скалы закрыла бетоном бригада Смыслова со студентами в их третьем семестре! Перевыполнила план! На «Красноярскгэсстрое» по укладке бетона за последнюю неделю августа впервые появилась фамилия нового бригадира. Городская газета «Огни Саян» поместила портрет Смыслова и информировала читателей о создании на плотине новой, девятой по счету бетоноукладочной бригады.

У профорга Григория Казаченко заботы удвоились. В первых числах сентября к бригаде прикрепили 1 «а» класс подшефной школы в Черемушках. Все остальные классы уже были «расхватаны» более солидными по возрасту бригадами. В 1 «а» назревали меж тем события — прием в октябрята. Дело серьезное, Грише надо было продумать все с тем, чтобы ребята сразу почувствовали их шефское внимание. А в конце сентября у самого Гриши родился второй сын, Павлушка... Но это уже были заботы всей бригады: спорили, где и какого цвета покупать коляску — лимонную или красную. Других в Черемушках не бывает. Остановились на лимонной. В Саяногорске, как в любом городе, где много молодоженов, коляски и ползунки в страшном дефиците... Выясняли, можно ли сразу поставить Павлушку в очередь на детский сад, а то останется за воротами, как и его братишка. Разъяснили: «Нельзя, пусть в детсадовский возраст войдет». Очередная задача бригады хлопотать, чтоб Грише отдельную квартиру поскорее предоставили.

Вот каким емким и насыщенным оказался один пункт программы нашего вечера в Черемушках. Впрочем, описанное далеко его не исчерпывало...

Еще в середине августа на стройку прибыли из Ленинграда, с «Электросилы», инженеры и сборщики и приступили к сборке статора электрической машины № 1. Чтобы представить себе, насколько сложна и ответственна эта работа, достаточно назвать две цифры: наружный диаметр статора свыше шестнадцати метров, состоит он из многих сотен тысяч деталей. Сборка в Ленинграде не производилась и делается тут, на месте, впервые, в громадном кратере, над стоящей под ним турбиной. Кратер, как и монтажную площадку, на которой уже шла сборка ротора, сразу же накрыли шатрами — требуется определенная температура. Из Жданова к Карловскому створу доставили пятисоттонные, поистине циклопической величины полукозловые краны, которые останутся в машинном зале ГЭС навсегда — вместе они способны поднимать и переносить ротор и другие узлы агрегата весом в девятьсот тонн.

Событий в два последних предпусковых месяца было так много, что за ними не могли уже угнаться никакие хроникеры.

2 октября в плотину был уложен последний кубометр бетона в счет трех миллионов, это по меньшей мере третья ее часть. Плотина поднялась на восьмидесятиметровую высоту. Рано утром этого же дня Енисею оставили только попусковой водосброс. Гневно грохоча, он бунтует, выбрасывает фонтаны белого дыма, и его зелено-бурые воды, прежде чем уйти, еще долго колобродят, бьются о стены колодца.

К 9 декабря все было готово к затоплению котлована под здание ГЭС. В середине месяца начались сначала прокрутка агрегата, а потом и его испытания...

А за плотиной в горной теснине покрылось первым ледком молодое Саянское море. Оно тоже полнеет, растет. Ему нужно расти скорей. Укрощенный Енисей устремляется теперь по водонапорному трубопроводу на лопасти первой турбины...

Бетонировала блоки водовода молодая бригада Валерия Смыслова.

Саяногорские Черемушки. * Дежурный инженер штаба стройки Ольга Капсаргина слушает... * Бригадир Валерий Смыслов (справа) и звеньевой Валерий Самороков. * Перед началом смены.

Лучшее — детям

В Тбилиси на улице Саирме появилось новое красивое здание, наполненное детскими голосами. Школа? Да, но несколько необычная — Школа искусств, которой присвоено имя известного в республике педагога, профессора Тбилисской консерватории Анастасии Вирсаладзе. Цель этой школы дать ребятам понятие о духовных богатствах, приобщить их к пению, танцам, живописи, игре на каком-либо инструменте.

— У нас прекрасное здание,— говорит директор школы, заслуженная учительница республики Натела Ивановна Церетели,— много классных комнат, тренажный зал для отделения хореографии, концертный зал. А самое главное — хорошие, любящие детей педагоги. С открытием школы мы приняли двести малышей-подготовишек, которые уже обучаются сольфеджио, тренируют руку и глаз в рисунке, исполняют простейшие элементы танца. Из малышей будет создан духовой оркестр. Каждый из учеников трех наших отделений станет обучаться музыке.

Переняв опыт двух уже существующих в нашей стране подобных школ — в Москве и Вильнюсе,— тбилисцы вносят в ее программу свое.

Ия МЕСХИ

Фото А. Награльяна

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
М. К. ЛУКОНИНА

ДОЛГИЕ ДЕЛА ПОЭТА

Счастливейшее свойство — способность жить в стихе, как в жизни, подтверждать своим словом каждое действие, переживание, стремление. Михаилу Луконину это счастье было известно. Его воинская, трудовая, гражданская биография запечатлена в сильных, доверчивых, нараспашку открытых строках.

Он начал писать стихи в предвоенные годы и стал зрелым, самостоятельным поэтом на переднем крае. Таков удел ряда мастеров стиха, составивших фронтовое поколение. Они сражались в различных частях, но их связывает теснейшая дружба. Они объединены общими испытаниями и воспоминаниями, но каждый из них неповторимо ярок и самобытен в своих творческих поисках и свершениях. Михаил Луконин был всегда среди людей, а голос его в дружеской шумной беседе всегда звучал внятно, звонко и находил отклик в тысячах сердец.

Так было и так есть потому, что слова, родившиеся в сердце поэта, улавливали и выражали самые глубокие, проникновенные потребности и умонастроения современников. Сразу же после Победы он от имени пришедших с войны сказал о неодолимом желании «точить лемехи и водить трактора», ибо «жажда трудной работы нам ладони сечет», запечатлев таким образом и свою, своих соратников заветную мечту и самую суть, направление нашей советской жизни.

Прошло немного времени, и стало ясно, что намерение, высказанное поэтом, не осталось добрым обещанием, а подтверждено делом — прекрасными стихами и поэмами. В них идет речь лишь о том, что дорого и близко поэту, что явилось для него необходимостью (так и называется одна из книг Луконина!), а необходимо ему было участвовать в общенародных трудах и заботах, защищать земной шар от войны, узнавать новых и новых соотечественников, встречаться с земляками, воспитывать молодых поэтов, бывать в родном краю, находить отдых в семье — и все это превращать в искренние, прямодушные, стремительные строфы.

Михаил Луконин — волжанин не только по месту рождения, но и по характеру, не только в жизни, но и в стихе: размашист и отзывчив, деятелен и чуток, гневлив и нежен. Постоянно возвращаясь памятью сердца и ума к отчим берегам, он вместе с тем то и дело пускался в дальние странствия, и в его поэзию вошли, навсегда остались в ней Грузия и Вьетнам, Казахстан и Африка. Милые ему Быковы хутора оказались опорной точкою, истоком, откуда разбежались дороги во все концы света. На берегу Тихого океана, в доме несравненного Пабло Неруды, он, по его признанию, и все раздумывал и что-то итожил... Напряженный труд поэта не прекращался ни на мгновение — Луконин жил, не щадя сил, заботясь о товарищах по перу, ощущая свою ответственность за всех работников стиха, и они отвечали ему благодарностью. Высокая участь, красивая судьба! Закрепленная рифмами и метафорами, она нашла продолжение в книгах, столь же убедительно мужественных и благородных, что и художник, их создавший...

И. ГРИНБЕРГ

СТО РОЛЕЙ НИКОЛАЯ КРЮЧКОВА

КИНО

Н. ТОЛЧЕНОВА

Думается, не очень-то он даже и изменился за годы, отданные своим ста ролям. Ну, конечно, более резко и четко обозначились складки лица, намечавшиеся, впрочем, уже и в ту давнюю, раннюю пору, когда все мы ходили смотреть на киноэкране его героев — самых что ни на есть обыкновенных трудовых людей, привыкших честно и старательно, как говорится, от всей души делать свое дело...

Кем только он не был, этот обыкновенный человек, герой Николая Афанасьевича: шахтер, солдат, рыбак, партизан, красногвардеец, конюх, танкист, комендант погранзаставы, тракторист, разведчик, шофер, спортсмен... Однако ж остановимся... Тех, кто Крючкова в этих ролях не видел, никаким «списком» не удивишь. Эти герои, невыдуманные «простые люди», неизменно сражались за Советскую власть. Сражались трудом, сражались оружием... Важно отметить,— герой Крючкова ни разу не был им «тиражирован»: не был размножен, механически привычно воспроизведен по раз и навсегда сложившемуся трафарету. Крючков трафарета вообще не допускает и не признает, хотя он всегда остается самим собой, невзирая на ту безусловно выигрышную свою «типажность», свои приметы героического простого человека, которые всегда так нужны бывают — чего греха таить — кинематографу. И тем не менее Крючков не повторяется. При всей популярности своего героя, при его несомненной узнаваемости он, показывая героя «обыкновенного», становится масштабным, а значит, необыкновенным. И что еще важней при этом — сохраняет его душевный свет: те источники, те «прожектора» творчества, которыми и силен всякий настоящий художник. У Крючкова это сияние таланта направлено всегда не на самого себя (в смысле не на своего героя), а на жизнь, среду, на все окружающие обстоятельства. Короче говоря, на эпоху, породившую Героя... Это-то как раз и делало «обыкновенного» солдата, тракториста, шахтера да и всех других, кого играет Крючков, *личностью*, неповторимо запечатлевшей облик времени в бесхитростном вроде бы, но всегда вполне искреннем и во всяком отдельном случае убедительном образе...

Обо всем этом хочется напомнить еще и вот почему. Когда в конце жизни, в 1938 году, Константин Сергеевич Станиславский подводил итоги многолетним своим размышлениям об искусстве, он сказал, что Актер должен быть человеком эпохи, не подделываясь под нее, а органически сроднясь с ней.

Именно так. Быть, а не подделываться. Быть, а не «играть» какие-то более или менее «похожие» черты, беглые приметы эпохи. Вобрать самое эпоху в себя. Чувствовать ее в себе, нести как свое родное, кровное...

Откровенно говоря, нередко иному актеру требуется старательно изобретать, отыскивать это заветное родство,— всячески исхитряясь, прилаживаться к нему, чтобы, возможно, вдруг даже и ощутить нечто от искомого: вот, мол, оно вроде бы пришло, желанное,— наконец-таки сроднился!.. Счастьем Крючкова было — и осталось — вот это естественное, ненаигранное родство, без натуги... Родство подлинное, которое и делало для зрителей таким близким героя Крючкова, равно как и героев многих других замечательных его собратьев по искусству, по театру и кино,— например, Грибова, Жарова, Щукина, Чиркова... Да разве назовешь всех художников, самой эпохой приведенных в искусство?.. Самобытные, совершенно несхожие между собой, но равно вышедшие, как это тогда называлось, из «гущи» трудового народа (чаще всего из самодеятельных театров, школ либо кружков), они как раз и несли с собою на сцену и экран некую глубинную народную общность типа героического, где национальный облик рядового человека России, труженика и воина, именно и обретал убедительность покоряющую, высокогражданственную.

Случалось, правда, Крючкову, хоть и редко, исполнять роли словно необычные для него — роли руководящих работников. Так, в фильме Герасимова «Комсомольск» Крючков играл секретаря горкома комсомола. Но ведь и тут артист остался верен особой трудовой сути своего призвания. Точнее, коренной и особенно ясно им выраженной советской, коммунистической сути героя... И вот что поражает нас, сегодняшних зрителей: облик сыгранного Крючковым Андрея Сазонова в фильме «Комсомольск», вышедшем на экран в 1938 году, совершенно точно «совпадает» с нынешним — живым, реальным обликом молодых героев нашей эпохи: обликом тех чудесных парней, которых и ныне видишь наяву на БАМе, Атоммаше, КамАЗе и других великих стройках, но которые, к сожалению, почти совсем незнакомы,— если говорить всерьез! — нынешнему искусству... В самом деле, вряд ли кто назовет сегодняшнего актера-современника, чей герой стал бы поистине властителем дум сегодняшней молодежи...

А вот драгоценная общность — сплачивающая, роднящая общность эпохи — с теми, давними, крючковскими, налицо. В нынешних парнях и девчатах живет та же революционная страсть, та же неистовая увлеченность, что характеризовала тех, одетых в рваные одежки молодых людей, вручную строивших новое — лопатами, топорами, кайлами... Кстати, эти новые, сегодняшние,— такие же энтузиасты, люди такого же непререкаемого долга,— именно поэтому так и радовались, когда видели «старые» фильмы с участием Крючкова, а они довольно часто шли накануне шестидесятилетия Ленинского комсомола. Впрочем, радовались не только молодые, им рады были все...

Говорят, что, мол, это своеобразная «ностальгия» — тоска по тридцатым, сороковым, а то так даже и пятидесятым годам... Ни к селу ни к городу поминают модное словечко «ретро», что в точном переводе означает «обратно», «назад». Между тем ведь ни Крючкова, ни тех, кто

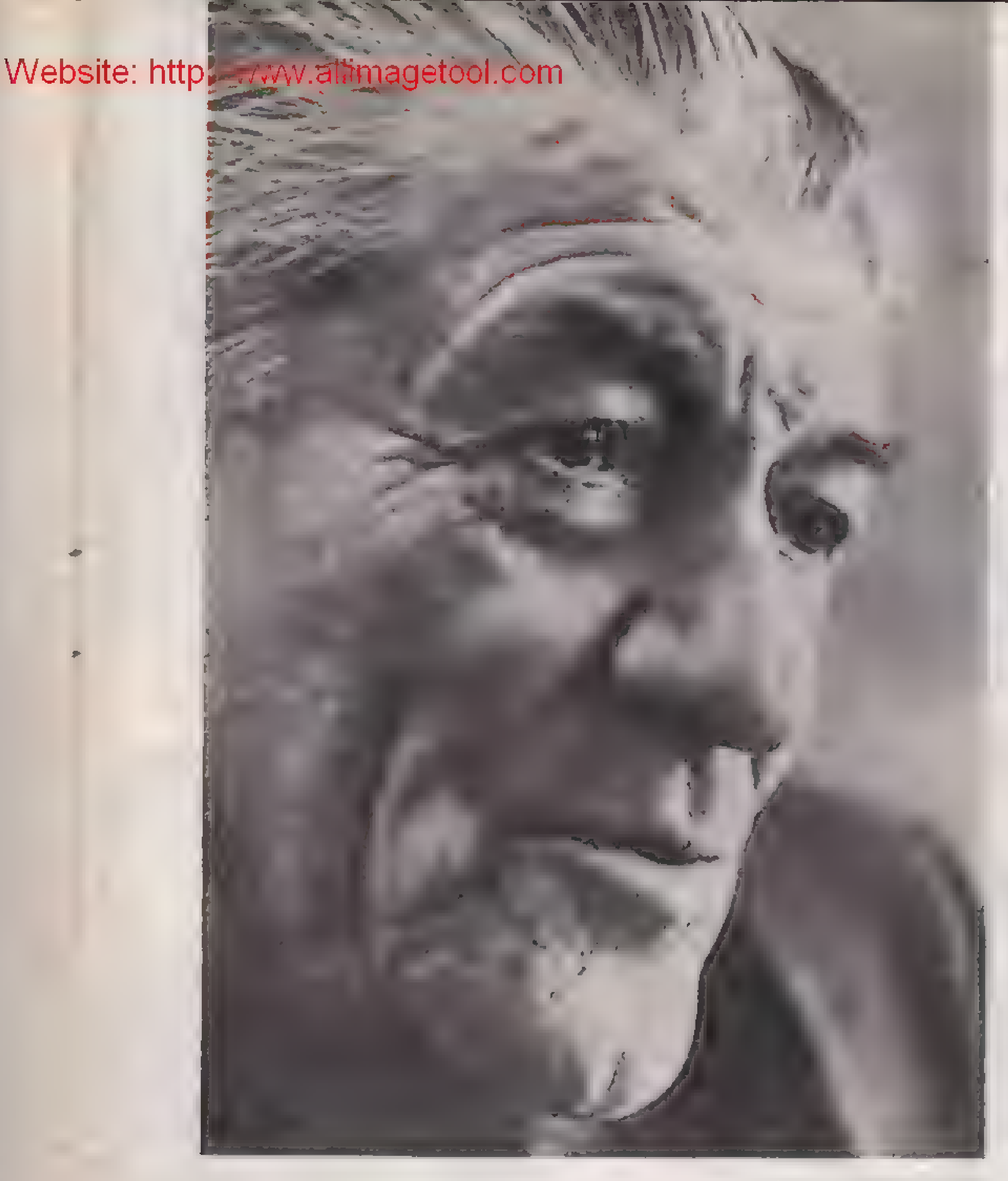

Фото А. Награльяна

вместе с ним пришел в искусство, как говорил Маяковский, чтоб «строить и месть», назад не повернешь. Они продолжают служить эпохе, выражая ее сегодняшние заботы и тревоги, а проще говоря, ее человеческую жизнь. И Крючков, награжденный самыми высокими орденами страны, увенчанный всенародным признанием и славой, тоже не смотрит назад, не ушел на покой.

— Это было бы, скажу я вам, страшней смерти,— говорит он искренне.

— А в каком фильме вы больше всего себе нравитесь?

— Может быть, в том, в каком надеюсь еще сыграть...

— И опять это будет рабочий человек?

— Лишь бы человек...

Сильно не клеится поначалу наш разговор. Немногословен Крючков. Но вот, пока наша беседа, отрывистая поначалу, налаживается, вдруг выясняется, что мы с ним земляки, москвичи с Красной Пресни...

— Мать моя, Олимпиада Федоровна,— потомственная ткачиха,— говорит Крючков.— Я у нее родился семимесячный. Чудом тогда уцелела она. В погреб упала. Но, видно, не пришло нам время на тот свет... Выжили. Повезло. А ведь шестерых ребятишек из восьми похоронила матушка... Отец же, Афанасий Фролович, в складальне на «Трехгорке» работал. Тюки готовой ткани, по 42 метра каждый, на своей спине таскал. Умер в двадцатом году... Родом он был мужик из деревни Плотицы под Тулой. Голодное время мама на родине у него хотела пережить. Но где уж там! Лебеду ели. До сих пор вкус этот помню... На «Трехгорке» я и вырос. Может, знаете: «спальнями» назывались прохоровские дома, где жили фабричные. Там прошли детство и юность. Прошли трудно, порой мучительно, но по-своему, или, вернее, в главном — все-таки хорошо... Неповторимо! Через многие трудности прорывались мы и становились крепче, сильней. Даже сами это ощущали, пусть неосознанно. Но потом-то все это пережитое понадобилось в жизни. Да, наверное, и породило самое творчество. Ведь уже со второго класса школы я был в самодеятельности. Играли мы тогда не пьесы, конечно, а то, что называлось «монтажами»,— текст и песни революционного содержания, связанные, очень условно, конечно, неким подобием образов. Чаще всего играл я уже тогда рабочих людей, хотя один раз даже пристава пришлось изобразить: для меня это уже была, пожалуй, задача на «перевоплощение»... Играли мы однажды монтаж «1905 год»,— очень всех увлекло, и вот до сих пор не забылось... Да и ничто не забывается: первые увлечения книгами, ролями, фильмами той поры... Все, как живое, встает перед глазами, будто вчера было...— И тут мы с Крючковым наперебой принимаемся вспоминать те давние фильмы нашего детства, фильмы с участием Мэри Пикфорд и Дугласа Фербенкса, Гарольда Ллойда...

По ходу нашей беседы выясняется, что оба мы были заядлыми посетителями дневных сеансов в уцелевшем до сих пор маленьком кинотеатре «Баррикады», который и сейчас находится на Пресне против зоопарка. В ту пору он носил более пышное название: «Гран Плезир»... Вот там школьник Коля Крючков увидел однажды «Банду батьки Кныша» и «Красных дьяволят»—фильмы, непоколебимо направившие его будущность и определившие всю его судьбу... Окончив ФЗУ в 1928 году, он имел в свои восемнадцать лет прекрасную—для «Трехгорки» того времени — профессию гравера-накатчика, однако же, не колеблясь и ни минуты не раздумывая, пошел в ТРАМ — Театр рабочей молодежи.

— Ведь еще до ТРАМа все уже было решено раз и навсегда. Готовился к этому изо всех сил. Учился играть на баяне, на маленьких гармошках. Пел. Любимая наша песня была «Кирпичики»,— наверно, тоже помните ее...

На Ходынке стоял кавалерийский полк, подшефный «Трехгорке». Там Крючков учился вольтижировать, любил отчаянно скакать. Будто знал, что в будущем все это понадобится...

В ТРАМ его приняли сразу. Но приняли не за пролетарское происхождение. За талант. За одержимость искусством.

Успех фильма Б. Барнета «Окраина», вышедшего в 1933 году, где Николай Крючков (как раз Барнетом и открытый в ТРАМе) упоенно сыграл первую свою в кинематографе роль Сеньки-сапожника, стал началом. Успехом. Признанием...

Правда, во всяком успехе есть еще и опасность самовозвеличения, самоуспокоения... Крючкова же он только подтолкнул, этот его первый успех. И опять начались, вернее, продолжились работа, работа, учеба, постоянное освоение мастерства.

У Крючкова особый талант. Кажется, излучает он почти въявь ощутимый ток прямоты, доверия и сердечности,— такова истинность его чувств и поведения перед камерой. Вроде бы Крючков и не прилагает никаких усилий к этому, но в нем, как и в его героях, не сомневаешься.

Скоро зрители увидят новую роль Николая Афанасьевича в фильме «Дядя Ваня, мой друг», поставленном режиссером В. Квайчадзе.

— Заглавная роль?

— Вроде...

— Между съемками чем же вы заняты?

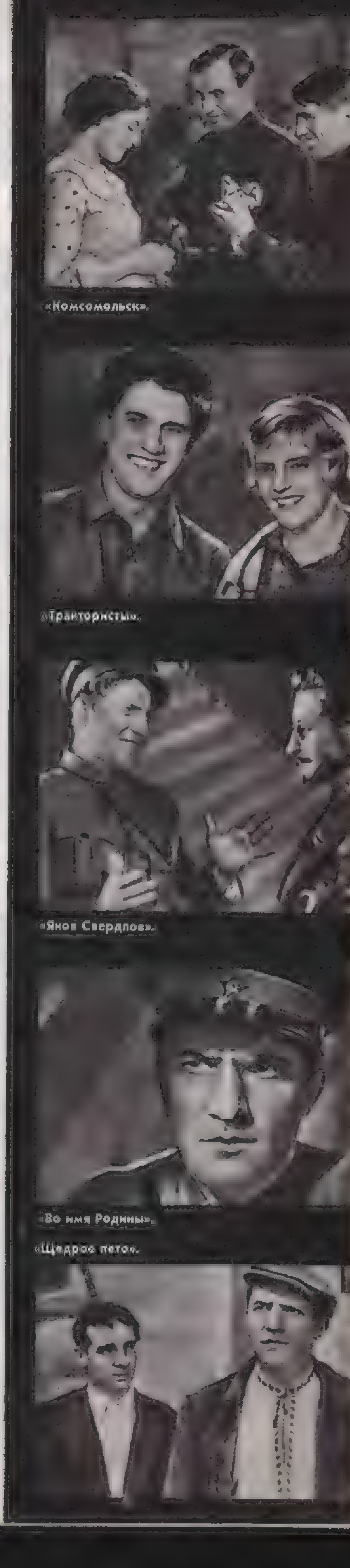
— Концерты, монтажи из любимых фильмов... Езжу вместе с Ладыниной. По всей стране. На целине, конечно, бываем. И в родном Нечерноземье. Всегда это радует — живые глаза тебе навстречу. За границу ездить не люблю. Как-то уютней на своей земле...

— А между концертами?

— Друзья, книги, дом, семья, белый свет... Внучка Катька — дороже всего на свете.

— Если сто первая роль уже определилась, то какие планы на будущее?

— Думаю, придут еще ко мне хорошие сценарии. Ненавижу голубых дураков с безразличными лицами и умными неразборчивыми речами, проскакивающими мимо тебя... Уважаю работающую музу кино. Работающую ради народа. Ради переживания, ради счастья людей. Заставляющую людей сильно чувствовать самих себя в своем времени, гордиться этим временем, любить и ценить его... Правду сказать, теперешнее кино часто бывает обращено, пожалуй, даже и в лучших созданиях, к мысли. А я считаю: надо — к сердцу...

«Комсомольск».

«Трактористы».

«Яков Свердлов».

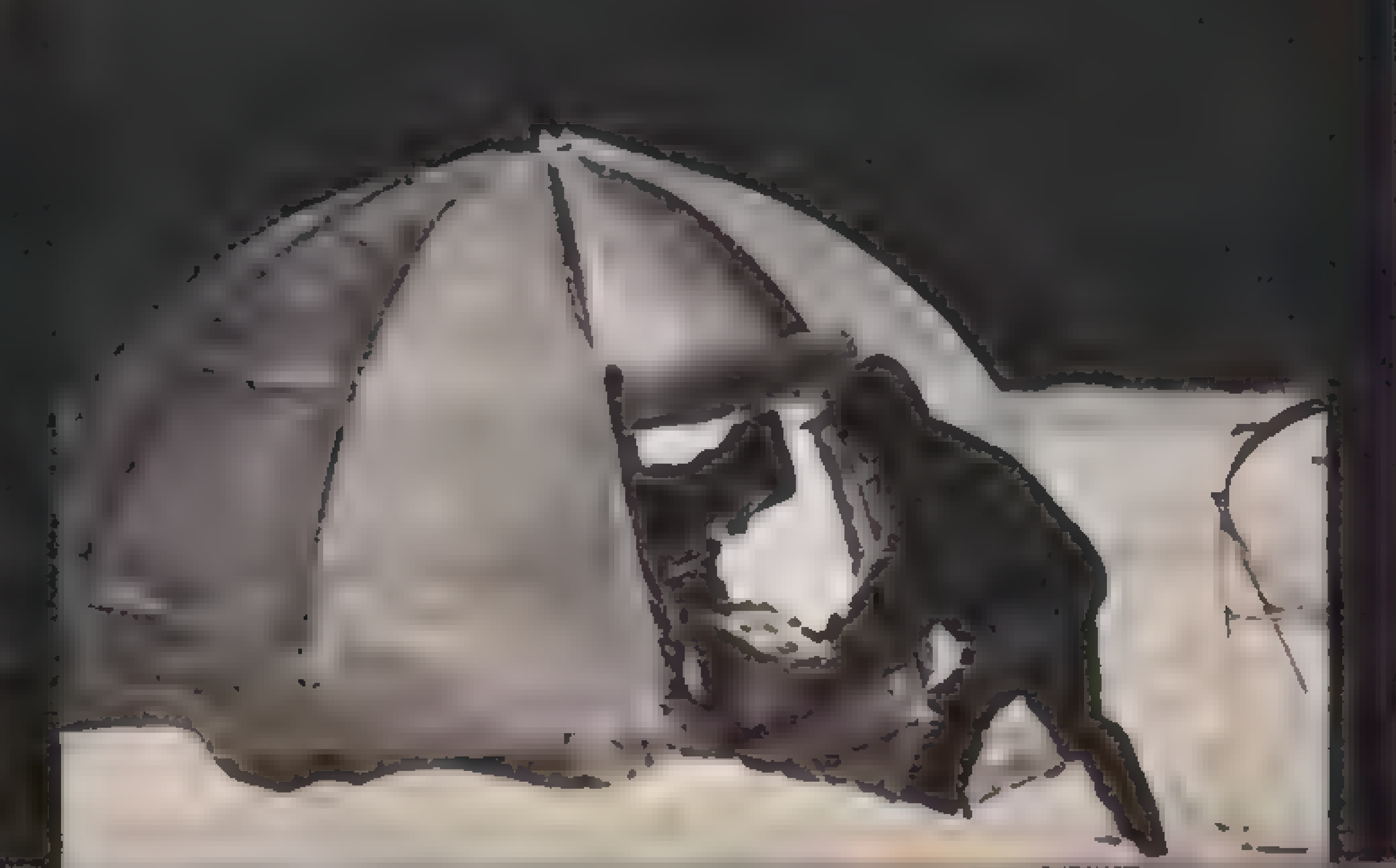
«Во имя Родины».

«Щедрое лето».

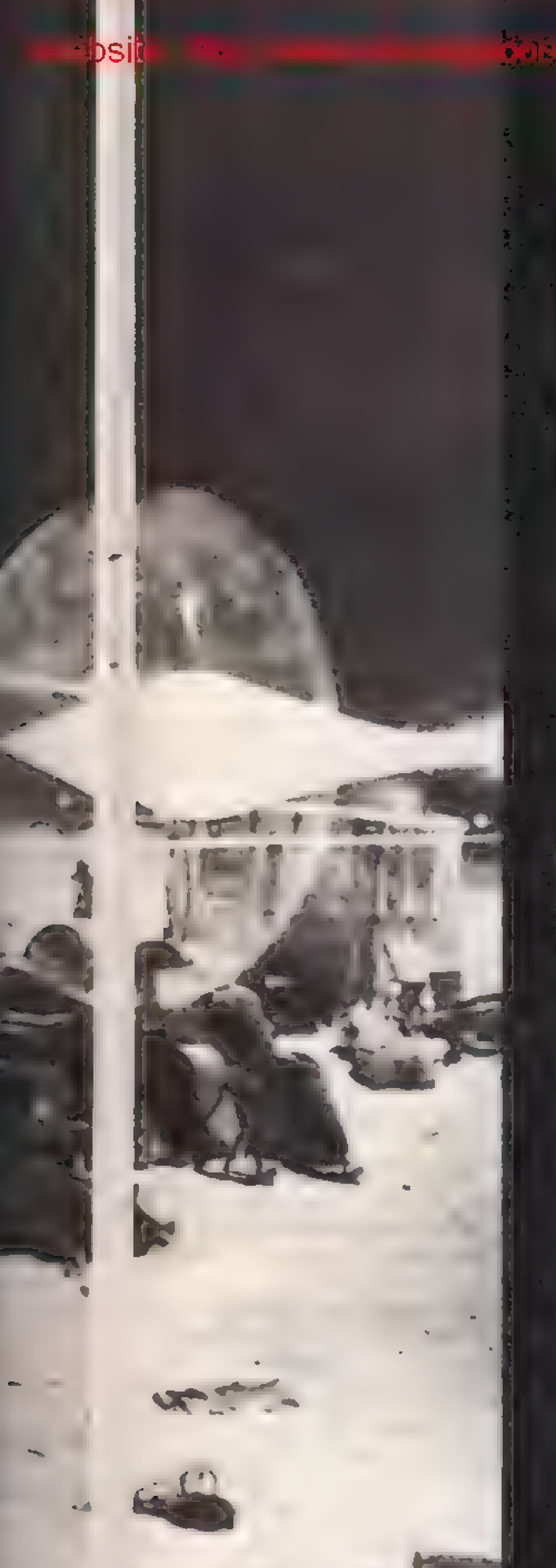

Коллектив советской дрейфующей научно-исследовательской станции «СП-23».

ВОЗ

Сборы.

Собаки тоже отправляются на материк.

Метеоролог Владимир Селицкий.

И вот ИЛ-14 с последней сменой полярников «СП-23» уходит в черное звездное небо полярной ночи курсом на северо-запад, в другое полушарие. А с ледяного острова у берегов Гренландии несутся в эфир позывные станции, и последняя цепочка морзянки мчится, обгоняя самолет, на далекий материк.

«МОСКВА ГОСГИМЕТ ТОЛСТИКОВУ ЛЕНИНГРАД ААНИИ ТРЕШНИКОВУ ТЧК ДРЕЙФУЮЩАЯ СТАНЦИЯ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС 23 ВЫПОЛНИВ ПРОГРАММУ НАУЧНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ ЗАВЕРШИЛА СВОЮ РАБОТУ В ТОЧКЕ С КООРДИНАТАМИ 87°39' СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ 022°30' ЗАПАДНОЙ ДОЛГОТЫ НАЧАЛЬНИК СТАНЦИИ КИЗИНО».

Эти снимки сделаны специальным фотокорреспондентом «Огонька» И. ГАВРИЛОВЫМ в Арктике в последние дни работы станции «СП-23».

ЗВРАЩЕНИЕ

Начальник станции «СП-23» Георгий Иосифович Кизино.

Завтра домой.

Знаменитый арктический повар — Павел Волков.

Владимир **НИКОЛАЕВ**

Убийство опла

ХОЗЯЕВА

Но вернемся к лидеру аризонских гангстеров Джо Бонанно. Впрочем, этот титул для него, пожалуй, мал. Бонанно один из самых видных заправил «Коза ностры» в масштабах всей страны. Когда в Нью-Йорке скончался Карло Гамбино, глава нью-йоркских гангстеров и поэтому самый влиятельный босс «Коза ностры», его место занял Кармине Галанте. А кто он такой? Он всегда был правой рукой Джо Бонанно. Знающие люди говорят, что Галанте будет править в Нью-Йорке до той поры, пока не наберется опыта сын Бонанно, подрастающий гангстер Сальваторе, которому затем отдадут нью-йоркскую гангстерскую вотчину.

А сам Бонанно преспокойно живет в Аризоне, неподалеку от мексиканской границы. Обратите внимание на это обстоятельство! Именно здесь, через эту границу, тайно доставляются из Мексики в США наркотики. Гангстерский босс в своей роскошной резиденции сидит здесь, как на наблюдательной вышке, ближе к делу, приносящему гангстерам многомиллионные прибыли. При этом Джо Бонанно, как и другие его коллеги, лидеры организованной преступности, ведет образ жизни богатого и респектабельного гражданина. Ходит в церковь (даже подарил ей орган), занимается филантропией, вхож в местное светское общество. Официально о своем бизнесе он говорит так: «Торгую недвижимым имуществом». Известно также, что в его легальную деловую активность в Аризоне входят операции в сфере сельскохозяйственной продукции, в частности хлопка. Типичный американский мультимиллионер!

Джо Бонанно давно осел в этих краях. В 1954 году зашел было разговор о его преступной деятельности, предлагалось хотя бы выселить его из США (за решетку, как видно, такого гангстерского босса упрятать невозможно). Началось разбирательство. Многие самые богатые аризонцы свидетельствовали в пользу Бонанно, характеризовали его как крупного бизнесмена и добропорядочного человека. А главным свидетелем защиты выступил сам... глава Верховного суда Аризоны Д' Кончини. Разумеется, Бонанно был оставлен в покое.

Это случилось, повторяем, в 1954 году. А, по общему мнению сведущих людей, подлинное нашествие гангстеров на Аризону началось в шестидесятые годы и продолжается сегодня ускоренными темпами. Можно себе представить, какую силу и влияние они имеют в штате теперь, коль скоро еще в 1954 году были для закона недоступны. Между прочим, сын того самого верховного судьи, который тогда заступился за Бонанно, сегодня является сенатором.

Вот что такое Бонанно и «Коза ностра» представляют из себя в американском штате Аризона (да и не только в нем)! Вот с какой зловещей силой столкнулся простой репортер Дон Боллс, помимо того, что столкнулся с бизнесом, политикой и юстицией.

Истекая кровью на асфальте, Дон Боллс четко назвал своих конкретных убийц: Джона Адамсона, мафию и корпорацию «Эмпрайз». На последнюю стоит взглянуть поближе и повнимательнее. Знакомство с ней придаст законченность печальному делу об убийстве Боллса и прояснит, как в США тесно переплетаются уголовный и легальный бизнес.

Итак, корпорация «Эмпрайз». Она была основана в Буффало (штат Нью-Йорк). Как и большинство современных американских корпораций, она занялась многими разными сферами бизнеса, но корни ее уходят в маленькую фирму, торговавшую земляными орешками. Вот такое невинное начало! Этими орешками начали торговать еще в 1915 году три сына польского портного, эмигрировавшего в США. Потом к орешкам присоединились кукурузные хлопья и сосиски. Все это братья продавали во время спортивных соревнований.

Постепенно главой дела стал младший из трех братьев, Луи Якобс. В 1927 году он со своими орешками и сосисками добрался до соревнований высшей бейсбольной лиги. Бейсбол — популярнейшая в США спортивная игра. У нее миллионы болельщиков. Получить право обеспечивать их на стадионах всякой мелкой снедью — залог огромного финансового успеха. Дела Луи Якобса быстро пошли в гору. Он стал своим человеком в профессиональном спорте. Своим и влиятельным, потому что стал богачом. И он умел распорядиться деньгами! Начал давать их взаймы под проценты. Постепенно у него появились и другие деловые интересы, кроме орешков, потому и была основана уже многоотраслевая корпорация «Эмпрайз». Среди ее многих дел забота о бейсбольных болельщиках осталась по-прежнему немаловажной задачей, к ним, правда, еще были подключены болельщики футбольные, баскетбольные и хоккейные. Причем Луи Якобс имел уже дело не только с болельщиками. С его капиталом он постепенно стал владельцем ряда профессиональных спортивных коллективов. Затем к этим интересам добавилось его участие в бегах, лошадиных и собачьих. А из этой сферы азарта такие, как Луи Якобс, деньги могут делать огромные! Он и делал их.

В 1960 году та секция «Эмпрайз», которая по-прежнему заботилась о болельщиках на стадионах (орешки, напитки и прочее), добилась большого успеха — права на обслуживание Олимпийских игр в Риме! В начале 70-х годов «Эмпрайз» объединяла 162 фирмы. Одна только секция «Эмпрайз» по обслуживанию болельщиков уже тогда ежегодно проворачивала операций на сто миллионов долларов! И по-прежнему успех корпорации объяснялся главным образом тем, что Луи Якобс умел давать взаймы под проценты нужным людям и в нужное время, главным образом дельцам в сфере профессионального спорта. Эти займы неизбежно привели его к встрече с дельцами-гангстерами из «Коза ностры», которые давно и прочно окопались в профессиональном спорте, особенно в таком прибыльном деле, как бега. Окопались не только как владельцы и совладельцы разных спортивных коллективов, но и как организаторы нелегальных тотализаторов на базе спортивных соревнований. Вопрос о связях Луи Якобса с гангстерами начал обсуждаться в суде, конгрессе и прессе. Но к тому времени Луи забрался так высоко в своем финансовом могуществе, что американской Фемиде до него дотянуться стало уже трудно. И он продолжал благоденствовать.

Корпорация «Эмпрайз» приобрела себе собачьи бега и в штате Аризона. С этого момента и начался путь репортера Боллса к его мученической смерти. Будучи уже знатоком в вопросах мафии и коррупции, он быстро докопался до того, что за ширмой «Эмпрайз» стоит гангстерский бизнес. Уже теперь стало достоянием гласности, как много сумел разузнать Дон Боллс. Так, например, пресса сообщает: «Дон узнал — и это оказалось именно так! — что полиция провела тайное расследование деятельности «Эмпрайз». Когда следователь должен был выступить с обнародованием собранных материалов, он неожиданно лег в больницу. Затем следователь вообще бесследно пропал. Исчез без следа и весь собранный им материал».

Боллс написал несколько статей о том, кто действительно владеет собачьими бегами в Аризоне. Официально ими владел некий Фанк, аризонский бизнесмен. Но стоило ему попасть в затруднительное финансовое положение (сам он попал в него или оно было искусственно создано?), как «Эмпрайз» тут же дал ему взаймы, то есть втиснулся в его бизнес.

Упорный и неутомимый Боллс проехал по многим штатам страны, расследуя деятельность «Эмпрайз» и ее связи с «Коза ностра». И, вернувшись в Аризону, написал серию статей на эту тему. Власть имущие заволновались. И не без причины. Бывший конгрессмен Сэм Стейгер говорил: «Боллс принес мне те материалы о своей поездке, какие не были напечатаны. Они просто ошеломили меня! А вскоре после этого представители властей положили мне на стол доказательства о связи «Эмпрайз» и детройтской «семьи» «Коза ностры», опять-таки на почве собачьих бегов».

Вскоре началось расследование связей «Эмпрайз» с «Коза ностра» в пяти штатах. Но к суду корпорацию притянуть не удалось. Наконец, в 1972 году были предъявлены официальные обвинения шести лицам и одной корпорации. Лица принадлежали к мафии, корпорация носила имя «Эмпрайз». Это, конечно, был удар по фирме, но, как оказалось, отнюдь не смертельный. В июне того же года последовал еще один удар. Американский журнал «Спортс иллюстрейтед» опубликовал статью о преступных махинациях «Эмпрайз» и большое фото Луи Якобса с подписью: «Крестный отец спорта» («Крестный отец» — почетное название главы «семьи» в «Коза ностре»). Из статьи следовало, что феноменально быстрый рост финансового могущества «Эмпрайз» объясняется ее деловыми связями с «Коза ностра».

В ответ на эти обвинения адвокаты «Эмпрайз» подали в суд. Они утверждали, что корпорацию пытаются опорочить конкуренты, чтобы убрать ее из бизнеса.

Семь лет подряд Дон Боллс и многие другие доказывали, что «Эмпрайз» — легальная корпорация гангстеров. Успел уйти на тот свет Луи Якобс, много воды утекло, много речей было произнесено, много было написано статей... И вдруг в Аризоне весь этот шум вокруг «Эмпрайз» мгновенно стих. В недавнем интервью бывший конгрессмен Сэм Стейгер, уже нами упоминавшийся, объяснил причины провала кампа-

Окончание. См. «Огонек» № 51.

нии против «Эмпрайз». Вот отрывки из текста этого интервью:

Стейгер. За четыре месяца до того, как он был убит, Боллс долго говорил со мной и просил больше не тратить силы на разоблачение «Эмпрайз». Почему? Потому что никому до этого не было никакого дела.

Вопрос. Может быть, это его газета отговаривала Боллса от продолжения расследования, потому что «Эмпрайз» подал на нее в суд?

Стейгер. Газета договорилась с «Эмпрайз». Предполагалось, что и Дон должен договориться с «Эмпрайз», на него ведь корпорация тоже подала в суд. Конечно, редакция отрицала это и продолжает отрицать. Но она лжет, нагло лжет! Редакция договорилась с «Эмпрайз» и обещала прекратить публикацию разоблачительных материалов. Ведь по такому же поводу «Эмпрайз» ранее подавал в суд и на другие органы печати: с «Арканзас газетт» корпорация потребовала 20 миллионов долларов за якобы нанесенный ей моральный ущерб, с «Детройт фри пресс» — тоже 20 миллионов, подала корпорация в суд и на «Спортс иллюстрейтед».

Вопрос. Это обычная тактика тех, у кого есть деньги: затянуть противника в дорогостоящий процесс.

Стейгер. Факт! То же самое случилось и со мной. Они судятся и со мной. И я уже с ужасом вижу, что должен за судебные издержки 60 тысяч долларов. Похоже, что мне придется выложить еще не менее ста тысяч. Я прав. Я должен выиграть в суде. Но где мне взять на это деньги? Да, это хитрая механика. Ее можно назвать так: запугивание судебным процессом и связанными с ним непомерными издержками. И газета и Боллс стали жертвами этой тактики.

Вопрос. Мне кажется, что главный преступник здесь, в Аризоне, и, возможно, вообще в США — система нашего правосудия.

Стейгер. Ох! Вы попали в точку. Но и правосудие само жертва...

Дон Боллс за подобные утверждения был убит. Сэма Стейгера его враги проучили по-другому. Один из виднейших аризонских политиков, он потерпел поражение на выборах в сенат США в 1976 году, уже после убийства Боллса. Большой бизнес рука об руку с гангстерским бизнесом выдавал каждому своему врагу свое. Что пережил Стейгер в связи с крушением политической карьеры и чем ему еще угрожали, известно ему одному. А всем известно стало следующее: неожиданно, после столь долгой борьбы с коррупцией, он не только сложил руки, но и публично покаялся. Бомба, убившая Боллса, сломила его волю. И тут же «Эмпрайз» взяла обратно свой иск, предъявленный Стейгеру, иск на один миллион долларов, и тем самым экс-конгрессмен был освобожден от дальнейших судебных издержек. Даже все видавшая Аризона удивилась. «А вы не шутите, Сэм?» — спрашивала Стейгера местная газета и продолжала: «Сэм Стейгер отныне лучший комик на аризонской политической сцене... Так политика и собачьи бега вступили в любовную связь».

Кое-какие итоги по делу об убийстве Боллса подвела группа репортеров, о которой мы уже выше упоминали. Результаты их расследования вылились в серию из 23 статей о коррупции и организованной преступности в Аризоне. В течение полугода опытнейшие репортеры (их было более сорока человек от 28 организаций) собирали этот материал. Но далеко не все органы информации, от которых они участвовали в этом мероприятии, решились публиковать отчет, в том числе такие, например, известные издания, как «Вашингтон стар», «Чикаго трибюн», «Аризона рипаблик» (где работал Дон Боллс). Другие органы прессы дали сильно сокращенный вариант отчета репортеров. Почему?

Ответ на этот вопрос можно легко найти в самом отчете. Его авторы, например, пишут:

«Через Аризону проходит, вероятно, самый главный путь нелегальной доставки наркотиков в США».

«Организованная преступность, возглавляемая такими гангстерами реактивного века, как Джо Бонанно, захватила в свои руки Финикс, Тусон и другие города Аризоны».

«Голдуотер связан с «Коза нострой»,— так озаглавлен один из разделов отчета. «В течение почти тридцати лет,— говорится далее,— сенатор Барри Голдуотер, его брат Роберт и их близкий друг Гарри Розенцвейг, бывший руководитель республиканцев штата, были главенствующими фигурами в столице Аризоны Финиксе и во всем штате. Все это время в штате существовала организованная преступность, что эти люди воспринимали как должное, поддерживая дружбу с главарями мафии».

Стоп! Пора, пожалуй, вспомнить кое-что о Голдуотере.

Давно известны его крайне реакционные взгляды. И вот теперь стало известно о его связях с гангстерами. Это тот самый Барри Голдуотер, который выдвигался кандидатом от республиканской партии на пост президента США! Тогда он потерпел поражение на выборах от демократа Линдона Джонсона.

Вот что говорится в итоговом труде репортеров: «Рост Голдуотера до общенациональных масштабов был обеспечен тесными взаимоотношениями с гангстерским миром Аризоны, Невады и Калифорнии». Таков Голдуотер — настоящий, подлинный. А вот Голдуотер — официальный, такой, каким его рисует американская энциклопедия: «Голдуотер, твердо выступая против всякого либерализма, за продолжение политики «холодной войны», служит символом здорового консерватизма, борется за возвращение моральных ценностей и традиций ранее пуританской Америки... Он вызывает уважение всей своей личностью и достоинством».

Как говорится, бог ей судья, этой американской энциклопедии, а вот журналисты в своем отчете пишут о том, что Голдуотер так возвысился в политическом мире потому, что «был тесно связан с первыми помощниками Мейера Лански, одного из крупнейших воротил преступного мира». Да, Мейер Лански был так велик в своей сфере, что ему, пожалуй, было не с руки лично снисходить до сенатора Голдуотера, достаточно для сенатора и «первых помощников» гангстерского босса! Имеется в виду правая рука Лански, некий Гэс Гринбаум, близкий друг братьев Голдуотеров. Достаточно вспомнить, что сам Барри лично почтил своим присутствием похороны Гринбаума.

Естественно, Голдуотеру пришлось — хотя это и было сделано сквозь зубы — отвечать на выдвинутые обвинения.

«Я никогда ничего не слышал о человеке по имени Мейер Лански»,— заявил Голдуотер.

Смешно! «Ничего не слышал». Это имя в США известно каждому ребенку, а он, один из ведущих политических деятелей страны, о нем, оказывается, вообще не слышал. Наглость такого ответа очевидна и легко объяснима: отпадают многие другие вопросы к Голдуотеру по поводу Лански. Вот комментарий американской прессы на такое странное «незнание»:

«Мейер Лански — столь известная фигура в «Коза ностре», что его нельзя ни с кем сравнить, разве что с Аль Капоне (известнейший американский гангстер.— **В. Н.**). Каким образом сенатор Голдуотер никогда ничего не слыхал о Мейере Лански, объяснить просто невозможно».

Ну, а Джо Бонанно? Несколько десятилетий прожил он в одном штате с Барри Голдуотером. Тут уж не заявишь «ничего не слышал». И Голдуотер так отвечает на вопрос о его связях с Джо Бонанно: «Я знаю одного человека в Тусоне — его зовут, кажется, Бонанно или что-то в этом роде,— он как-то приобрел собачьи бега, потом продал это дело. И я никогда не слышал ни от властей, ни от кого-либо, что в Аризоне есть члены мафии».

Вот так! Послушаем снова, что говорит по этому поводу американская печать:

«С 50-х годов сообщения о нашествии «Коза ностры» на Аризону часто печатались в прессе. Дон Боллс и Джек Уэст писали серии статей об этом в «Аризоне рипаблик», а писатель Гей Тейлизи выпустил книгу «Чти отца своего», ставшую известным во всей Америке бестселлером, и затем переделал ее в телевизионный фильм. И в статьях, и в книге, и в фильме подробно говорится не только о Джо Бонанно, но и о многих других реальных гангстерских лидерах, которые наводнили Аризону. Да и кроме названных выше источников, можно перечислить множество других, создавших популярность гангстерским боссам как в Аризоне, так и в масштабах всей Америки».

Да, видно, крепко приперли Голдуотера к стене, если он вынужден так беспардонно лгать!

Его правая рука, Гарри Розенцвейг, избрал тактику своего шефа: «Я ничего не знаю о гангстерских «семьях» в Аризоне. Я не знаю Бонанно. Слышал, что он обитал в Тусоне. Кстати, он что, еще жив?»

Это наглое вранье можно не комментировать, учитывая все сказанное выше.

Такое поведение Голдуотера и его компании лишний раз говорит о том, что Дона Боллса уже не могли не убить. Он слишком много знал и хотел рассказать об этом своим согражданам.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дело об убийстве Дона Боллса не из ряда вон выходящее, а типичнейшее для Соединенных Штатов. О том, какими правами человека обладал Боллс, «независимый» репортер «независимой» американской прессы, мы уже знаем. Знаем мы из этой истории и о том, какими правами обладал прямо-таки выдающийся политик всеамериканского масштаба Сэм Стейгер. Можно ли сказать, что хотя бы Джо Бонанно обладает всеми правами человека? Пожалуй, можно, если только принять его за олицетворение большого бизнеса. Того самого бизнеса, который убил Боллса. Того самого бизнеса, которому в США даны все права. Даже право убивать.

В книге американского автора Томаса Плейта «Преступление себя оправдывает» говорится: «Организованная преступность — самая большая отрасль американского бизнеса. Она относится к тому же разряду, что и фирма "Дженерал моторс" с ее ежегодным бюджетом в 36 миллиардов».

Обратите внимание на формулировку «самая большая отрасль американского бизнеса». Вся эта отрасль захвачена одной гангстерской фирмой по имени «Коза ностра». Это всеамериканский преступный синдикат. Его годовой доход составляет почти 50 миллиардов долларов. Цифра прямо-таки ошеломляющая! Это больше, чем доходы всех автостроительных монополий США, вместе взятых. Сумма эта превышает стоимость всех акций, продающихся на нью-йоркской бирже в течение года.

Фирма эта была основана выходцами из Сицилии в конце прошлого века. Сегодня она действительно стала самой крупной американской корпорацией. Ее руководителями страна поделена на 26 районов, в каждом из них весь преступный бизнес находится в руках одной «семьи», которая является местным филиалом «Коза ностры». В «семье» имеется от нескольких десятков до тысячи членов. Их возглавляет «босс», за ним идут

«капитаны», «лейтенанты» и «солдаты». «Боссы» и их ближайшие сподвижники — миллионеры, широко известные в США лица. Но закон перед ними бессилен. Ясно, чем они занимаются, но для того, чтобы посадить этих «боссов» за решетку, нужно поймать их с поличным. А такую роскошь бандиты такого уровня предоставляют властям очень редко.

«Коза ностра» — типичная корпорация. У нее, как, скажем, у известной уже нам «Эмпрайз», бизнес многоотраслевой. Убийство по заказу? Пожалуйста! Будет сделано. Было бы оплачено. Цены зависят от личности будущей жертвы, от ее веса в обществе. За простого репортера Боллса взяли всего десять тысяч долларов. Другая деловая сфера «Коза ностры» — азартные игры: карты, игральные автоматы, рулетка, бега, спортивный тотализатор. Все это приносит «Коза ностре» миллиарды долларов ежегодно.

Гангстерская корпорация — крупнейший в стране издатель порнографии (книги, фильмы и т. п.), крупнейший в стране сутенер, торгующий «живым товаром» (тоже миллиардные обороты!). Но самый большой доход гангстерам приносит торговля наркотиками. Широко торгует бандитская фирма и оружием, обычно его сбывают оптом реакционным режимам в Латинской Америке. В сейфы «Коза ностры» поступают доходы и по другой статье — за счет шантажа и вымогательства. Члены «семьи» терроризируют бизнесменов в своем районе, запугивают их и облагают данью.

В последние годы «Коза ностра» свое основное внимание уделяет вторжению в легальный бизнес. Приведенный выше рассказ о судьбе корпорации «Эмпрайз» — наглядный тому пример. Деньги преступной фирмы позволяют ей через подставных лиц скупать различные легальные предприятия и затем с их помощью делать деньги уже в полном соответствии с законом. В зависимости от конкретных условий и личных вкусов гангстеры-богатеи владеют транспортными конторами и фабриками грампластинок, похоронными конторами и банками и т. п. Так гангстер перевоплощается в бизнесмена.

А вслед за этой трансформацией следует вполне логичное развитие. В США, как известно, бизнес всему голова. Руководит он и политикой. Гангстеры, ставшие бизнесменами, хотят они того или нет, тем самым вторгаются и в область политики. Интересы их бизнеса, теперь уже легального, должны представлять и защищать их собственные политики.

Но ни один гангстер, влезший в легальный бизнес, никогда еще не порывал с «Коза ностpой», этого никому не позволит бандитская круговая порука. Вот в результате и получается, что организованная преступность через своих представителей в деловом мире, этаких гангстеров-бизнесменов, оказывает большое влияние и на политическую жизнь страны. Это не преувеличение. Вот авторитетные американские свидетельства.

«Преступные синдикаты,— пишет известный американский публицист Джон Кросби,— разбогатели и обрели маску респектабельности... Деньги гангстеров вкладываются во все другие отрасли бизнеса». Бывший специальный агент ФБР Уильям Тернер свидетельствует со знанием дела: «Преступный синдикат называют теперь невидимым правительством из-за того влияния, какое он оказывает на политику».

Или вот еще аналогичное, вполне официальное свидетельство — доклад специальной комиссии министерства юстиции США: «Синдикаты преступников типа «Коза ностры» — это общество, которое стремится действовать без контроля со стороны американского народа и правительства. Получая огромные доходы, преступные синдикаты взяли на вооружение методы террора, вымогательства и влияют на жизнь миллионов американцев».

Ну, и наконец, обо всем этом ярко свидетельствует дело об убийстве Боллса.

Такова правда. Таково действительное положение дел в США. Уже один этот аспект американской действительности лишний раз разоблачает причитания заокеанских лицемеров на тему о правах человека. Хорошенькое это право — жить под властью бандитов!

В Соединенных Штатах официальные пропагандисты любят говорить о том, что на стороне прав трудящегося американца стоят профсоюзы. Утверждение сомнительное по многим соображениям. Вот только одно из них: американские профсоюзы давно стали прибежищем гангстеров, которые легко проникают в их руководство и орудуют там. Чем объяснить эту тягу квалифицированных уголовников к профсоюзной работе? Да тем, что их интересует, во-первых, профсоюзная касса, во-вторых, легализация тех своих представителей, которые пробираются на посты профсоюзных боссов.

Дело в том, что многоотраслевой гангстерский бизнес, как и любой другой, постоянно нуждается в деньгах, а в профсоюзных сейфах они всегда имеются. Закон не разрешает использовать профсоюзные средства в целях наживы, но гангстеры-дельцы плевать на это хотели. И получается такое положение, при котором профсоюзная касса фактически становится гангстерским банкиром. Нет, они не крадут из нее деньги! Они в самом деле превращают ее в свой банк. Пускают профсоюзные доллары в оборот и получают прибыли, делают из профсоюзной кассы займы на самых выгодных условиях и опять-таки получают прибыли и т. п.

Одним из самых мощных и влиятельных американских профсоюзов является объединение водителей грузовых машин. Четверть века его возглавлял Джеймс Хоффа, теснейшим образом связанный с «Коза ностpой», представителями которой засорено все руководство этого союза. В самом начале карьеры Хоффы ему помогла занять пост руководителя профсоюза грузовых машин «семья» известнейшего гангстера Капоне. Помогла, разумеется, не бескорыстно, и всю свою дальнейшую жизнь Хоффа расплачивался за эту помощь из профсоюзной кассы. На протяжении четверти века Хоффа постоянно находился под судом и следствием, но в тюрьму его удалось засадить лишь однажды (и то благодаря тому, что его выдал ближайший сподвижник). Правда, за решеткой Хоффа сидел недолго и с комфортом, получал, например, свою зарплату (125 тысяч долларов в год!). На время пребывания Хоффы за решеткой гангстеры посадили во главе профсоюза Фицсиммонса, ближайшего его помощника. Когда Хоффу выпустили на свободу, он, естественно, захотел вернуться на свой прежний пост. Но к тому времени Фицсиммонс так прижился на нем, что больше устраивал «Коза ностру», чем Хоффа. Последний начал было бороться за свои утраченные права и... бесследно исчез. У властей нет никакого сомнения в том, что Хоффа был убит гангстерами, при этом никаких концов найти было невозможно.

Столь острая борьба за власть в гангстерско-профсоюзной верхушке объясняется просто: речь идет о деньгах, очень больших деньгах. Только пенсионный фонд профсоюза водителей грузовых машин составляет более одного миллиарда долларов. Из этого огромного резервуара гангстеры и черпают доллары для своих финансовых махинаций. Разумеется, что все эти операции, все эти связи профсоюзов с «Коза ностpой» осуществляются под покровом глубокой тайны, правда редко выходит на поверхность. Американский журнал «Ридерс дайджест» недаром пишет: «Проникнуть через завесу секретности, окружающую пенсионный профсоюзный фонд, так же трудно, как пробраться в Форт Нокс (где лежит золотой запас США.— **В. Н.**)».

Из множества деловых гангстерских начинаний, на которые идут профсоюзные средства, можно, например, упомянуть владения «Коза ностры» в Лас Вегасе, этом центре индустрии бесстыдства и азарта. Лас Вегас и другие подобные окружающие его в штате Невада злачные места выуживают из карманов американцев сотни миллионов долларов. «Немалая часть из этого золотого потока,— пишет журнал «Ридерс дайджест»,— никто не знает точно, какая часть ушла в сферу организованной преступности, в значительной степени финансируемой за счет пенсионного фонда профсоюза водителей грузовых автомашин».

В 1978 году американская пресса сообщила, что правительство начало судебное расследование по поводу использования профсоюзных фондов Фицсиммонсом и его компанией. Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» пишет: «Это расследование затянется на долгие годы. Защита может вызвать любого из американских финансистов, занимающихся различными фондами и делающих то же самое, что и профсоюзные боссы». Одним словом, все деловые люди— жулики! И почему вдруг призывать к ответу только лишь одних профсоюзных мошенников?!

Но вернемся к началу наших рассуждений. Можно ли всерьез говорить о защите прав американских трудящихся, если их «защищают» гангстеры?

Трагедия, которая произошла с Доном Боллсом, лишний раз высветила те потаенные сферы американской действительности, которые как нельзя лучше характеризуют самую суть общества, основанного на чистогане, общества, попирающего самые элементарные права человека во имя наживы, прибыли, добытой любой ценой, любым путем.

Как бы эпитафией Боллсу звучат слова американского публициста Мартина Таллберга:

«Аризонцы, может быть, не понимают этого, но многие люди во всем мире внимательно наблюдают за событиями в Аризоне именно с точки зрения развернутой в США кампании в защиту прав человека. Сможет ли Аризона оградить себя от грязи, или бизнес, как всегда, покроет все это дело своим лицемерием?

Многие люди в мире спрашивают, действительно ли американцы заинтересованы в защите прав простого человека от давящих на него злых сил или же американцы заняты только тем, что делают доллары. Пример Аризоны с ее отношением к проблеме организованной преступности дает ответ на этот вопрос».

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР.

«Таков вопрос. Каков ответ?»

В «Огоньке» № 44 в 1978 году я прочел критическую заметку «Таков вопрос. Каков ответ?» — в ответ на письмо ленинградки Н. В. Ивановой. Поднятый ею вопрос только на первый взгляд мелочь, но если глубоко вникнуть в суть, то он серьезен. Ведь не зря говорят, что без винтика и механизм работать не будет. Так и тут, без какой-то «пустяковой» ленты нельзя работать на пишущей машинке.

Я секретарь станичного Совета уже более пятнадцати лет, и все эти годы приходится, как говорится, рыскать повсюду в поисках злосчастной ленты. А копировальная бумага вообще проблема. О «штрихе» и «шрифтоочистителе» мы знаем только понаслышке, а видеть их и ими работать не приходилось.

Скажу вам откровенно: машинистка, работающая на пишущей машинке, ставит вопрос так — дайте хорошую ленту, дайте хорошую копировальную бумагу, писчую бумагу, тогда будет качество работы! И она права в своих требованиях. А сейчас ей приходится самой колесить в поисках и ленты и копировальной бумаги.

С искренним уважением
К. С. РЕЗНИК.

Колхоз имени Суворова, Краснодарский край, Лабинский район, станица Каладжинская.

ФИЛЬМ О МУЖЕСТВЕ

Суметь увидеть зорким глазом, почувствовать отзывчивым сердцем и передать словом и образом страдания и надежды народа — это под силу только настоящему искусству. Выпущенный на экраны фильм «Палестинцы: право на жизнь» документален. И эта документальность, поднятая на уровень подлинного мастерства, художественности, заставляет зрителя фильма ощутимо пережить тяжелые события, которые связаны с судьбой палестинского народа.

...Вот к палестинским берегам прибывает пароход с поселенцами-сионистами. Местные жители-арабы оказывают им гостеприимство. Они несут им продукты своего крестьянского труда. Но у сионистов в руках, которыми они только что брали у арабов за общим столом их нехитрые угощения, оказывается оружие... И начинаются массовые убийства тех, кто испокон веков владел землей Палестины.

Эти архивные кадры подтверждаются съемками, сделанными уже после израильской агрессии 1967 года советскими кинооператорами О. Арцеуловым и В. Копалиным. И тут самое место сказать о том, о чем мы мало говорили на страницах нашей печати,— о самоотверженной работе кинооператоров, журналистов, часто рискующих жизнью для того, чтобы донести до советского зрителя, читателя, радиослушателя правду о том, что происходит в горячих точках нашей планеты. Многие кадры из фильма О. Арцеулова, В. Копалина и Е. Евсеева снимались под свист пуль и грохот снарядов, с риском для жизни. Достаточно вспомнить, что, вот так же снимая события в Иордании в сентябре 1970 года, погиб оператор Центральной студии документальных фильмов Константин Ряшенцев, чтобы понять, сколько раз подвергали себя риску те, кто с камерой в руках ходил по партизанским тропам. Они делали это для того, чтобы донести до советских людей, испытавших на себе тяготы фашистской оккупации, всю глубину трагедии палестинского народа, изгнанного сионистами со своей родины.

Авторы фильма показывают на документальных материалах звериное лицо израильских агрессоров, идущих по пути фашистских головорезов. И в то же время это фильм добрый и глубоко гуманный.

Не погрешив против истины, можно сказать, что этот фильм был бы актуален в любое время. Но нужда в подобных картинах особенно чувствуется сейчас, когда предатели арабских народов торгуются за их спиной с сионистами под покровительством союзника израильских агрессоров — Соединенных Штатов.

В наполненную гаммой красок киноленту тенью ложатся размытые черно-белые архивные кадры о визите в Иерусалим президента Египта А. Садата. Его суетливая учтивость перед теми, кто продолжает до сих пор топтать захваченные арабские земли, выглядит жалкой и неуверенной. Она ярко контрастирует с твердой поступью палестинских «федаев», взявших в руки оружие, чтобы вернуть свое право на отобранную родину; с могучей демонстрацией жителей Западного берега реки Иордан, осуждающих израильскую агрессию. И это заставляет верить, что оптимизм, живущий в кадрах глубоко трагического кинофильма «Палестинцы: право на жизнь», имеет серьезное основание. Несмотря на зверства агрессоров. Несмотря на жертвы борцов.

А. АГАРЫШЕВ

Кадры из фильма

НОВАЯ ПРОГРАММА

— Как сложилась эта программа? Готовили мы ее год, часами просиживали в библиотеках, листая ноты, обзванивая композиторов. Искали, искали и находили произведения, одинаково интересные и для вокалиста и для пианиста. В этом отношении Аделина Козлова человек очень легкий, широкий. Она тонко чувствует индивидуальность пианистки и умеет раскрыть свои возможности как вокалистки.

Глинка, Чайковский, Шостакович, Осокин, Ипполитов-Иванов... Русские, советские композиторы. Их небольшие музыкальные миниатюры, написанные на основе русских, английских, лаосских народных песен и на стихи индийского поэта Р. Тагора, составили программу первого отделения сегодняшнего концерта солистки Московской государственной филармонии, лауреата Всесоюзного конкурса имени Глинки, дипломантки международного конкурса имени П. И. Чайковского Аделины Козловой и пианистки Лидии Неведомской.

Я записываю в блокнот разговор с Лидой, тонкой, высокой, больше похожей на студентку-отличницу, какой она была еще совсем недавно, чем на опытного пианиста, каким уже считают ее некоторые специалисты, а из фойе слышен шум голосов московских любителей музыки, пришедших на концерт двух молодых музыкантов.

«Не уходи, не простившись со мною»,— грустно звучит голос певицы, ей вторит флейта М. Харкеевича. Звуки рояля завершают, объединяют музыкальную картину, созданную М. Ипполитовым-Ивановым на стихи Тагора.

Этот слаженный и стройный ансамбль возник всего два года назад. Постоянный концертмейстер Аделины Козловой заболел, и она попросила Лиду заменить его. Первый же совместный концерт прошел так удачно, что с тех пор певица и пианистка вместе ездят по стране с концертами, вместе работают над репертуаром.

Дальний Восток, Сибирь — такова география ближайших поездок Аделины Козловой и Лидии Неведомской. Туда повезут они песни народов мира, музыку старых итальянцев Каччини, Скарлатти, Марчелло и более поздних Верди, Россини, Леонкавалло, Доницетти.

— Сегодняшний московский концерт,— говорит Козлова, — особенно труден тем, что это первое исполнение новой программы, наш первый с Лидой экзамен перед нашими учителями, коллегами, которые сейчас в зале. Что из этого получилось, судить не нам...

В. МОРОЗОВА

Фото И. Гаврилова

Юбилей

«Камские зори» — боевая газета Всесоюзной ударной комсомольской стройки в Набережных Челнах. В самом ее романтичном названии угадывается глубокий смысл — рождение, становление города на Каме, его прекрасное будущее. Во имя этого тринадцать лет уже борется газета: вместе с бетонщиками и монтажниками подымает корпуса КамАЗа, штурмует полноводную Каму, возводит плотину, прокладывает проспекты и строит жилые дома... Она всегда на переднем крае.

Сегодня, в эти декабрьские дни, у газеты праздник: вышел 1000-й номер «Камских зорь».

МАЛЕНЬКАЯ

Олег МИХАЙЛОВ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Она мала ростом, очень кругла лицом, полногруда, широкоплеча, но не толста. В улыбке, открывающей мелкие зубки, носик ее становится еще острее и еще округлее — подбородок. Работает она в административно-хозяйственном отделе какого-то управления с зарплатой семьдесят рублей, числится садовником, но выполняет обязанности курьера: бумаг год от года становится все больше, и штатные курьеры с ними не справляются.

Живет она за городом, тратит на дорогу в один конец полтора часа, занимает с мамой, больной сахарным диабетом, предпенсионной, одинокой, полдомика, выстроенного трудным честным путем. Раньше я удивлялся, как на скромные доходы железнодорожной служащей можно было отстроиться, но когда увидел их жилище, все понял. По пестроте материала — кирпич, фанера, доски, жесть,— по четкости границ пристроек видно было, как возникла сперва одна комнатка, как к ней затем, по прошествии почтенного времени, присоединили другую, поменьше, как, наконец, утеплили и обратили в кухоньку коридорчик.

Домик ее имеет трехзначный номер и стоит на бесконечной улице, протянувшейся вдоль железнодорожного полотна чуть не до самой Москвы. Зимой и летом, днем и ночью идут мимо составы: идут товарняки, электрички, поезда дальнего следования. Она уже не замечает их, их грохота, не просыпается от тепловозных свистков, а вот тиканье ходиков ее раздражает, и, когда мама в ночной смене, она идет в ее комнату и останавливает маятник. Если на дворе мороз, подтапливает дровами круглую печку, долго, остекленевшим взглядом смотрит на пламя, отсутствуя душой — словно засыпает с открытыми глазами. Потом, спохватившись, что уже поздно, спешит к себе, на узкую, переделанную из топчана тахту, над которой висит нарисованное ею цветными карандашами изображение киноактера Олега Видова.

На работу опаздывает регулярно, и не из-за нерадивости, а по простодушию и рассеянности: то пропуск дома забудет, то кошелек в электричке потеряет, а то, замечтавшись, проедет троллейбусную остановку. Давно бы рассчитали, да выручает начальница Серафима Прокофьевна. Начальница командует десятком быстроногих девушек, которых рассылает во все концы Москвы, а сама отеклая, дышит часто, ходит с костылем. Конечно, отругает, пухлым кулаком по столу постучит: «Наталья! Чтоб в последний раз! Ты меня знаешь!» — но тем все и кончится.

Все нехитрые тайны подчиненных Серафиме Прокофьевне хорошо известны, с ней они обязательно знакомят своих ребят, а если что-то меняется, предупреждают ее, на чьи звонки подзывать к телефону, а от каких будут прятаться. Она всеобщая мать или, лучше сказать, бабушка. Наташу же выделяет и жалеет особо: без отца, росла в детдоме, мать инвалидка...

Вечерами Наташа ходит в драмкружок, где второй год репетируют пьесу о гражданской войне и где она увлеченно играет красного связного — мальчика Васю. Или навещает московских подруг, чаще всего Нину, которая работает на «Мосфильме» ассистентом режиссера и показала ей однажды у проходной актера Видова.

2

Нина эта — во всем противоположность Наташе. Высокая, худая, с постоянной, хотя и несколько вымученной улыбкой на подвижном, с ранними морщинками лице. Имеет на улице маршала Бирюзова однокомнатную квартиру после раздела жилплощади с мужем, встает поздно, целый день принимает гостей, которые приносят выпивку и еду, бренчат на разбитом пианино, поют под гитару песни Ножкина и Высоцкого, заводят на кассетнике ансамбль «Бони М», много курят, еще больше острят и так же неожиданно, как приехали, исчезают...

Для Наташи Нина загадочна, как и ее квартира, где одна стена, отделяющая коридор от комнаты, разобрана вовсе, а другая сложена заново из красного кирпича, с нарочито оставленными просветами, точно бойницами в баррикаде. Придя в первый раз, Наташа подумала, что это декорация для фильма, который собираются снимать в Нининой квартире. Загадочны и ее посетители. Все разные, но чем-то неуловимым для Наташи схожие друг с другом. Может, своей таинственной принадлежностью к кинематографу?

Вот в квартиру не вошел, а вбежал, ворвался Черномором маленький, верткий бородач в темно-дымчатых очках, в перчаточной коже, джинсах, заполнив пространство криком, суетой, затопив комнату Ниагарой слов:

— Ста-руш-ка! Ба-буль-ка! Ба-бу-шен-ция! Как страшно я провел все это последнее время! Пятнадцать бутылок коньяка в три дня! Микроинфаркт! Отдельная палата! Капельница! И — водородный взрыв! Ночами два академика дежурили у моей постели! Я заставил их пить со мной Перно! На пятый этаж по пожарной лестнице ко мне приходила кинозвезда! Русская Милен Демонжо! Ты еще услышишь о ней и очень скоро, ста-руш-ка!..

Его гибкая фигура возникала в разных углах большой полупустой комнаты, но на Наташу, которая следила за ним со страхом и надеждой, он обращал не больше внимания, чем на стенку из кирпича.

— Я почти убил его, ста-руш-ка! Я страшно его избил! Кровь хлестала по прекрасной ватной груди его шинели! Он был красавец, вдвое, ровно вдвое выше меня! С торсом атлета...

Бородач снял очки, и Наташа в волнении обнаружила, что у него вовсе нет глаз. То есть на заросшем волосами лице, как у Адриана Евтихиева из учебника биологии, были условно обозначены две куриные точки.

Наташе стало так жутко, что она зажмурилась.

— Всю жизнь борись со злом! — гремело в комнате.— Я сею вокруг только добро! Отвечаю на зло добром! Я самый нежный человек на земле! У меня в квартире живут четыре бездомных собаки и молодой художник, работающий дворником. Я раздаю деньги! Я жалею людей! И вот почему я — гений, почему гениально все, что я делаю!..

Наташа медленно открыла глаза. В квартире было тихо, пустынно и даже как бы темно. Словно влетела в окно шаровая молния, ослепила, покружилась, покувыркалась да и вырвалась неведомо куда и зачем.

— Кто это? — благоговея, спросила она.

— Режиссер,— закурив крепкую сигарету — кишиневский «Марльборо», объяснила Нина.— Необыкновенно одаренный... Поэтому публика не понимает его фильмов, неспособна постигнуть его исканий...

— Как бы я хотела познакомиться с интересным человеком... Как он, как Видов,— краснея, призналась Наташа.

— Ты? — Нина смерила ее ироническим взглядом.— Это невозможно. Да для этого ты сама должна быть богатой натурой — ярким собеседником, знатоком музыки, живописи, поэзии... А о чем ты можешь с ними говорить?

Наташа сморщила лицо, словно собиралась заплакать, улыбнулась и пожала плечами.

— Вот то-то. И потом — сколько ты сейчас стóишь? Вся. Не больше полстольника...

— Как это? — еще раз улыбнулась Наташа, открыв острые зубки.

— В смысле — пятидесяти рублей... Туфли — двадцатка, платье шила сама — пятнадцать, прибавь еще белье, колготки — и полстольника не наберешь. Сказать, что́ тебе совершенно необходимо для начала?

Наташа вся подалась вперед.

— Тебе нужны джинсы. Фирма. Не наши, конечно, а с хорошим лейблом. Знаешь, какие фирмы модно носить?

С того часа и появилась у Наташи м е ч т а.

3

— Да что же в них такого особенного? — даже засмеялась Серафима Прокофьевна.

Начальница пила чай вприкуску, ухитряясь где-то доставать настоящий пиленый сахар — крупные, сероватые, неровные и очень сладкие кубики, которые она обгрызала боковыми, здоровыми зубами.

— Как вы не понимаете? — Наташа вскочила со стула, оказавшись вровень с сидящей Серафимой Прокофьевной.— Это подлинный коттон. Особая нитка! Крашенная натуральным индиго!

Она уже знала, видела и перетрогала все джинсы, разных расцветок — от нежно-голубой до чернильно-фиолетовой, могла бы перечислить все «лейблы», все наименования на кожаных или синтетических ярлыках. Она уже по нитке умела определить фирмы «Ли», «Врангель», «Левис», японскую перепечатку «Доллар» («Дубовый материал»,— с похвалой отзывались знатоки, особенно о первом «Долларе»). Ниже ценились перепечатки английские, канадские, итальянские и уж совсем с малой наценкой шли индийские, югославские, болгарские «Рила», польские «Одра» и «Шарик», венгерская «Комла», не говоря о на-

ших — «Спорте» и «Ну, погоди!». Правда, существовала еще «Олимпиада», с кисточками сзади, московской фабрики. Это был признанный класс. Но в магазинах их достать было совершенно невозможно, а переплачивать вчетверо не имело смысла. Уж лучше фирма...

— А сколько они стóят? — поинтересовалась начальница.

— Все зависит от того, какие,— взволнованно ответила Наташа.

— Ну, эти... Самые качественные...

Наташа сокрушенно махнула маленькой ручкой:

— «Ли» или «Левис» — двести рублей...

— Сколько?

Серафима Прокофьевна засмеялась снова, теперь уж надолго. Она смеялась вся, мелко и часто — смеялось ее доброе лицо, ее щеки, похожие на два небольших живота, ее стекающие под мышки груди, ее пухлые натруженные руки, где на правой дрожало обручальное кольцо, которое на сантиметр вросло в палец. Утерев слезы, она наконец смогла сказать:

— Двести рублей! Три твоих зарплаты! И это за какие-то, прости господи, портки! — Но, поглядев на Наташу, со вздохами добавила: — Я, конечно, старая, ничего в этом не смыслю... Думай сама...

И Наташа думала. Во-первых, отказалась от обедов, заменив их сперва кофе с булочкой: стакан кофе двадцать две копейки, калорийная булочка десять, а потом заменив кофе чаем — стакан чая с сахаром всего три копейки. Во-вторых, выиграла в черную кассу. В-третьих, продала за сорок рублей свою единственную фирменную вещь — ярко-желтый батник, который, как утверждали все, необыкновенно ей шел. Начала было сдавать кровь, да при таких харчах пришлось скоро отказаться: стала кружиться голова, пришла в ноги дрожь, подкатывалась тошнота...

И все же ко дню своего рождения она собрала сто пятьдесят рублей. На большее не хватило.

Родилась Наташа в июле, под знаком зодиака Рак, что означало, если верить польскому журналу мод «Урода», исключительную загадочность и тонкость натуры, легкую ранимость и глубокую богатую потаенную внутреннюю жизнь. Словно в подражание своему гороскопу, Наташа и была в этот день задумчива, печальна, погружена в себя. В честь рождения она принесла «гранату» — бутылку портвейна «Ркацители» за один рубль сорок семь копеек. Когда же после конца рабочего дня портвейн был коллективно выпит, Серафима Петровна сказала ей:

— Это тебе... От всех нас...— И грубовато добавила: — На твои портки...

— Что вы, что вы, Серафима Прокофьевна! — испугалась Наташа, увидев девять трешниц и один четвертной билет, взяла деньги и [redacted]

4

Теперь Нина была совершенно необходима, но дозвонилась ей Наташа лишь через долгих три дня.

— Ну, вот и прекрасно! — обрадовалась та за свою подругу.— Я сегодня же заеду к тебе с тем режиссером... Помнишь, такой симпатичный, в темных очках?..

В канцелярии режиссер держался не в пример скромнее, тише. Только оббегал соседние комнаты и внимательно оглядел робевших девушек, раскритиковав у одной лак для ногтей.

— Значит, так! — торжественно возвестила Нина, когда деньги были еще раз пересчитаны.— Пойдешь в женский дабл на углу Неглинной и Кузнецкого моста...

— Как это? — удивилась Наташа, показав зубки.— Куда?

— Есть такое маленькое подземное заведение,— с удовольствием вмешался режиссер.— Завсегдатаи называют его «Снежинка»... Там можно купить все. От прессованной американской пудры до «Фольксвагена»...

Когда они с Ниной ушли, Наташа спросила свою начальницу, понравился ли ей режиссер.

— Этот волосатик? — возмутилась Серафима Прокофьевна.— Да чистый пустограй... Глазами вокруг так и зыркает, так и зыркает. Всех облизал. Обезьяна...

В ответ Наташа поджала свой маленький ротик, завела глазки, как бы прикидывая что-то, и убежденно сказала:

— Нет, он не самец!

5

В ночь с пятницы на субботу она долго не могла уснуть. Все ворочалась, чувствовала то жар, то озноб, поднималась и проверяла, на месте ли деньги. А когда забылась, начали преследовать ее кошмары. В чернóе оконце, выходившее в крошечный палисадник, кто-то заглядывал, и она догадывалась: режиссер.

Он прислонялся к стеклу, снимал очки — становился безглазым, снимал бороду и бакенбарды — делался безротым, снимал волосы — оказывался безголовым, стаскивал кожаную мягкую куртку, и оставались одни джинсы, которые легко пролезали через фортку в комнату. Под звуки «Бони М» джинсы приплясывали, выкидывали коленца, приседали, вихлялись, тряслись, а затем, словно поддразнивая, удалялись к входной двери. И тогда Наташа начинала понимать, что ее обокрали. «Отдайте! Это мои джинсы! Мои! Зачем вы их надели!» — кричала она и просыпалась. Но забывалась — все повторялось сызнова. Напрасно Наташа переворачивала подушку, напрасно шептала заклинание, которому научила покойная бабушка: «На море, на Кияне, на острове Буяне, там стоят двенадцать дубов, у каждого дуба двенадцать корней: под этими корнями лежит чугунная доска, под той доской лежит моя тоска...» Режиссер появлялся снова и снова — до самого света...

Похудевшая, уставшая от переживаний, Наташа долго стояла, обтекаемая праздной московской толпой, спешившей в ЦУМ, в Петровский пассаж, в магазины Кузнецкого моста, и с другой стороны улицы разглядывала «Снежинку». Все казалось будничным, как на вокзале. Обычные женщины спускались и довольно быстро выходили, растворяясь в людском потоке. «Может, Нина и ее режиссер просто разыграли меня? Взяли на пушку?» — подумала она, набралась храбрости, перешла Неглинную и решительно направилась в «дабл».

...Было тесно, да так, как в воскресный вечер у них в Тайнинке, на танцверанде. Только тут могли танцевать лишь «голубой» танец — «шер» с «машер». От духоты, жара, спертости Наташе все это стало казаться продолжением сна, из которого надо было выскочить, очнуться. Но вот постепенно она стала ощущать жужжание приглушенных голосов:

— Фирменные пакеты... Отдам за файфок...

— Кому кенгуру? По дешевке... Кенгуру...

Выделялся резкий, с хрипотцой и почти детский голосок:

— Клевые блуевые трузера с двумя кокетами на боксайде...

Дама в годах, странно благоухая з д е с ь духами «Клема», тронула Наташу за плечо, выводя из летаргии:

— Есть безразмерные фирменные лифчики... Франция...

— Мне нужны джинсы! Только хорошие! — громко сказала Наташа и тотчас увидала перед

НАТАША

собой такую же, как она, маленькую белокурую девушку — очень хорошенькую, с мутными голубыми глазами и мокрым ртом.

— «Врангель»... Как раз твой размер... Ненадеванные...— Наташа узнала ее голос: это она предлагала «клевые трузера».

Не веря удаче, Наташа держала густо-синие джинсы с благородным «лейблом», фирменными швами и натуральной ниткой коттон. Просто из желания продлить удовольствие она спросила:

— За сто пятьдесят отдашь?

— Не бомби фирму,— равнодушно ответила блондинка, забирая джинсы.— И пристегни еще полкуска. Дорого — носи русские, с кисточкой....

Пробиться к кабинке, чтобы примерить, не было никакой мочи. Наташа просто прикинула размер: все подходило как нельзя лучше.

— Гляди, какой зип ломовой! — Блондинка несколько раз раскрыла и закрыла нарочито грубую металлическую «молнию».— Ну что, берешь? А то у меня времени нет тут тухнуть...

Наташа в волнении отсчитала двести рублей.

— Завернем, чтобы не схлопотать наверху,— девушка ловко упаковала джинсы в бумагу с гумовским клеймом.— Поздравляю с покупкой. Держи кости! — И протянула руку.

Когда счастливая Наташа выбиралась из толпы, блондинка оказалась рядом:

— Выйдем вместе...

На углу Кузнецкого моста к ним подошел парень в джинсовом костюме, с негритянски худой фигурой и большим, похожим на Южную Америку родимым пятном на левой щеке.

— Мой мэн,— представила его блондинка.— А я «Врагеля» ей отдала. За два куска.

— Кто тебе разрешил? Ба-ра-ни-на! — прошипел мэн.— А ну, верни ей бабки!

— Слушай! Ты меня совсем замучил,— ответила блондинка, но, к Наташиному ужасу, вынула ей двести рублей.

— Я вас умоляю! Не надо! — прошептала она, беря деньги и отдавая пакет.— Мне они очень нужны. Очень!

— Пожалей герлá,— хрипловатым баском поддержала ее блондинка.— Что ты нас утюжишь!

Парень заколебался, почесал Южную Америку, прикинул что-то.

— Ну, ее счастье! Бери назад!

— Спасибо! Спасибо! — Наташа готова была расцеловать его, несмотря на страшную щеку.

Она долго еще смотрела, как девушка и ее мэн идут вверх по Кузнецкому мосту. Затем, распираемая радостью, побежала к метро. В дороге до вокзала и в ожидании электрички она все представляла себе, как придет в воскресенье к Нине, как повернется в ее комнате на одной ноге, как скажет:

— Ну, как? Идут? Класс!

В электричке она развернула пакет с гумовскими этикетками.

Это были тоже синие, но н а ш и джинсы за двенадцать рублей пятьдесят копеек. С клеенчатой наклейкой «Ну, погоди!»...

6

В светлом школьном спортзале одна за другой появляются девушки в белых свободных куртках и коротких брюках, с наклеенными на груди иероглифами. Они кланяются немолодому мордастому учителю и выстраиваются в шеренгу. Сэнсэй быстро говорит им что-то по-японски, резко делая отмашку правой рукой. Девушки быстро встают на колени и с возгласом «Pa!» опираются на костяшки кулаков — кинтасы. Сидя на корточках, они выслушивают очередное задание.

Большинство ходит сюда, чтобы похудеть. Кое-кто — от скуки. Но у Натальи своя, священная цель. Нет, она не желает достигнуть пятого дана, носить черный пояс. Ей только нужно отомстить е м у, тому, худому, с Южной Америкой на левой щеке. Старушка уборщица в женском туалете — в том самом «дабле» — рассказывала ей, что часто видит эту блондинку, а наверху ее всегда встречает тот парень. Наташа будет ходить сюда, пока фаланги ее пальцев не приобретут твердость копыта у мула.

— Ра! — кричит она громче остальных по знаку сэнсэя и встает на кинтасы.

ПЕРВЫЙ АКТЕР РОССИИ

...Январским морозным днем Федор Григорьевич, простившись с родным домом, зашел в посадскую церковь. В полумраке мягким светом сиял сделанный по его рисунку иконостас, по композиции, ох как похожий на театральную декорацию! Федор Волков грустно улыбнулся...

Но на морозном воздухе при виде знакомых, веселых лиц Алеши Попова, Ивана Нарыкова (Дмитревского), Вани Иконникова, родных братьев Григория и Гавриила его печаль рассеялась. Он вдруг почувствовал небывалый прилив сил, и уверенность, что многое ему удастся, не покидала его.

Ярославские комедианты по «высочайшему повелению» отправились в Санкт-Петербург, а вслед за ними двинулось девятнадцать ямских подвод с декорациями и костюмами.

Санкт-Петербург в середине XVIII века во многом уступал древнейшему городу Ярославлю, не было в нем того обаяния старины и исконности. Но Петербург — столица, а значит, в том его и преимущество. Исстари так уж повелось: провинция рождала таланты, а блеск и славу им давала столица.

Два спектакля ярославские «гастролеры» дали в Царском Селе, а два — в самом Петербурге.

Придворная публика, привыкшая к вычурной декламации иностранных актеров, была разочарована, а «искусные и знающие люди увидели превеликие способности в сем г. Волкове и прочих его сотоварищах, хотя игра их и была только что природная и не весьма украшенная искусством».

Императрица Елизавета благосклонно приняла игру ярославцев, но использовать их в придворном театре не решалась. Не решалась заменить ими немецкую «комедиантскую банду под директорством Пантолона Гильфердинга» и других иностранцев, хотя, подчиняясь патриотическим интересам, стремилась утвердить национальные кадры. И, даже если «на место второстепенное назначали иностранца,— свидетельствует историк С. М. Соловьев,— то Елизавета спрашивала: разве нет русского?».

Звездный час Федора Волкова еще не пришел. Уж очень непривычна была, не соответствовала классицистской эстетике манера приезжих лицедеев.

Может, по той самой причине и распустили труппу, впрочем, оставив лучших — Федора Волкова, Ивана Дмитревского, Алексея Попова и определив их в Шляхетный кадетский корпус для пополнения образования. Определить-то их определили, но отнюдь не приравняли к дворянским юношам по содержанию. И жилось им там не очень сладко. Но Федор Волков был упорен, старателен и прилежен в учебе, много читал, изучал латинский, французский, немецкий языки, не обращая внимания на пренебрежительные взгляды высокородных дворянских сынков. Он не унывал, даже если не было денег на книги и ноты. Нет денег? Не беда — заложим епанчу и плащ, и деньги будут!

30 августа 1756 года императрица подписала исторический указ: «Повелели мы ныне учредить русской для представления трагедий и комедий театр...» Открыли сей театр к концу года, Сума-

О НАСТОЯЩЕМ КИНОРЕЖИССЕРЕ

Если задаться целью составить перечень черт и качеств, необходимых настоящему кинорежиссеру, то это можно легко сделать, перечислив черты и качества, присущие Григорию Львовичу Рошалю. Вот уж кто с полным основанием может быть назван настоящим, большим, выдающимся кинорежиссером! Кинорежиссером не только по профессии, но по призванию, по всему складу ума и темперамента. Эрудит и знаток человеческих душ, прирожденный организатор и неутомимый труженик. Таков Рошаль, чьи фильмы вот уже более полувека смотрят миллионы зрителей.

Творчество Рошаля многогранно. Великолепное знание литературы, тонкое восприятие особенностей того или иного писателя позволили ему успешно экранизировать многие произведения русских классиков и советских писателей. Среди его лучших и наиболее любимых зрителями работ — фильмы «Сестры», «Восемнадцатый год» и «Хмурое утро» по одноименным романам Алексея Толстого.

В разные годы разные темы волновали художника. Но можно найти и общее, что присутствует и ощущается почти во всех его картинах: неустанное восхищение человеком, его талантом в самом широком значении этого слова. Судьба подлинного таланта — выразителя народных дум и чаяний, народных интересов, взаимоотношения его с обществом — одна

роков и Волков возглавили его. А дело было не из легких: казна в пять раз меньше, нежели иностранцам, платила им жалованье, и труппа была мала — всего двенадцать человек, да и те все мужчины.

Строгие нравы россиян считали греховными даже мысли женщин о театре, и поэтому на объявление в «С.-Петербургских ведомостях» весной 1757 года: «Потребна к русскому театру для комедианток Мадам и, ежели сыщется желающая быть при оном театре Мадамою, та б явилась у бригадира и русского театра директора господина Сумарокова», ответа долго не было. Приходилось женские роли играть молодым актерам.

Первым актером при театре был Федор Григорьевич Волков. Он играл Хорева в «Хореве», Трувора из «Синава и Трувора» Сумарокова, Гамлета, князя Оскольда в «Семире». И еще великое множество других ролей. Творчество великого актера-просветителя совпало с периодом подъема национального самосознания русского народа. «Любовь к Отечеству есть первая добродетель»,— провозглашал Сумароков, чьим помыслам было созвучно творчество Волкова.

Актер со сцены нес в народ прогрессивные идеи русского классицизма. Сила страсти, бурный темперамент, одухотворенность и психологизм его героев поражали зрителей.

Много было горестей в судьбе Волкова, но было и много радостей, и главная из них — театр... Кожевенный амбар отчима-купца Полушкина, разукрашенный разноцветными огнями, музыка, пение на представлении расиновской «Эсфири» — первый спектакль запомнился на всю жизнь...

Слава актера росла. Новая императрица Екатерина II поручила ему организовать маскарад в честь своего восшествия на престол. «Торжествующая Минерва» — так называлось это большое площадное представление — удалась. Императрица была довольна.

А Федор Григорьевич, застудившись, слег. Гнилая горячка терзала молодое тело. Но театр манил его по-прежнему. Хоть раз, хоть один только раз сыграть. И он сыграл Оскольда — и как сыграл! Оскольд — непокорный, не сломленный захватчиками киевский князь, гибнущий за свой народ, в последний раз потряс зрителей.

Федор Григорьевич Волков умер в расцвете творческих и физических сил. Ему было всего 35 лет.

* * *

На празднично убранной сцене Большого театра СССР — портрет великого русского актера Федора Волкова. Длинный стол президиума вместил множество приглашенных, среди них замечательные актеры, деятели театра: народные артисты СССР М. Царев, А. Степанова, А. Зуева, Г. Уланова, К. Лавров и многие другие.

Все они — продолжатели дела Федора Волкова, основателя первого русского **профессионального** театра, человека, мечтавшего видеть на родине множество прекрасных театров.

На торжественном заседании еще раз прозвучали слова В. Г. Белинского о Волкове: «...Будь он иностранец, его соотечественники давно бы истребили его жизнь на трагедии, комедии, драмы, оперы, водевили, романы, повести, сказки; а у нас нет даже полной его биографии, потому что негде взять фактов о подробностях его жизни, а многие не знают его и имени...»

Нынешнее большое торжество, посвященное 250-летнему юбилею Федора Волкова, опровергает эти слова. В Советской стране имя первого русского актера воссияло яркой звездой. Рожденный в России могучий талант, давший начало прославленной театральной школе, ее реалистическим и гражданственным традициям, несет свет своих идеалов и в наши дни.

А. ЗВЯГИНА

из центральных тем произведений Рошаля. Он рассказал о загубленном царизмом артистическом даре в тревожной и трагической «Петербургской ночи». Раскрыв внутренний мир гигантов науки и искусства в «Академике Иване Павлове» и «Мусоргском». Попытался художественно постигнуть величие интеллекта и силы духа вождя пролетариата в картине, посвященной Карлу Марксу,— «Год как жизнь».

Действенная любовь Рошаля к человеческой талантливости проявилась не только в его фильмах, но и тогда, когда он до прихода в кино увлеченно занимался эстетическим воспитанием детей, работал в Наркомпросе под руководством А. В. Луначарского и Н. К. Крупской (кстати, А. В. Луначарский был автором сценария одной из его первых картин и снимался в ней); проявляется и сейчас, когда вот уже более двадцати лет он возглавляет кинолюбительское движение в стране, отдает его организации энергию, страсть и свою поразительную доброту. Кажется, он поименно знает сотни кинолюбителей и уж, во всяком случае, видел их фильмы, радовался успехам, переживал неудачи. Таков уж характер этого человека, который, впрочем, может стать и гневным, нетерпимым, встретив бездеятельность, равнодушие, пассивность.

Глубокий интерес Рошаля к человеческой личности, естественно, привел к тому, что в основе его режиссуры неизменно находится работа с актерами. Он открыл для кинематографа немало ярких актерских имен. Так, в его фильме впервые снялась в то время артистка музыкального театра Любовь Орлова, в его картинах проявилось незаурядное дарование Руфины Нифонтовой, он познакомил кинематографического зрителя с большим талантом Александра Борисова. С Рошалем плодотворно работали Черкасов и Добронравов, Хмелев и Леонидов, Марецкая и Державин, Плотников и Гриценко, многие другие выдающиеся мастера.

И в свои 80 лет народный артист СССР Григорий Львович Рошаль сохранил азартную увлеченность делом, редкую общительность, восторженное отношение к людям и жизни.

Л. ПАРФЕНОВ

КИМ МАККЕНЗИ И АКУЛЫ

Альберт ЛЕЙКИН

Ранним утром 17 декабря 1967 года Гарольд Хольт, премьер-министр Австралии, слывший неплохим пловцом, вошел в воду в районе Чевиот Бич, пляжа, расположенного в 59 милях от Мельбурна, и с тех пор его никто больше не видел. Газеты высказывали много разных предположений о судьбе Хольта, и по одной из самых распространенных версий—премьера разорвали акулы.

Спустя одиннадцать лет после исчезновения Хольта австралийцы нет-нет да и заводят разговор о его судьбе. И неспроста. Акулы по сей день остаются настоящим бичом страны, которая славится своими пловцами и многочисленными пляжами, раскинувшими свои желтые ласковые пески от Брисбена до Аделаиды.

Только в Сиднее 34 пляжа, и на каждом из них установлены специальные зоны для любителей плавать в океане. Это опасное развлечение разрешается лишь тогда, когда несет вахту служба спасания на воде и ее патрули берут под охрану и наблюдение районы купания. Многие заливы и реки перекрыты специальными противоакульими сетями. С высоты птичьего полета можно видеть шныряющих у берегов акул.

Австралийцы предпочитают пользоваться домашними бассейнами, которых много во дворах домов, в городских парках, в отелях. Кстати, самая выдающаяся спортсменка Австралии — трехкратная олимпийская чемпионка по плаванию Дон Фрэзер работает в фирме, продающей такие домашние бассейны.

Никто не станет сомневаться в искусстве и умении плавать Дон Фрэзер, чемпионки Мельбурна, Рима и Токио, но вот, встретившись с ней в Сиднее, я спросил, отважится ли она плавать в океане или даже в реке Парраматта без должного прикрытия. Ответ был предельно ясным: «Никогда. Мне не улыбается свидание с акулой».

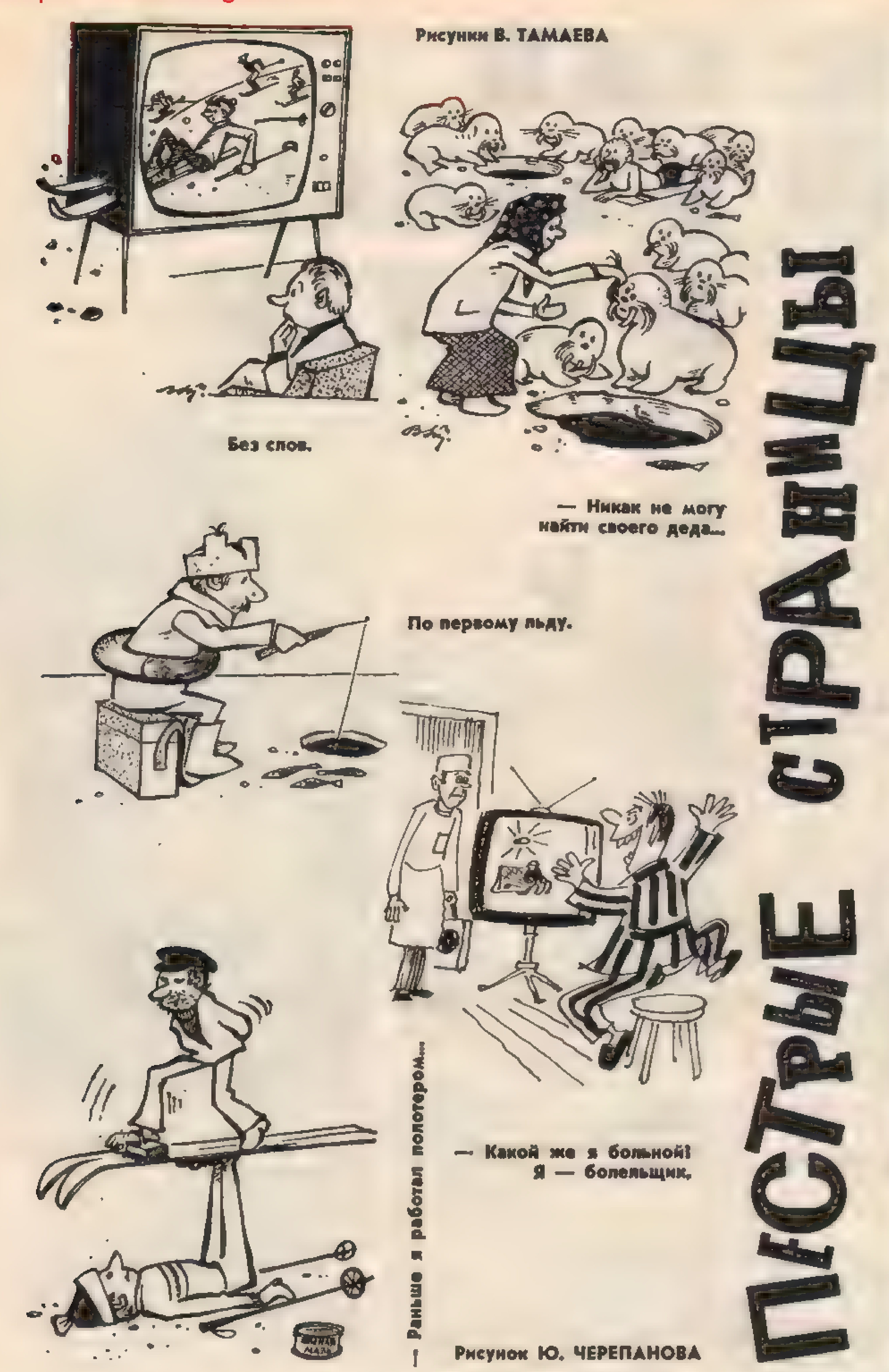
Охотники за акулами — люди весьма уважаемые в Австралии. Работа эта нелегкая и крайне опасная. Читатель может подумать, что охотники за акулами — это морские волки, пропитанные солью моря и обожженные солнцем южного полушария. Да, попадаются среди них и такие, но в большинстве это обычные сухопутные люди. Вот я и хочу рассказать об одном таком охотнике, боевой счет которого в сражениях с акулами уже перевалил за полторы тысячи штук.

Зовут ее Ким Маккензи. Да, это девушка! Ей 27 лет. Живет в деревушке Мулулаба, что в самом центре известного курорта Солнечный Берег, близ Брисбена. Если вы ее встретите где-нибудь на пляже или на улице, то никогда и не подумаете, что эта привлекательная молодая блондинка занимается столь опасным и нелегким делом.

Ким живет с отцом и матерью, кроме нее, в семье еще младшие брат и сестренка. Впервые Ким вышла в море с отцом Роем Маккензи, профессиональным рыбаком и ловцом улиток, когда ей было 14 лет. Несколько лет она помогала отцу в его нелегком труде. Примерно в то же время она занялась весьма популярным в Австралии видом спорта — сёрфингом, катанием на волнах на доске — сёрфе.

В 1972 году Ким с отцом выпала большая удача — за каких-нибудь десять минут они полностью набили свою лодку дарами моря. Этот улов позволил Рою снарядить дочь на поездку в США на соревнования по сёрфингу. Вернувшись оттуда, Ким в течение двух лет побеждала на чемпионатах Австралии среди женщин.

Рисунки В. ТАМАЕВА

Без слов.

— Никак не могу найти своего деда...

По первому льду.

— Раньше я работал полотером...

— Какой же я больной! Я — болельщик.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Скорая помощь

Гигантская галапагосская черепаха — обитательница зоопарка английского города Дадли — повредила серьезно свой панцирь, и ей пришлось срочно оказать медицинскую помощь.

Еще один велосипед

Трудно ли в наше время изобрести велосипед? Пожалуй, нелегко, учитывая количество и разнообразие уже предложенных конструкций. И все-таки американец Ральф Холленбург смастерил уникальную машину: человек управляет ею лежа, затрачивая меньше сил, чем при езде на обычном велосипеде.

Но вот настали нелегкие дни, устрицы не ловились, сил у отца уже не хватало, чтобы кормить большую семью. И Ким подписала контракт охотницы за акулами. Надо сказать, что и до контракта ей время от времени приходилось вступать в схватку с акулами, но это была лишь «проба пера». В начале 1975 года Ким стала профессиональной охотницей и за три с лишним года уничтожила более 1500 акул, каждая из которых была, по словам Ким, «потенциальным человеко-итером» (способной проглотить человека).

— Многие спрашивают меня, опасна ли моя работа, и разочаровываются, когда я отвечаю отрицательно. Для меня это самое обычное занятие.

Большую часть дня Ким проводит у берега, скользя на сёрфинге и обеспечивая безопасность купающихся и тех, кто только начинает заниматься катанием на доске по волнам. По мнению Ким, сёрфинг как вид спорта возник в качестве защиты от акул. Опытный сёрфист всегда сумеет уйти от акулы. (Кстати, этот вид спорта стремительно завоевывает себе сторонников во многих странах. Начал он развиваться и в нашей стране.) Мечта Ким Маккензи — чтобы сёрфинг стал олимпийским видом спорта. Мечтает она и о тех днях, когда на побережье ее страны никто более не услышит душераздирающего крика — «Шарк!» («Акула»).

Ким Маккензи ловит акул в сети, которые она расставляет так же, как это делают рыболовы. Но поймать хищницу в сеть лишь полдела. Ведь сколько бы акула ни пробыла в сетях, она остается живой и не менее опасной, чем на свободе. На своем катамаране (Ким считает, что для охоты за акулами подходит только катамаран) охотница почти вплотную подходит к акуле и поражает ее своим ножом-гарпуном. Нож должен быть брошен так, чтобы с силой вошел акуле в глаз (единственное уязвимое место хищника). По существующим правилам охотник должен, поймав акулу, вскрыть ей брюхо и затем бросить в море.

Надо сказать, что прежде чем выйти на первую охоту, Ким целый год ежедневно тренировалась в метании гарпуна. И ныне ни на день не прекращает этих тренировок.

В море на своем катамаране Ким Маккензи выходит одна. Она считает, что не имеет права подвергать риску других людей.

Разглядываю фотографии, подаренные мне Ким. Задаю наивный вопрос:

— А зачем вы вспарываете брюхо?

— Ищем акулят. Для статистики. И как ни печально — останки людей,— отвечает она.

К счастью, Ким никогда не находила таких останков.

— Бывали случаи,— рассказывает Ким,— поймаешь огромную акулу, метров пять в длину, вспорешь ей живот, а там еще одна акула, только что съеденная. Можно найти и третью акулу, проглоченную той, которая сама стала жертвой. Недавно я обнаружила в чреве акулы очень опасную и ядовитую водяную змею, которая выглядела совсем как живая. Я в страхе отпрянула, но та, на мое счастье, оказалась мертвой.

По словам Ким, самые опасные акулы — тигровые, обычный их размер от четырех до шести метров. Ненасытность тигровых акул не знает границ.

Домашний женьшень

Некоторое время назад Николай Степанович Гранадский жил в Сибири. Как-то тяжело заболел. Лекарства, приготовленные из женьшеня, помогли избавиться от недуга. Выручили друзья из Чугуевского лесхоза Приморского края, где не раз приходилось бывать. Там же он впервые увидел, как растет женьшень.

После возвращения на родину, в Чебоксары, пришла мысль попробовать выращивать таежное растение в домашних условиях. Обратился к ученым за советом. И вот в одной из комнат его квартиры целая плантация женьшеня.

— Таежному гостю нужна постоянная высокая влажность воздуха, без резких перепадов суточная температура, лесная почва определенного состава,— говорит хозяин квартиры.— Растение не любит ни темноты, ни яркого света. Корень, выращенный в таких условиях, в пяти-шестилетнем возрасте намного превышает по весу и объему двадцатилетний, добытый в уссурийской тайге. А по своим фармакологическим качествам ничем не уступает выросшему в естественных условиях.

П. СЫМКИН
Фото В. Исаева

Огородный чемпион

Этот гигантский кочан вырос на огороде Ноэля Опэ из Нормандии (Франция). Вес капусты — 10 килограммов, диаметр — 110 сантиметров.

Радионяня

В Японии недавно сконструирован робот, который выполняет функции няни, получая приказы по радио.

Может показаться, что опасный промысел делает охотника или охотницу черствым и жестоким человеком. Ким придерживается другого мнения:

— Я совсем не за то, чтобы истребить акул,— они нужны для равновесия в природе. Я хочу отогнать их подальше от берегов, где живут и работают люди, которым и так нелегко добывать хлеб насущный.

Австралийские журналисты рассказывали мне, что они видели слезы этой мужественной девушки, когда в ее сети случайно попадал дельфин. Ким говорит по этому поводу:

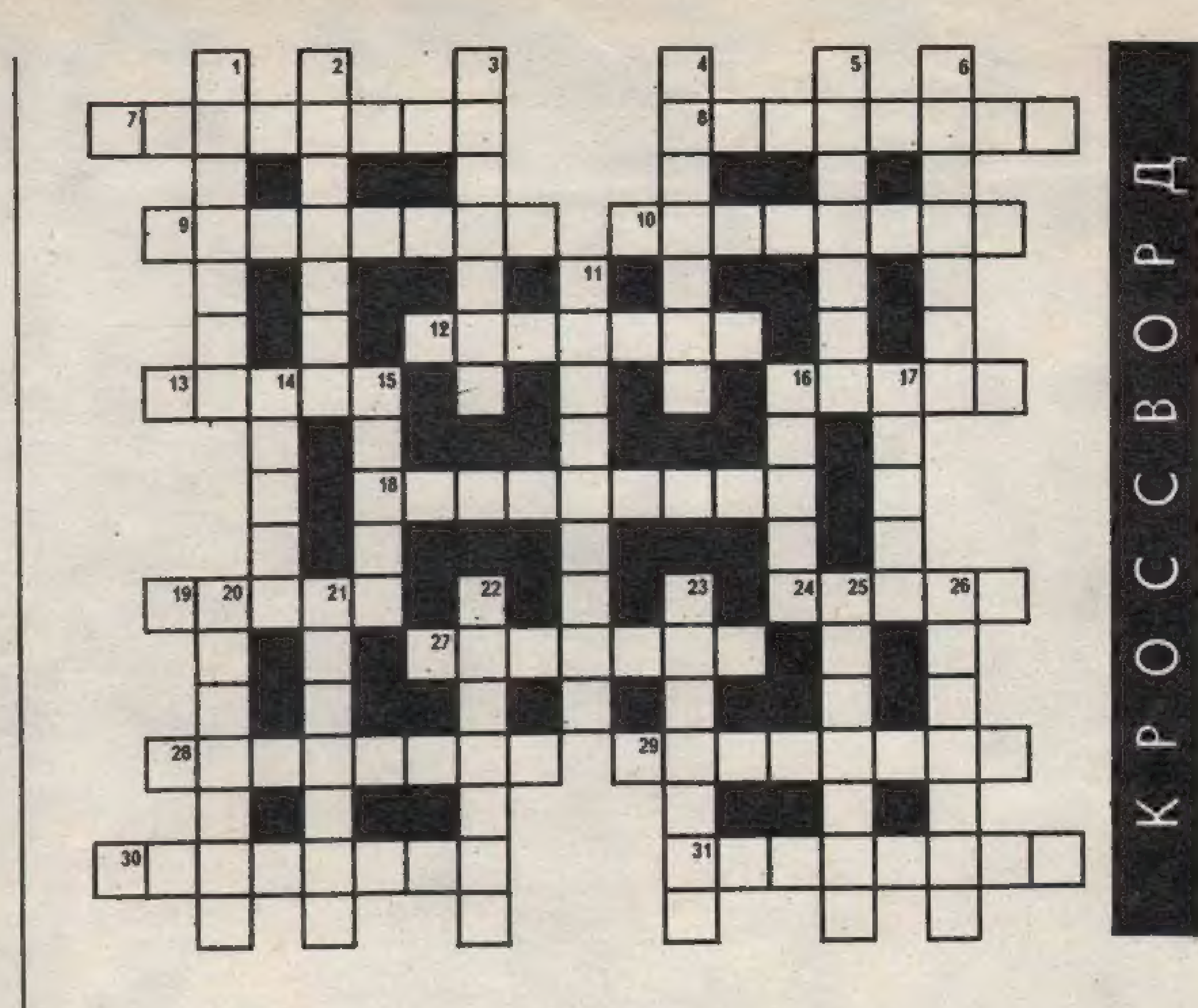
— Дельфины наши большие друзья. Несколько раз они своей игрой вокруг катамарана показывали, в каком направлении мне следует искать акул. Дельфину обычно удается уйти от преследования акул, он быстрее их и своими «радарами» чувствует приближение врага.

Ким не любит рекламы. Даже опытные и пронырливые американские репортеры не могли застигнуть ее врасплох для интервью или фотосъемки. Ее ловкость, мягкость движений и прекрасное периферическое зрение помогают ей, как говорится, исчезнуть незамеченной. Видимо, и здесь профессия дает себя знать: с акулами шутки плохи.

Отдыхать Ким любит в девственных джунглях, что еще сохранились в нескольких милях от ее дома. Нелегкая и опасная профессия заставляет девушку всегда быть в форме. Ким не знает, как долго еще будет заниматься акульей охотой. Во всяком случае, сколько сможет. Ведь другой профессии у нее нет.

Брисбен — Сидней — Москва.

КРОССВОРД

По горизонтали:
7. Устное народно-поэтическое повествование. 8. Высшее учебное заведение. 9. Исследователь Дальнего Востока, этнограф и писатель. 10. Автономная советская республика. 12. Танец, распространенный среди европейских народов. 13. Глазурованные керамические изделия. 16. Эстрадная комическая пьеса. 18. Стихотворение А. С. Пушкина. 19. Городской железнодорожный транспорт, предшественник трамвая. 24. Залив на севере Красного моря. 27. Декоративное луковичное растение, цветок. 28. Лесная ягода. 29. Глубоководный самоходный аппарат для океанографических исследований. 30. Птица, гнездящаяся в горных районах. 31. Прибор для измерения частоты вращения машинного вала.

По вертикали:
1. Математическое положение, требующее доказательства. 2. Мазь, употребляемая в технике и медицине. 3. Дорога через горный хребет. 4. Южный орех. 5. День недели. 6. Существенное свойство предмета, явления. 11. Рассказ А. П. Чехова. 14. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа. 15. Лососевая рыба. 16. Прозрачный слоистый минерал. 17. Действующее лицо оперы Ю. А. Шапорина «Декабристы». 20. Советский геолог и географ, академик. 21. Поэт-просветитель, основоположник литературы коми. 22. Вещество для изготовления искусственного волокна. 23. Музыкальный темп. 25. Литературный герой романа Р. Роллана. 26. Вид продовольственных товаров.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали:
7. «Ведомости». 8. Горностай. 9. Фотон. 10. Тагил. 12. Осло. 14. Анды. 15. Гафуров. 18. Секстант. 19. Абориген. 20. Майданников. 23. Гипотеза. 26. Телескоп. 28. «Детвора». 29. Нота. 30. Азот. 31. Такси. 33. Нигер. 35. Померанец. 36. Ломоносов.

По вертикали:
1. Велосипед. 2. Торт. 3. Штандарт. 4. Кострома. 5. Снег. 6. Вальдшнеп. 9. Фобос. 11. Ларин. 13. Турчанинова. 16. Парапет. 17. Конопля. 21. Циклотрон. 22. Космодром. 24. Обрат. 25. Ацетилен. 26. «Турандот». 27. Сахар. 32. Квас. 34. Грот.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Столица Республики Куба. * Ученики школы поселка Лосманнос.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Памятник Хемингуэю. * На улицах Гаваны. * Сахарный завод «Урбано Норис» в провинции Орьенте. * Знаменитые гаванские сигары. * В парке имени Ленина.

Фото Н. Ивановой и Дм. Бальтерманца.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

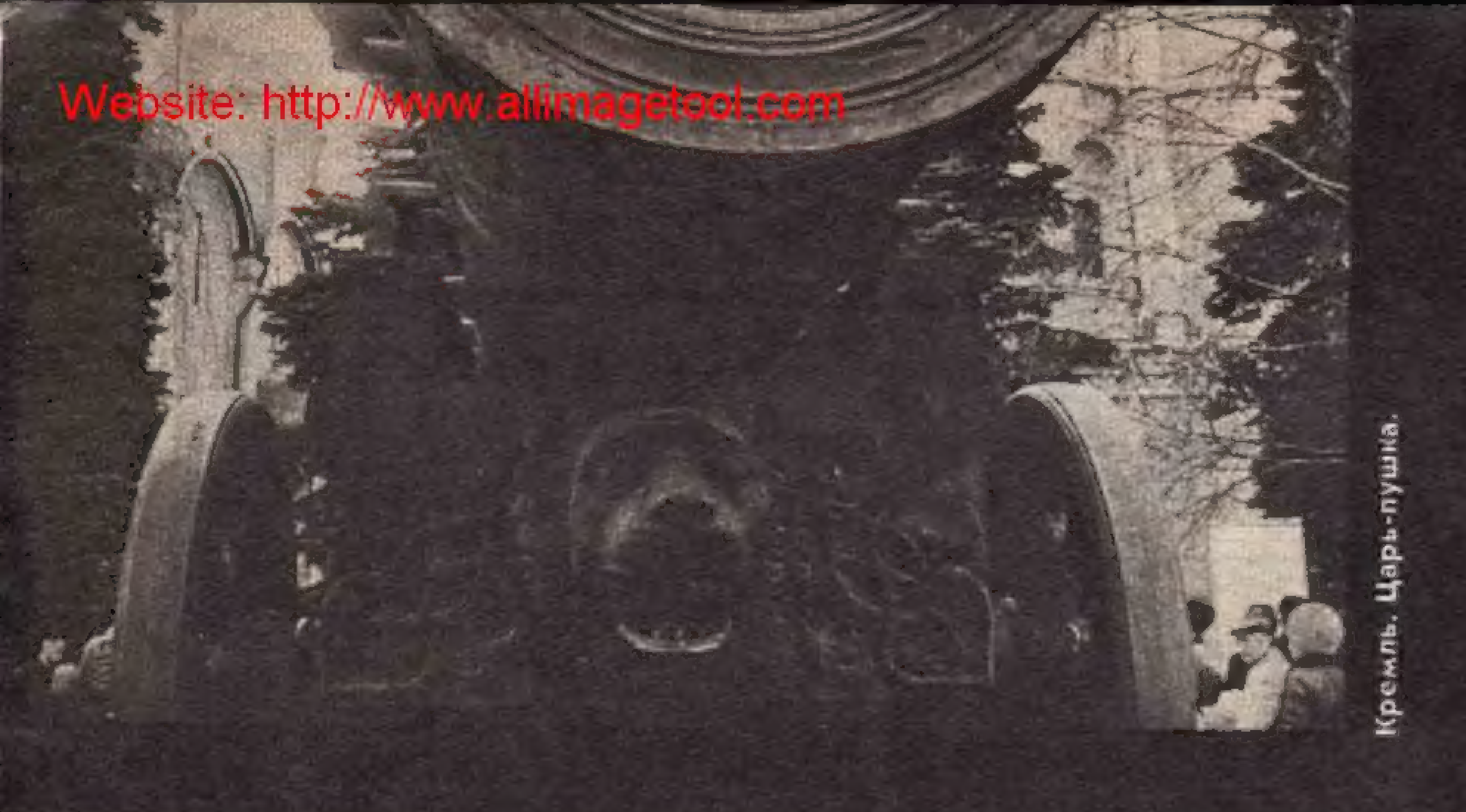
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 4.XII.78. А 01268. Подписано к печати 20.XII.78. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 030 000 экз. Изд. № 2977. Заказ № 3179.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Кремль. Царь-пушка.

Пионерские пруды.

Хлебный переулок.

Интернациональная улица.

Красная площадь. Спасская башня.

Улица 25-го Октября.

земля родная

ГРИВАСТЫЙ СТРАЖ ВОРОТ МОСКОВСКИХ

Георгий РОЗОВ

Фото автора

...Вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

А. С. ПУШКИН
«Евгений Онегин».

Давно ушла в прошлое старая Тверская. Сегодня по главной улице Москвы несутся автомобили. Не встретишь тут купца и мужика, а уж лачужки, огороды и ухабы совсем трудно представить на улице Горького. Но львы на воротах Музея революции (бывшего Английского клуба) по-прежнему сторожат старинный особняк.

После пожара 1812 года в Москве начался «львиный бум». Особняки украшались львиными изваяниями. Белокаменные, мраморные, гипсовые, чугунные, добродушные, свирепые, мудрые, дурашливые и даже ласковые, как кошки, львы расселились по улицам города, стали привычны и обыденны. И сейчас мы их часто даже не замечаем. А ведь так было не всегда. В пятнадцатом веке москвичи вряд ли могли знать об этом экзотическом тогда звере более того, что сообщал «Физиолог» — сборник рассказов о животных, птицах и сказочных существах. Открывался «Физиолог» описанием жизни львов. Примерно таким: львица рожает детеныша мертвым и стережет его три дня, пока не придет отец, чтобы оживить львенка своим дыханием. Учуяв охотника, лев заметает свой след хвостом.

Коломенское.

Донской монастырь.

Коломенское.

«Егда спит в пещере своей, бдита ему очи» [то есть никогда не смыкает очей]. В средние века особенно ценилась львиная бдительность. Потому-то лев и был поставлен пред вратами стражем неусыпным.

В XVI веке персидский шах подарил Ивану Грозному живых льва и львицу. Зверинца в стольном граде не было, и супружескую чету посадили в осушенный крепостной ров на Красной площади. Весь город сбегался посмотреть на диковинных зверей, и уж, конечно, видели их и каменотесы. А в 1551 году, на Стоглавом соборе, духовенство упрекало паству за то, что над вратами их домов изображались звери и «неверные храбрые мужи» [кентавры]. Однако москвичи не очень-то слушались. Львы встречаются на колоколах, пушках, наличниках окон. Ворота Измайловского дворца царя Алексея Михайловича (XVII в.) были украшены своеобразными львами. Эти милые создания с большими грустными глазами хранятся сейчас в музее в Коломенском.

О большинстве авторов львиных изваяний мы ничего не знаем, но о некоторых, к счастью, можно кое-что рассказать. Крепостной скульптор Г. Т. Замараев лепил львиные маски для дома Пашкова (здание Библиотеки имени В. И. Ленина). Сейчас они считаются классическими. Г. Т. Замараев— автор надгробья на могиле деда известного поэта XIX века Ивана Козлова. В этой скульптуре лев уже не страж, и не царь зверей, и уж никак не воплощение мощи. Это самое ласковое создание из всех его московских собратьев.

Автор прекрасного памятника Н. В. Гоголю скульптор Н. А. Андреев заставил своих львов держать на спинах фонари.

В начале двадцатого века львы все реже украшают улицы Москвы, а затем о них и вовсе забывают. И только архитекторы Михаил Десько и Николай Гайгаров вспомнили о них, когда строили дом для героев войны на Пионерских прудах. Огромные звери скульптора Льва Карташева так удачно вписались в архитектурный ансамбль этого тихого уголка столицы, что, кажется, вечно лежали на высоких постаментах, храня покой нашего города.

Донской монастырь.

Кремль. Грановитая палата.

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663